

Джон ГРИН

В поисках Адажи

первый друг, первая девушка,
последние слова

Annotation

Никому, кроме собственных родителей, не интересный тощий Толстячок Майлз Холтер в романтическом поиске неизвестного, но непременно Великого «Возможно» переезжает в закрытую частную школу, где начинается настоящая жизнь: сигареты и вино, красотка Аляска и пышногрудая Лара, надежные друзья и не перестающие досаждать враги, где в воздухе витают новые идеи и чувства, где страшно жарко, но дышится полной грудью, где за пятки кусает страх — страх наказания за неповиновения правилам — и гонит вперед любовь и жажда счастья...

И с этим счастьем удастся соприкоснуться, но соприкоснуться всего лишь на миг, после чего приходится, едва оперившись, выходить во взрослую жизнь.

- [прикол](#)
- [до](#)
 - [за сто тридцать шесть дней](#)
 - [за сто двадцать восемь дней](#)
 - [за сто двадцать семь дней](#)
 - [за сто двадцать шесть дней](#)
 - [за сто двадцать два дня](#)
 - [за сто десять дней](#)
 - [за сто девять дней](#)
 - [за сто восемь дней](#)
 - [за сто один день](#)
 - [за сто дней](#)
 - [за девяносто девять дней](#)
 - [за девяносто восемь дней](#)
 - [за восемьдесят девять дней](#)
 - [за восемьдесят семь дней](#)
 - [за восемьдесят четыре дня](#)
 - [за семьдесят шесть дней](#)
 - [за шестьдесят семь дней](#)
 - [за пятьдесят восемь дней](#)
 - [за пятьдесят два дня](#)
 - [за пятьдесят один день](#)
 - [за сорок девять дней](#)

- [за сорок семь дней](#)
- [за сорок шесть дней](#)
- [за сорок четыре дня](#)
- [рождество](#)
- [за восемь дней](#)
- [за четыре дня](#)
- [за три дня](#)
- [за два дня](#)
- [за день](#)
- [последний день](#)
- [после](#)
 - [на следующий день](#)
 - [через два дня](#)
 - [через четыре дня](#)
 - [через шесть дней](#)
 - [через семь дней](#)
 - [через восемь дней](#)
 - [через девять дней](#)
 - [через тринадцать дней](#)
 - [через четырнадцать дней](#)
 - [через двадцать дней](#)
 - [через двадцать один день](#)
 - [через двадцать семь дней](#)
 - [через двадцать восемь дней](#)
 - [через двадцать девять дней](#)
 - [через тридцать семь дней](#)
 - [через сорок пять дней](#)
 - [через сорок шесть дней](#)
 - [через пятьдесят один день](#)
 - [через шестьдесят два дня](#)
 - [через шестьдесят девять дней](#)
 - [через восемьдесят три дня](#)
 - [через восемьдесят четыре дня](#)
 - [через сто два дня](#)
 - [через сто четырнадцать дней](#)
 - [через сто восемнадцать дней](#)
 - [через сто девятнадцать дней](#)
 - [через сто двадцать два дня](#)
 - [через сто тридцать шесть дней](#)

- [последние слова о последних словах](#)
- [благодарности](#)
- [об авторе](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)

Джон ГРИН

В поисках
Аляски

*Посвящается моей семье: Сидни Грин, Майку Грину
и Хэнку Грину.*

«Я изо всех сил старался поступать правильно».

*(последние слова президента Гровера
Кливленда)*

прикол

Все расселись на спальниках, Аляска курила, выказывая полное пренебрежение к тому, что вся эта конструкция могла вспыхнуть с поразительной легкостью. Полковник достал один-единственный листок бумаги из принтера и зачитал:

— Смысл сегодняшнего праздника — раз и навсегда доказать, что мы — прирожденные приколисты, а выходники — не менее прирожденный отстой. К тому же у нас будет возможность подпортить жизнь Орлу, такое удовольствие пропустить нельзя. Так что сегодня... — он сделал паузу, словно в этот момент должна была зазвучать барабанная дробь, — мы сражаемся на трех фронтах. Фронт первый: предприкол. Мы, по сути, буквально подпалим перья у Орла на заднице. Фронт второй: операция «Болди», в которой Лара в одиночку выполняет жестокую, но изящную карательную миссию, которую мог породить исключительно мой умище...

— Э... — перебила его Аляска, — вообще-то, это я придумала!

— Ну ладно, о'кей. Это придумала Аляска. — Он хохотнул. — И наконец, фронт третий: донесения. Мы взломаем школьную сеть, взлезем в базу данных по успеваемости, разошлем родственникам Кевина... и всем остальным тоже... сообщения о том, что их детишки по некоторым предметам отстают.

— Нас точно выпрут, — прокомментировал я.

— Я надеюсь, вы азиата с собой решили прихватить не потому, что он компьютерный гений. Это не про меня, — сказал Такуми.

— Не выпрут, а компьютерный гений — я. Все остальные нужны лишь в качестве рабочей силы и для отвода глаз... Мы просто учиним небольшой беспредел, типа того.

до

за сто тридцать шесть дней

ЗА НЕДЕЛЮ ДО ТОГО, как я уехал в пансион в Алабаме, оставив семью, Флориду и всю свою остальную детскую жизнь, мама настояла на том, что она закатит мне прощальную вечеринку. Ничего хорошего я от этого мероприятия не ждал — и это еще очень мягко сказано. Но меня все равно заставили пригласить своих «школьных друзей», то есть тот сброд, который тусовался в театральном кружке, и нескольких англичан отщепенцев, с которыми общественная необходимость заставляла меня сидеть в столовке нашей обычной школы. Впрочем, я знал, что они не придут. Но мать моя была настойчива, пребывая в иллюзии, будто я все предыдущие годы умудрялся как-то скрывать от нее, что меня обожает вся школа. Она приготовила целую прорву артишокового соуса. Украсила гостиную желто-зелеными флажками — это были цвета той школы, в которую я переходил. Купила пару дюжин хлопушек, напоминающих бутылки с шампанским, и выставила их вдоль журнального столика.

И в самую последнюю пятницу, когда почти все вещи были собраны, в 16:56 они с папой (и со мной) сели на диван в гостиной, спокойно ожидая появления кавалерии, которая должна была примчаться, дабы пожелать юному Майлзу счастливого пути. Явившаяся кавалерия состояла ровно из двух человек Мари Лосон, крошечной блондинки в прямоугольных очках, и ее коренастого (это чтобы его не обидеть) друга Уилла.

— Привет, Майлз, — усевшись сказала Мари.

— Привет, — ответил я.

— Как лето провел? — поинтересовался Уилл.

— Нормально. А сам?

— Тоже хорошо. Мы ставили «Иисуса Христа — суперзвезду». Я помогал с декорациями, Мари — с освещением, — рассказал он.

— Круто. — Я кивнул со знанием дела, и на этом, считай, все темы для разговора иссякли. Я мог бы расспросить об «Иисусе Христе», но я, во-первых, не знал, что это такое, и, во-вторых, не хотел знать, и, в-третьих, я вообще в светских беседах не силен. Зато моя мама может трепаться часами, поэтому она решила продлить сложившуюся неловкость расспросами о графике репетиций, о том, как прошел спектакль, как его восприняла публика.

— Я думаю, что все прошло хорошо. Народу, я думаю, было много. — Мари явно много думала.

Наконец Уилл вставил:

— Мы зашли ненадолго, просто чтобы попрощаться. Мари надо к шести проводить домой. Веселой тебе жизни в пансионе, Майлз.

— Спасибо, — с облегчением ответил я. Хуже вечеринки, на которую никто не пришел, может быть только вечеринка с двумя грандиозно и бесконечно занудными гостями.

Когда они ушли, я снова сел рядом с родителями и уставился на темный экран телевизора — мне захотелось его включить, но я понял, что этого сейчас лучше не делать. Я буквально ощущал, что и мама, и папа смотрят на меня, ожидая, что я вот-вот разревусь или типа того, как будто я не знал с самого начала, что все именно так и будет. Но я ведь *знал*. Я буквально кожей чувствовал их жалость, с которой они поедали чипсы с соусом, предназначенные для моих воображаемых друзей, но жалеть надо было скорее их самих, а не меня: я-то не столкнулся с разочарованием. Моим ожиданиям ситуация соответствовала.

— Майлз, ты поэтому хочешь уехать? — спросила мама.

Я подумал над этим пару секунд, не глядя на нее.

— М-м-м... нет, — ответил я.

— А почему же? — настаивала она. Мама уже не первый раз задавала мне этот вопрос. Ей не особо хотелось отпускать меня в пансион, и она этого не скрывала.

— Это из-за меня? — предположил папа.

Он сам учился в Калвер-Крике, в той школе, куда собирался я, а также оба его брата и все их дети. Мне кажется, ему приятно было думать, что я решил пойти по его стопам. Дяди рассказывали мне, что моего папу считали крутым все ребята в кампусе — за то, что он одновременно и буянил, как только мог, и учился на отлично по всем предметам. Его жизнь казалась интереснее того жалкого существования, которое я влачил во Флориде. Но нет, я хотел уехать не из-за него. Не совсем.

— Погодите, — сказал я и отправился в отцовский кабинет за биографией Франсуа Рабле.

Я любил читать биографии писателей, даже если (как оно и было в случае с месье Рабле) я не прочел ни единого другого их произведения. Я открыл книгу ближе к концу и нашел отмеченную маркером цитату. («НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ДЕЛАЙ ПОМЕТОК В МОИХ КНИГАХ», — тысячу раз наставлял меня отец. Но как я иначе смогу найти то, что мне нужно?)

— Этот чувак, — начал я, остановившись в дверях гостиной, — Франсуа Рабле, он был поэтом. Его последние слова: «Иду искать Великое „Возможно“». Вот и я тоже. Хочу начать поиск уже сейчас, чтобы не

пришлось дожидаться смерти.

Это родителей успокоило. Я отправлялся на поиски Великого «Возможно», а они не хуже меня знали, что с такими, как Уилл и Мари, я его не найду. Я снова плюхнулся на диван между ними, папа приобнял меня, и мы еще довольно долго сидели так вместе, молча, пока я наконец не почувствовал, что можно включить телик. Мы поужинали артишоковым соусом под какую-то историческую передачу, идущую по популярному каналу, так что в итоге это вышла определенно не самая ужасная прощальная вечеринка на свете.

за сто двадцать восемь дней

ВО ФЛОРИДЕ, КОНЕЧНО, БЫЛО И ЖАРКО, и влажно. Настолько жарко, что одежда липла к телу, как скотч, а пот лился со лба в глаза, как слезы. Но жара стояла только на улице, поэтому я перемещался перебежками из одного места с кондиционером в другое.

Однако я оказался совершенно не готов к небывалой жаре, которая встретила меня в Алабаме, в двадцати километрах к югу от Бирмингема, в пригостительной школе Калвер-Крик. Родители поставили наш внедорожник на газоне чуть ли не вплотную к стене моей комнаты в общежитии. Это была комната номер 43. Но все равно, когда я выходил к машине за вещами, яростное солнце жгло даже сквозь одежду, создавая у меня очень живое представление об адском огне.

Втроем мы разгрузили мои пожитки очень быстро, но в моей комнате, которая, к счастью, хотя бы оказалась в тени, кондиционера не имелось, так что там было ненамного прохладнее, чем на улице. Обстановка меня удивила: я навоображал себе мягкий ковер, стены, обшитые деревянными панелями, мебель в викторианском стиле. А по факту, за исключением единственного предмета роскоши — личного санузла, — это была просто коробка. Стены из шлакоблока, покрытые многочисленными слоями белой краски, бело-зеленый линолеум в клетку — в общем, больше похоже на больничную палату, а не на общежитие моей мечты. Прямо у окна стояла двухъярусная кровать из необработанного дерева с виниловыми матрасами. Столы, комоды и книжные полки крепились к стенам, чтобы мы не могли расставить все по собственному вкусу. *И кондиционера не было.*

Я сел на нижний ярус кровати, а мама открыла чемодан, вытащила из него стопку биографий, с которыми папа согласился расстаться, и поставила их на полку.

— Мам, я сам могу разобрать вещи, — сказал я.

Папа не садился. Он был готов ехать домой.

— Дай я хотя бы постель тебе застелю, — предложила мама.

— Да не нужно. Я справлюсь. Не беспокойся. — Такие вещи нельзя оттягивать целую вечность. В какой-то момент пластырь просто необходимо отодрать — больно, но потом все, и становится лучше.

— Господи, мы же будем так скучать, — сказала вдруг мама, шагая через чемоданы в сторону кровати, как по минному полю.

Я встал и обнял ее. Папа тоже подошел к нам, и мы сбились в кучку,

как птички. Было чрезвычайно жарко, мы все вспотели, так что обниматься слишком долго не могли. Я понимал, что должен заплакать, но я прожил с родителями шестнадцать лет, и первое расставание получилось запоздалым.

— Не волнуйтесь. — Я улыбнулся. — Я враз насобачусь г'варить как местный.

Маму я рассмешил.

— Только глупостей не делай, — сказал папа.

— О'кей.

— Наркотики не пробуй. Не пей. Не кури. — Он-то в Калвер-Крике уже отучился и на себе опробовал такие забавы, о которых я только слышал: ходил на тайные вечеринки, нагишом носился по сенокосу (и вечно сокрушался по поводу того, что в те времена в пансионе были одни пацаны), плюс наркотики, бухло, курево. Курить он потом долго не мог бросить, но теперь те лихие времена остались далеко позади.

— Я тебя люблю, — выпалили они одновременно. Не сказать этого было нельзя, но мне стало жутко неловко — все равно что смотреть, как дедушка целует бабушку.

— И я вас люблю. Я буду звонить каждое воскресенье.

Телефонов у нас в комнатах не было, но по просьбе родителей меня поселили неподалеку от одного из пяти платных автоматов, установленных в моей новой школе.

Они снова обняли меня — сначала мама, потом папа, — и на этом мы распрощались. Я выглянул в окно и проводил взглядом джип, уезжавший из кампуса по петляющей дороге. Мне, наверное, следовало бы испытывать какую-нибудь сопливую сентиментальную грусть. Но я больше думал о том, что сделать, чтобы не было так жарко, взял стул, стоявший возле письменного стола, и сел в теньке возле двери под карнизом крыши в надежде, что подует ветерок, но так я его и не дождался. На улице воздух был так же неподвижен и тяжел, как и в комнате. Я принялся осматривать свое новое пристанище: шесть одноэтажных строений, по шестнадцать спален в каждом, стояли шестиугольником вокруг большой поляны. Словно старый мотель гигантского размера. Передо мной ходили мальчишки и девчонки: они обнимались, улыбались друг другу, просто шли куда-то вместе. Я немного надеялся, что кто-нибудь подойдет и заговорит со мной. Я даже представил себе этот наш разговор.

— Привет, ты тут только первый год будешь учиться?

— Да, ага. Я из Флориды.

— Круто. Значит, к жаре тебе не привыкать.

— Я же не из Аида, — пошутил бы я. Я сумею произвести хорошее впечатление. *Он прикольный. Этот Майлз отвязный чувак.*

Но этого, разумеется, не произошло. Жизнь никогда не соответствовала моим фантазиям.

Мне стало скучно, и я вернулся в комнату, снял рубашку, лег на раскаленный виниловый матрас на нижней полке и закрыл глаза. Перерождение в религиозном смысле, с крещением и слезами очищения, — не для меня, а вот переродиться и стать человеком без прошлого — лучше и быть не может. Я стал вспоминать людей, о которых я читал и которые побывали в подобных пансионатах: Джона Ф. Кеннеди, Джеймса Джойса, Хамфри Богарта, а также их приключения — Кеннеди, например, был большим приколистом. Потом я мысленно вернулся к Великому «Возможно» и к тому, что могло меня ожидать в этой школе, к людям, с которыми я мог познакомиться; задумался и о том, каким может оказаться мой сосед (за несколько недель до этого мне пришло письмо, в котором говорилось, что его зовут Чипом Мартином, но больше я ничего не знал). Кем бы этот Чип Мартин ни оказался, я молился Богу, чтобы он притащил с собой кучу вентиляторов максимальной мощности — я-то ни одного не взял, а вокруг меня на матрасе уже образовалась лужица пота, от чего меня охватило такое омерзение, что пришлось бросить свои размышления и оторвать от кровати задницу, найти полотенце и вытереть пот. А потом я подумал: *Сначала надо вещи разобрать, а потом уж все приключения.*

Приклеив на стену скотчем карту мира и убрав почти всю одежду в комод, я заметил, что от такого горячего и влажного воздуха вспотели даже стены, и решил, что это определенно не время для физического труда. Пришла пора принять восхитительный ледяной душ.

В маленькой ванной комнате за дверью висело огромное зеркало в полный рост, так что избежать лицемерия собственной наготы, когда я наклонился, чтобы открыть кран, мне не удалось. Меня всегда удивляла моя худоба: плечи диаметром не сильно отличались от запястий, в области грудной клетки не было ни жира, ни мускулатуры. В общем, от этой своей неприязни я принялся думать, нельзя ли сделать что-нибудь с зеркалом. Отодвинув белую, как простыня, занавеску, я прыгнул в душевую кабинку.

К сожалению, она оказалась спроектирована для человека ростом примерно один метр одиннадцать сантиметров, так что струя холодной воды ударила меня под ребра — целых несколько капель. Чтобы умыться залитое потом лицо, мне пришлось расставить ноги и присесть пониже. Уж Джонну Кеннеди (в котором был метр восемьдесят три сантиметра, точно как и во мне) наверняка так в своем пансионе *присаживаться* не

приходилось. Нет, у меня тут совсем другой мир. И пока водичка из душа тихонько капала на мое потное тело, я думал о том, найду ли я здесь то самое Великое «Возможно» или же я глобально просчитался.

Когда, помывшись, я обернул бедра полотенцем и открыл дверь, я увидел невысокого мускулистого пацана с копной каштановых волос. Он затаскивал в мою комнату огромный туристический рюкзак защитного цвета. В нем было полтора метра без кепки, но сложением он отличался завидным, как Адонис в миниатюре. Вместе с ним в комнате появился несвежий запах курева. *Отлично, подумал я. С соседом приходится знакомиться нагишом.*

Он втащил рюкзак, закрыл дверь и подошел ко мне.

— Я Чип Мартин, — грудным голосом, как у радиодиджея, объявил он. И, прежде чем я успел ответить, добавил: — Я пожал бы тебе руку, но тебе, наверное, лучше покрепче держать полотенце, пока ты чего-нибудь не наденешь.

Я рассмеялся и кивнул — круто, да? кивнуть в такой ситуации — и сказал:

— А я Майлз Холтер. Рад встрече.

— Майлс? Как «много миль еще пройти»?^[1] — спросил он.

— А?

— Это строчка из стихотворения Роберта Фроста. Ты его не читал, что ли?

Я отрицательно покачал головой.

— Считаю, что тебе повезло. — И он улыбнулся.

Я схватил чистые трусы, голубые футбольные шорты «Адидас» и белую майку, пробормотал, что буду через секунду, и снова скрылся в ванной. Произвел впечатление так произвел.

— А родоки твои где? — крикнул я из ванной.

— Родоки? Отец сейчас в Калифорнии. Сидит, наверное, штаны протирает в своем кресле от «Лэ-Зи-Бой». Или за рулем своего грузовика. Но, в любом случае, он бухает. А мама сейчас, наверное, как раз из кампуса выезжает.

— А... — выдавил я, уже одетый, не зная, как реагировать на столь интимные подробности. Наверное, и спрашивать не следовало, если мне не хотелось такого знать.

Чип забросил пару простыней на верхнюю полку:

— Я предпочитаю сверху. Надеюсь, ты не в обиде.

— Не. Мне без разницы.

— Вижу, ты тут красоту навел, — заметил он, показывая на карту

мира. — Мне нравится.

И начал вдруг перечислять названия стран. Монотонно, как будто уже не первый раз это делает.

Албания.

Алжир.

Американское Самоа.

Андорра.

Афганистан.

И так далее. Только покончив со странами на «а», он поднял взгляд и увидел мое замешательство.

— Могу и продолжить, но тебе, наверное, будет скучно. Я за лето выучил. Бог мой, ты и представить себе не можешь, какая у нас там в «Новой Надежде» скучища. Все равно что сидеть и наблюдать за тем, как растет соя. Ты сам, кстати, откуда?

— Из Флориды, — ответил я.

— Не бывал там.

— Вообще впечатляет. Твои познания в области географии, — сказал я.

— Ага, у каждого человека есть какой-то талант. Я все легко запоминаю. А ты?..

— М-м-м... а я знаю последние слова многих известных людей. У кого-то слабость к конфетам, у меня — к предсмертным заявлениям.

— Например?

— Ну, вот Генрик Ибсен хорошо сказал. Драматург. — Об Ибсене я много знал, но не прочел ни единой его пьесы. Пьесы я читать не любил. Я любил биографии.

— Да мне известно, кто это, — сказал Чип.

— Ага, ну вот, он какое-то время болел, и как-то сиделка ему говорит: «Похоже, вам сегодня лучше», а Ибсен посмотрел на нее, сказал: «Наоборот» — и умер.

Чип рассмеялся:

— Жуть. Но мне нравится.

Мой сосед рассказал мне, что он уже третий год в Калвер-Крике, с девятого класса, а, поскольку мы с ним одноклассники, теперь будем учиться вместе. Признался, что получает стипендию. Спонсируется по полной программе. Он услышал, что это лучший пансион в Алабаме, подал документы и написал в сопроводительном письме, что ему очень хотелось бы, чтобы его взяли в школу, где можно будет читать толстые книги. Проблема в том, писал он, что дома отец постоянно бьет его книгами по

голове, поэтому он в целях безопасности приносит домой только тоненькие книжки в мягкой обложке. На втором году его обучения родители Чипа развелись. Ему «Крик», как он его называл, нравился. Но «тут надо быть осторожным — и с другими учениками, и с учителями. А я реально терпеть не могу осторожность». Он ухмыльнулся. Я тоже ненавидел осторожничать — по крайней мере, мне хотелось это ненавидеть.

Рассказывал он мне все это, потроша свой рюкзак и без разбору бросая в комод одежду. Чип не считал нужным раскладывать носки в один ящик, майки — в другой. Он верил в равноправие ящиков и пихал в них все, что лезло. Моя мама умерла бы, увидев такое.

Закончив «разбирать» вещи, Чип с силой ударил меня по плечу, сказав: «Надеюсь, ты сильнее, чем кажешься», и вышел из комнаты, даже не закрыв за собой дверь. Через несколько секунд снова показалась его голова, и он увидел, что я не сдвинулся с места.

— Ну же, Майлз-Много-Миль Холтер. У нас еще дел до фи́га.

Мы направились в комнату, где стоял телик, — по словам Чипа, больше нигде во всем кампусе кабельного не было. Летом эта комната служила складом. Ее почти до потолка забили диванами, холодильниками, свернутыми коврами, и сейчас она кишела школьниками, которые пытались отыскать и вытащить оттуда свои вещи. Чип с кем-то здоровался, но меня никому не представлял. Он ходил по диванному лабиринту, а я встал у двери, стараясь изо всех сил не мешать ребятам, которые парами вытаскивали мебель через узкий проход.

Чип нашел свои вещи за десять минут, и еще час мы таскали их в комнату — от комнаты с теликом до сорок третьей мы сходили четыре раза. К тому времени, как мы закончили, мне захотелось забраться в мини-холодильник Чипа и проспать там тысячу лет, но у него самого, похоже, был иммунитет и к усталости, и к разрыву сердца. Я сел на его диван.

— Я нашел его пару лет назад у себя в районе на обочине, — сообщил он по поводу дивана, укладывая мою «Сони-плейстейшн» на свои кроссовки. — Кожа в паре мест потрескалась, но, блин, диван-то офигенно хорош.

На диване не просто имелась пара трещин — на тридцать процентов это был нежно-голубой кожзам, а остальные семьдесят истерлись в губку, но мне он тоже все равно казался офигенным.

— Ладно, — сказал Чип. — Почти все. — Он подошел к своему столу и вынул из ящика серебристую клейкую ленту. — Понадобится твой чемодан.

Я встал, вытащил его из-под кровати, а Чип положил его между

диваном и приставкой и начал отрывать тонкие полоски клейкой ленты. Он наклеил на чемодан надпись: «ЖУРНАЛЬНЫЙ СТОЛИК».

— Вот. — Он сел и положил ноги на... м-м-м... журнальный столик. — Теперь совсем все.

Я сел рядом, Чип посмотрел на меня и вдруг сказал:

— Слушай. Я тебя вводить в общество Калвер-Крика не буду.

— Э-э... ладно, — выдавил я, хотя слова и застревали в горле. Я же тащил его диван под раскаленным палящим солнцем, а он теперь заявляет, что я ему не нравлюсь?

— По большому счету, тут две группировки, — объяснил он, и уровень серьезности в его голосе повысился. — Есть обычные пансионеры вроде меня, и есть выходники; они харчуются здесь, но все они — дети богачей из Бирмингема, на выходные уезжают в свои особняки и лежат там под кондиционерами. Это крутые ребята. Мне они не нравятся, так что если ты прибыл сюда с мыслью, что если ты был суперпуперхреном в бесплатной школе, то будешь суперпуперхреном и тут, то пусть лучше тебя со мной не видят. Ты же ходил в бесплатную школу?

— Э-э... — ответил я. И рассеянно принялся расковыривать диван, зарываясь пальцами в белую мочалку.

— В бесплатную, потому что, если бы ты учился в частной, у тебя бы шорты так по-уродски не сползали. — Он рассмеялся.

Я не натягивал резинку выше бедер, потому что думал, что это круто. Наконец я ответил:

— Да, я ходил в бесплатную. И я не был суперпуперхреном. Просто обычным хреном. С горы.

— Ха! Отлично. И Чипом меня не называй. Зови меня Полковником.

Я едва не заржал:

— Полковником?

— Ага. Полковником. А тебя мы будем звать... хммм... Толстячком.

— Чего?

— Толстячком, — повторил Полковник. — Потому что ты тощий. Это называется «ирония», Толстячок. Слышал про такое? Ну, пойдем, сигарет добудем и как следует начнем новый учебный год.

Он вышел из комнаты, снова полагая, что я пойду за ним, и на этот раз я так и сделал. Солнце милосердно опускалось к горизонту. Миновав пять дверей, мы добрались до комнаты 48. К двери клейкой лентой крепилась белая доска для записей. На ней синим маркером было написано: «Аляска одна!»

Полковник объяснил мне: во-первых, это комната Аляски; во-вторых,

она осталась в комнате одна, потому что девчонку, которая должна была с ней жить, в конце прошлого года выперли, и, в-третьих, у Аляски есть сигареты, хотя Полковник и не подумал спросить, в-четвертых, курю ли я, а я, в-пятых, не курил.

Он стукнул в дверь один раз, но громко. С той стороны раздался вопль:
— Ну входи же, коротышка, я тебе кое-что жутко интересное расскажу.

Мы вошли. Я повернулся, чтобы закрыть за собой дверь, но Полковник покачал головой и сказал:

— Если ты находишься в комнате у девчонки после семи, дверь положено оставлять открытой.

Однако я эти его слова едва уловил, потому что передо мной стояла самая сексапильная красотка во всей истории человечества, в обрезанных джинсах и топики цвета персика. Ее рассказ заглушил голос Полковника: говорила она громко и быстро:

— Так вот, первый день лета, дело все происходит в крутом местечке под названием Вайн-Стейшн, мы с Джастином у него дома, сидим на диване, телик смотрим, а ты не забывай, я уже с Джейком встречаюсь, честно говоря, каким-то чудесным образом мы с ним вместе до сих самых пор, а с Джастином мы дружим с детства, — ну вот, мы смотрим телик и буквально болтаем о тестах или типа того, и тут Джастин вдруг обнимает меня, и я такая думаю: *Отлично, мы давно дружим, и все как надо*, мы продолжаем трепаться, и вдруг посреди моей фразы про аналогии или что-то еще в таком же духе он кидается на меня, как ястреб, и сжимает мою сиську. Как КЛАКСОН. Крепко хватается и держит секунды две-три. И я первым делом думаю: *Так, как бы убрать его лапу со своей сиськи, пока он своими когтищами на ней следов на веки вечные не оставил?* а вторым делом: *Боже, поскорей бы рассказать об этом Такуми и Полковнику.*

Полковник рассмеялся. У меня просто глаза на лоб полезли: отчасти я был ошеломлен мощностью голоса этой миниатюрной (зато с какими формами, боже) девушки, а отчасти — обилием книг в ее комнате. Ее библиотека не просто заполнила все полки, у стен тоже там и сям стояли стопки книг высотой мне по пояс. Я подумал, что, если бы хотя бы одна из них повалилась, сработал бы эффект домино, и литература задавила бы нас всех.

— А это что за чувак, которого моя дико забавная история даже не рассмешила? — спросила она.

— А... да. Аляска, это Толстячок Он запоминает предсмертные изречения всяких великих людей. Толстячок, это Аляска. Этим летом ее пощупали за сиську.

Она подошла ко мне, протягивая руку, и в самый последний момент сдернула с меня шорты:

— Это же самые гигантские шорты во всей Алабаме!

— Я не люблю в обтяжку, — смущенно ответил я и натянул их обратно. Во Флориде это считалось модным.

— Что-то я как-то слишком часто вижу твои окорока, — с невозмутимым лицом прокомментировал Полковник. — Слушай, Аляска. Продай нам сигарет. — После чего Полковник каким-то образом уговорил меня заплатить пять баксов за пачку «Мальборо лайтс», курить которые я совершенно не намеревался. Потом он позвал Аляску с нами, но она отказалась.

— Мне надо найти Такуми, тоже рассказать ему про «клаксон». — Она повернулась ко мне и спросила: — Ты его видел?

Я и понятия не имел, видел ли я Такуми, я ведь вообще не знал, кто он такой. И я просто покачал головой.

— Лады, тогда увидимся на озере через несколько минут.

Полковник кивнул.

Мы сели на деревянные качели на берегу, прямо перед песчаным пляжем (Полковник сказал, что он искусственный). Я вымученно пошутил:

— Только за сиську меня не хватай.

Полковник делано посмеялся и спросил:

— Сигаретку хочешь?

Раньше я даже не пробовал курить. Но с кем поведешься...

— А тут не опасно?

— Опасно, — признался Полковник, закурил и передал сигарету мне.

Я затыкнулся. Закашлялся. Начал задыхаться. Ловить ртом воздух. Снова закашлялся. Подумал, не блевануть ли. Схватился за сиденье качелей, голова кружилась, бросил сигарету на землю и раздавил ее, убежденный в том, что мое Великое «Возможно» никакого курева не подразумевало.

— Накурился? — рассмеялся он, а потом показал на белую точку на поверхности озера и спросил: — Видишь?

— Да, — ответил я. — Что это? Птица какая-то?

— Лебедь, — пояснил он.

— Ого. Лебедь при пансионе. Ничего себе.

— Этот лебедь — сатанинское отродье. Ближе, чем сейчас, к нему не подходи.

— Почему?

— У него с людьми какие-то сложности. С ним раньше то ли обращались плохо, то ли еще что. Он тебя в клочья раздерет. Его туда Орел поселил, чтобы мы не ходили курить на тот берег.

— Орел?

— Мистер Старнс. Кодовая кличка Орел. Зав по воспитательной работе. Многие преподаватели живут в кампусе и могут, если что, прижучить, но дом Орла стоит рядом с общагами, и он видит вообще все. А табачный запах за семь километров чувствует.

— Вон там? — спросил я, показывая на дом. Хотя уже стемнело, его очертания были явно различимы, следовательно, и нас, наверное, тоже можно было увидеть из окна.

— Его, но блицкриги начнутся только с началом учебного года, — Чип казался беспечным.

— Господи, если я вляпаюсь в какие-нибудь неприятности, родители меня убьют, — сказал я.

— Я подозреваю, что ты преувеличиваешь. Хотя, поверь мне, неприятности у тебя будут. Но в девяноста пяти процентов случаев твои родоки об этом не узнают. Тут же никому не надо, чтобы они думали, будто именно в этой школе ты стал раздолбаем, точно так же, как тебе самому не надо, чтобы они поняли, что ты — раздолбай. — Чип энергично выпустил тонкую струйку дыма в сторону озера. Я должен был признать: со стороны курильщик выглядит круто. Выше как-то, что ли. — Но, в любом случае, если вляпаешься в неприятности, ни на кого не стучи. Ну, то есть я, например, ненавижу здешних богачей с той же страстью, какую стараюсь сберечь для зубных врачей и отца, но доносить на них все же не буду. Пожалуй, это единственное, что следует хорошенько усвоить: ни в коем случае, никогда и ни за что не стучи.

— Хорошо, — согласился я, хотя и задумался: *Если мне кто-нибудь по лицу даст, мне надо будет всех уверять, что я на косяк налетел?* Глуповато как-то, по-моему. Что же делать со всякими уродами и хулиганьем, если не можешь им ничем насолить? Но Чипа я спрашивать об этом не стал.

— Ладно, Толстячок. Настал тот момент, когда я обязан пойти и найти свою подружку. Так что дай мне еще несколько сигарет — ты наверняка все равно их сам не скуришь, — и увидимся позже.

Я решил еще немного посидеть на качелях, отчасти потому, что жара наконец спала градусов до двадцати семи и стало полегче, хотя все равно было слишком влажно, а отчасти потому, что ждал, не появится ли Аляска. Но почти сразу после того, как ушел Полковник, на меня накнулись

насекомые; многочисленные комары-звонцы (хотя их визг звоном назвать сложно) и комары-кровососы так энергично махали крылышками, что издаваемый при этом тонкий писк сливался в жуткую какофонию. Тогда я решил закурить.

Нет, я серьезно думал, что *дым разгонит насекомых*. В какой-то мере так оно и вышло. Я, конечно, совру, если скажу, что стал курильщиком только ради того, чтобы ко мне не приставали комары. Я стал курильщиком, потому что, во-первых, я один сидел на качелях, и, во-вторых, у меня были под рукой сигареты, и, в-третьих, я подумал, что если все курят и не кашляют, то я тоже, черт возьми, так могу. Короче говоря, веских причин у меня не было. Так что да, давайте выберем в-четвертых: во всем виноваты насекомые.

Я умудрился сделать целых три затяжки, прежде чем меня затошнило, закружилась голова и все довольно приятно поплыло перед глазами. Я решил, что пойду, и встал. И услышал за спиной голос:

— Так ты правда запоминаешь последние слова всяких людей?

Аляска подлетела ко мне, схватила за плечо и толкнула так, что я снова сел на качели.

— Ага, — ответил я, а потом, после некоторого колебания, добавил: — Хочешь проверить?

— Джон Кеннеди.

— Это же очевидно, — ответил я.

— Да неужели? — спросила она.

— Нет. Это были его последние слова. Кто-то сказал ему: «Господин президент, как вы можете говорить, что в Далласе вас не любят», а он ответил: «Это же очевидно», а потом его пристрелили.

Она рассмеялась:

— Боже, ужас какой. Над этим нельзя смеяться. Но я буду, — сказала она и снова расхохоталась. — Ладно, Мистер Знаток Предсмертных Заявлений. У меня для тебя кое-что есть. — Она открыла свой набитый рюкзак и вытащила оттуда книжку. — Габриэль Гарсия Маркес. «Генерал в своем лабиринте». Однозначно одна из моих самых любимых. Про Симона Боливара. — Я понятия не имел, кто такой Симон Боливар, но спросить не успел. — Исторический роман, так что не знаю, правда в этой книге написана или нет, но знаешь, что он сказал перед смертью? Не знаешь. Но я тебе сейчас расскажу, Сеньор Последние Слова.

После этого Аляска закурила и с такой невероятной силой затянулась, что я подумал: сгорит за одну затяжку. Выпустив дым, она продолжила:

— Его — то есть этого Симона Боливара — потрясло осознание того

факта, что безудержная гонка между его несчастьями и мечтами уже вышла на финишную прямую. А дальше — тьма. «Черт возьми, — вздохнул он. — Как же я выйду из этого лабиринта?!»

Уж я-то мог отличить стоящие предсмертные слова от всякой ерунды, так что я велел себе не забыть отыскать биографию этого Симона Боливара. Его последнее высказывание показалось мне прекрасным, хотя я и не совсем его понял.

— А что это за лабиринт такой? — спросил я у Аляски.

Сейчас вполне уместно рассказать, какой она была красавицей. Хотя об этом я могу говорить когда угодно. Она стояла в темноте рядом со мной, от нее пахло потом и солнечным светом. В ту ночь в небе висел тонкий месяц, я видел только ее силуэт, и лишь когда она курила, маленький красный огонек сигареты освещал ее лицо. Но пронизывающие изумрудные глаза Аляски светились даже в темноте. Этот взгляд заражал тебя готовностью поддержать ее в любом начинании. К тому же она была не просто красива, но еще и дико сексуальна — ее груди натягивали топик, точеные ноги изящно свисали с качелей, покачиваясь взад-вперед, а под веревочками шлепанцев светились покрашенные голубым лаком ногти. Именно тогда, между моим вопросом про лабиринт и ее ответом, я осознал, насколько *важны* эти волнующие изгибы, те места, где очертания девичьего тела плавно перетекают от свода стопы к щиколотке и далее к икре, от икры к бедру, к талии, к груди, к шее, к безупречно ровному носу, ко лбу, к плечу, потом дуга идет к самой заднице и т. д. Я раньше эти изгибы *замечал* конечно же, но толком не осознавал их великого значения.

Губы Аляски были так близко, что я почувствовал ее дыхание, даже более горячее, чем вечерний воздух, когда она сказала:

— Загадка, да? Лабиринт — это жизнь или смерть? От чего он бежал — от этого мира или от его возможного конца?

Я ждал, что она продолжит, но через какое-то время стало ясно, что Аляска ждет ответа.

— М-м-м... не знаю, — наконец проговорил я. — А ты прямо все прочитала, что у тебя в комнате?

Аляска рассмеялась:

— Бог мой, нет, конечно. Только треть, наверное. Но *собираюсь* прочесть все. Я называю это Библиотекой своей жизни. С самого детства я каждое лето ходила по гаражным распродажам, собирая все книги, которые меня хоть чем-то заинтересовали. Так что в моей жизни не бывает таких моментов, когда почитать нечего. Хотя у меня вообще реально много дел: сигареты, секс, качели. Когда состарюсь и стану занудой, смогу уделять

литературе побольше времени.

Еще она сказала, что я напоминаю ей Полковника, когда он только приехал в Калвер-Крик. Они поступили в одном и том же году, оба на стипендии, и, как она выразилась, у них «нашлись общие интересы — бухло и бесчинства». Эти вот «*бухло и бесчинства*» заставили меня заподозрить, что я попал в «плохую компанию», как это называла моя мама, но все же, по-моему, эти двое были слишком уж умны для «плохой компании». Аляска прикурила следующую сигарету от предыдущей и сообщила, что Полковник был умен, но до того времени, как он приехал в этот пансион, жизни еще не повидал.

— Я эту проблему быстро решила. — Она улыбнулась. — К ноябрю, благодаря мне, он уже завел свою первую подружку, абсолютно милейшую *не-выходничку* по имени Джанис. Через месяц, правда, он ее бросил, потому что у него нищевродство в крови, и она оказалась для него слишком богатой, но неважно. И мы в том же году организовали наш первый прикол — засыпали пол в четвертой аудитории тонким слоем шариков из марблс. С тех пор, конечно, мы немного продвинулись. — Аляска засмеялась.

Так Чип стал Полковником — он составлял планы всех шальных операций, словно настоящий военный, а Аляска всегда была Аляской — неиссякаемым творческим источником, питавшим все проделки.

— Ты тоже умный, — сказала она. — Хотя поспокойнее. И посимпатичнее, хотя этого я не говорила, потому что я люблю своего парня.

— Да, ты тоже ничего, — сказал я. Меня от ее комплимента просто распирало. — Но я этого тоже не говорил, потому что люблю свою подружку. Хотя погоди. Точно. У меня же нет никого.

Аляска снова рассмеялась:

— Не переживай, Толстячок. Если я что и могу для тебя сделать, так это найти тебе девчонку. Давай заключим сделку: ты узнаешь, что это за лабиринт такой и как из него выбраться, а я найду тебе, с кем потрахаться.

— Договорились. — И мы скрепили сделку рукопожатием.

Некоторое время спустя мы шли бок о бок в сторону общаг. Цикады стрекотали на одной ноте, как и дома, во Флориде. Мы шли впотьмах, и Аляска вдруг повернулась ко мне и спросила:

— Бывает такое, что тебе в темноте вдруг становится жутко стремно и появляется желание рвануть домой со всех ног, хотя это и глупо и будет нелепо выглядеть со стороны?

В целом я считаю подобные чувства слишком личными и не готов выдавать такие тайны практически незнакомым людям, но ей я признался:

— Ага, бывает.

Секунду она молчала. А потом схватила меня за руку и прошептала:

— Бежим-бежим-бежим. — И понеслась вперед, таща меня за собой.

за сто двадцать семь дней

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ ОБЕДА я вешал на дверь постер с репродукцией Ван Гога, и отчаянно моргал, пытаясь не дать стекающему со лба поту попасть в глаза. Полковник сидел на диване, комментировал, как надо поправить, и параллельно отвечал на мои нескончаемые вопросы об Аляске. *Расскажи о ней.* «Она из Вайн-Стейшн. Ты бы проскочил мимо этой деревни, даже не заметив ее, и, насколько я понял из Аляскиных рассказов, именно так и следует делать. Ее парень учится в Вандербильте, тоже на стипендии. Играет в какой-то группе на бас-гитаре. Про ее родственников почти ничего не знаю». *Значит, он ей реально нравится?* «Думаю, да. Она ему не изменяла, а это, наверное, первый признак». И так далее. Все утро я больше ничем заинтересовать себя не мог: ни постером Ван Гога, ни приставкой, ни даже расписанием уроков, которое как раз в тот день повесил Орел. Он меня приветствовал:

— Мистер Холтер, добро пожаловать в Калвер-Крик. Ученикам нашего пансиона во многих вопросах предоставляется свобода действий. Если вы будете ею злоупотреблять, вы об этом пожалеете. Мне вы кажетесь достойным молодым человеком. Я буду очень опечален, если придется с вами попрощаться.

И уставился на меня так, что я не понял — то ли он был очень серьезен, то ли всерьез коварен. Когда Орел ушел, Полковник сообщил:

— Аляска называет это Роковым Взглядом. Если он еще раз так на тебя посмотрит, считай, тебя выперли. Ладно, Толстячок, — добавил Полковник, когда я сделал шаг назад и взглянул на постер. Не совсем ровно, но почти. — Хватит уже про Аляску. По моим подсчетам, у нас в школе девяносто две девчонки, и все они без исключения куда менее чокнутые, чем Аляска, у которой, кстати, *уже есть парень*. Я пойду обедать. Сегодня у нас по графику жарито. — И он вышел, не закрыв за собой дверь.

Я чувствовал себя идиотом, окончательно утратившим рассудок. Я встал, чтобы закрыть дверь.

Полковник, который уже прошел полкоридора, обернулся:

— Боже ж ты мой, ты идешь или как?

Про Алабаму можно много плохого наговорить, но обвинить жителей этого штата в неразумном страхе перед жаркой во фритюре было бы в корне неверно. Шла первая неделя моего пребывания в Калвер-Крике, а в

столовке уже подали жаренную во фритюре курицу, жаренный во фритюре куриный шницель, жареную окру,^[2] я впервые с таким рвением накинулся на жареные овощи — это оказалось безумно вкусно. Я уже был готов даже к тому, что здесь поджарят и зеленый салат. Но оказалось, что это все не могло сравниться с жарито — это блюдо изобрела Морин, поразительно (хотя и объяснимо) тучная повариха Калвер-Крика. Жарито, или обжаренное во фритюре буррито с фасолью, не оставит у вас никаких сомнений в том, что любое блюдо в жареном виде *однозначно* лучше. В тот день, сидя в столовке за круглым столом с Полковником и пятью незнакомыми мне ребятами, я впился зубами в хрустящую корочку первого в своей жизни жарито и испытал кулинарный оргазм. Моя мама нормально готовит, но мне тут же захотелось взять с собой Морин домой на Рождество.

Полковник представил меня (Толстячка) пацанам, сидевшим с нами за неустойчивым деревянным столом, но я отреагировал только на имя Такуми — про него вчера говорила Аляска. Это был худенький японец, всего на несколько сантиметров выше Полковника, он говорил что-то с набитым ртом, в то время как я пережевывал свое жарито медленно, смакуя каждый кусочек этой бобовой хрустяшки.

— Боже мой, — сказал Такуми, — посмотреть на человека, который впервые в жизни вкусил жарито, — одно сплошное удовольствие.

Я почти все время молчал — отчасти потому, что меня никто ни о чем не спрашивал, а отчасти потому, что я хотел есть, пока не лопну. Но Такуми такой сдержанностью не отличался — он мог говорить, жевать и глотать одновременно, и делал это, не теряя времени.

Беседа за обедом вращалась вокруг Марьи, девчонки, которая должна была жить с Аляской, и ее парня Пола, одного из выходников. Я понял, что их вытурили в самую последнюю неделю прошлого учебного года за, как выразился Полковник, «трифект» — их застали за совершением одновременно трех преступлений, карающихся в Калвер-Крике исключением из школы. Когда ворвался Орел, они лежали в одной постели голые («генитальный контакт» — преступление № 1), пьяные (№ 2) и раскуривали косяк (№ 3). Ходили слухи, что кто-то на них настучал, и Такуми, похоже, намеревался выяснить, кто это был, — так намеревался, что орал об этом на всю столовую с набитым жарито ртом.

— Пол, конечно, урод, — высказался Полковник. — Я бы на них не стукнул, но, если спишь с выходником, типа едущего на «ягуаре» Пола, считай, ты это заслужила.

— Щюуувак, — возразил Такуми, — да ты фам... — он наконец

проглотил то, что было у него во рту, — гуляешь с выходницей.

— Точно. — Полковник рассмеялся. — К моему огорчению, это неопровержимый факт. Но она не такая мерзкая, как Пол.

— Да, она чуть получше, — ухмыльнулся Такуми.

Полковник снова захохотал, а я не понял, почему он не встал на защиту своей подружки. Да пусть моя девчонка будет хоть бородатым циклопом с «ягуаром», я был бы благодарен ей уже только за то, что ее можно потискать.

В тот вечер, когда Полковник заскочил в сорок третью комнату за сигаретами (он, кажется, забыл, что по факту они принадлежали *мне*), мне действительно было по фигу, что он меня с собой не позвал. В бесплатной школе многие имели привычку к классовой ненависти — ботаны ненавидят элиту и так далее, — а мне это всегда казалось пустой тратой времени. Полковник не сказал мне, где был после обеда и куда собирался вечером, но дверь он за собой закрыл, и посему я предположил, что меня он с собой не звал.

Ну и ладно: я весь вечер сидел в Интернете (порнуху не смотрел, честное слово) и читал «Последние дни» — книгу о Ричарде Никсоне и Уотергейтском скандале. На ужин я разогрел себе в микроволновке жарито, которое Полковник спер из столовки. Я вспомнил, что так же проводил вечера и во Флориде, только тут у меня еда была повкуснее, зато жил без кондиционера. Лежать в постели и читать — ощущение было знакомое и приятное.

Я решил, что разумно будет поступить так, как мне наверняка бы посоветовала мама, — хорошенько выспаться перед первым учебным днем. В 8:10 у меня по расписанию был французский. Я подумал, что оденусь и дойду до кабинета максимум за восемь минут, поэтому поставил будильник на 8:02. Я принял душ и стал ждать, когда же сон спасет меня от этой ужасной жары. Около одиннадцати я сообразил, что от крошечного вентилятора, закрепленного на моей полке, будет больше толку, если я сниму майку, и заснул в итоге поверх всех простыней в одних трусах.

Об этом решении мне пришлось пожалеть уже через несколько часов, когда я проснулся оттого, что в меня вцепились две потные мясистые лапы с явным намерением вытряхнуть из меня всю душу. Я пробудился немедленно и окончательно и в ужасе резко сел — разобрать голоса мне не удавалось, я не мог даже понять, откуда они вдруг взялись и какого черта в такое-то время... И сколько, кстати, времени? Потом в голове наконец чуть прояснилось, и я расслышал следующее:

— Ну давай. Иначе же придется тебе пинка дать. Сам вставай.

А потом с верхней полки:

— Боже, Толстячок. *Вставай* же.

Так что я встал, и тогда мне удалось рассмотреть три силуэта. Двое схватили меня под руки и повели к двери. Когда меня выводили, Полковник пробормотал:

— Желаю повеселиться. Полегче с ним, Кевин.

Дальше мы почти бегом обогнули нашу общагу, потом пересекли футбольное поле. Да, там росла трава, но и камней под ногами было море, и я подумал, почему никто не последовал правилам хорошего тона и не предложил мне обуться, почему меня вывели в одних трусах, с голыми окороками. Я мысленно собрал все возможные унижения: *Посмотрите-ка на новенького, это Майлз Холтер, и мы приковали его к воротам в одних трусах*. Потом я представил, что меня отведут в лес, куда мы как раз, похоже, и направлялись, и поколотят меня хорошенько, чтобы я на первый урок явился как огурчик. И все это время я смотрел вниз, на собственные ноги, потому что не хотел видеть своих мучителей и также не хотел упасть, поэтому мне важно было ступать поосторожнее, избегая хотя бы самых крупных камней. Рефлексы подсказывали мне во весь голос, что надо попытаться либо отбиться, либо сбежать, но я знал, что раньше ни один из этих вариантов не приводил ни к чему хорошему. Попетляв, они вывели меня на насыпной пляж, и тут я понял, что будет дальше: меня, как в старые добрые времена, окунут в озеро, — и успокоился. Это не страшно.

Дотащив меня до берега, мне велели вытянуть руки по швам, и самый здоровый из них поднял с песка два мотка клейкой ленты. Я же стоял, как солдат на страже, а они обмотали меня от плеч до запястий, словно мумию. Потом меня толкнули — песок смягчил падение, но головой я все же ударился. Двое прижимали друг к другу мои ноги, а третий — Кевин, как я понял, — так близко поднес ко мне свое скуластое лицо с массивным подбородком, что я ощутил покалывание его твердых от геля волос, и сказал:

— Это тебе за Полковника. Зря ты связался с этим уродом.

Потом они обмотали клейкой лентой мне ноги — от щиколоток до самых бедер. Я стал похож на серебряную мумию.

Я попросил:

— Ребята, не надо, прошу вас! — И мне тут же заклеили рот. А потом взяли и потащили к воде.

Я шел ко дну. Шел — без какого-либо ужаса или типа того, а потом вдруг понял, что «ребята, не надо, прошу вас» в качестве последних слов

совершенно никуда не годятся. А потом проявилось чудеснейшее человеческое свойство — способность тела держаться на воде, — и я почувствовал, что всплываю на поверхность, так что я принялся извиваться и крутиться изо всех сил, и, когда теплый ночной воздух ворвался в мой нос, я задышал во все легкие. Я не умер и не умру в ближайшее время.

Да, думал я, все не так уж плохо.

Хотя у меня все еще оставалась маленькая проблемка — надо было как-то выбраться на сушу, прежде чем взойдет солнце. В первую очередь следовало определить свое положение относительно береговой линии. Но если я наклонял голову слишком сильно, начинало поворачиваться все тело, а в списке неприятных смертей вариант «лицом вниз в мокрых белых трусах» находится почти на самом верху. Так что вместо этого я закатил глаза и запрокинул голову так, чтобы вода доходила до самых бровей, пока не убедился, что лежу строго перпендикулярно берегу, который оказался в каких-то трех метрах от меня. Я поплыл, как безрукая серебристая русалка, — мне оставалось только вихлять бедрами, пока наконец я не почувствовал жопой илистое дно пруда. Тогда я развернулся и, двигая бедрами и торсом, трижды перевернулся и выкатился на берег прямо к паршивенькому зеленому полотенцу. Они мне полотенце оставили. Такие заботливые.

Лента намочла, клей немного смылся, и она уже липла к коже не так крепко, но местами было намотано по три слоя, так что все равно пришлось поизвиваться, как рыбе, выброшенной из воды. Наконец мне удалось высвободить левую руку и сорвать ленту.

Я завернулся в полотенце — оно было все в песке. Возвращаться в комнату к Полковнику мне не хотелось — я ведь не знал, что еще задумал Кевин. Может, они поджидают меня там, и, когда я приду, мне реально не поздоровится; может, мне следовало продемонстрировать им, что «ладно, я все понял. Нас с ним просто поселили вместе, он мне не товарищ». Да и в любом случае, в тот момент я особых дружеских чувств к Полковнику не испытывал. «Желаю повеселиться», — сказал он. *Ага, подумал я. Повеселился. Просто до упаду.*

И я пошел к Аляске. Сколько было времени, я не знал, но заметил под дверью полоску слабого света. Я осторожно постучал.

— Да, — откликнулась она, и я вошел, мокрый, в песке, завернутый в полотенце и в мокрых трусах. Разумеется, мало кому хочется предстать в таком виде перед самой сексапильной девчонкой в мире, но я подумал, что она сможет мне объяснить, что это было.

Аляска отложила книгу и встала с постели, завернувшись в простыню.

На миг мне показалось, что она за меня переживает. Это была та самая девчонка, с которой я познакомился день назад, которая назвала меня симпатичным, в которой кипела энергия и сочеталось легкомыслие со способностью серьезно размышлять. А потом она расхохоталась:

— Искупнуться, похоже, ходил, да?

Произнесла она это так обыденно и с таким ехидством, что я понял: о происшествии знала вся школа — и вынужден был задуматься, почему они все сговорились утопить Майлза Холтера. Но Аляска ведь тоже *ладила* с Полковником, так что я уставился на нее, совсем ничего не понимая, даже не зная, что спросить.

— Ладно, хватит уже, — продолжила она. — Серьезно. Понимаешь, в чем дело? У некоторых есть реальные проблемы. У меня, например. Мамочка теперь далеко, так что не ной, ты уже большой мальчик.

Я ушел, не сказав ей ни слова, и направился в свою комнату. Я со всей мочи хлопнул дверью, разбудив Полковника, и потопал в ванную. Залез в душ, чтобы смыть водоросли и прочую озерную грязь, но глупый кран позорно отказывался мне помочь, — и как так получилось, что я уже сейчас не нравлюсь Аляске, Кевину и всем остальным? Помывшись, я вытерся и пошел в комнату одеваться.

— Ну, — спросил он. — Ты чего так долго-то? Заблудился, что ли?

— Они сказали, что это из-за тебя, — сообщил я, и в моем голосе все же прозвучало легкое раздражение. — Предупредили, чтобы я с тобой не связывался.

— Что? Да нет, так со всеми делают, — поведал Полковник. — И я через это прошел. Тебя бросают в озеро. Ты выплываешь. Потом возвращаешься к себе.

— Выплыть было не так просто, — тихо возразил я, просовывая джинсовые шорты под полотенце. — Меня обмотали скотчем. Я вообще-то даже пошевелиться не мог.

— Погоди, погоди. — Он спрыгнул с кровати и уставился на меня, хотя было очень темно. — Тебя *обмотали скотчем*? Как?

Я продемонстрировал. Встал как мумия — ноги вместе, руки по швам — и показал, как именно меня замотали. А потом плюхнулся на диван.

— Боже! Ты же мог утонуть! Они должны были бросить тебя в воду в одних трусах и убежать! — вскричал он. — О чем эти уроды думали? Кто там был? Кевин Ричман, еще кто? Лица помнишь?

— Думаю, да.

— Интересно, какого хрена? — возмутился он.

— Ты им что-нибудь такого сделал? — поинтересовался я.

— Нет, но теперь, блин, уверен, что сделаю. Мы им отмстим.

— Да ничего страшного. Я выбрался, так что все хорошо.

— Да ты *помереть* мог.

Ну, мог, наверное, да. Но не помер же.

— Может, я завтра схожу к Орлу, расскажу ему.

— Ни в коем случае, — возразил Полковник.

Он подошел к своим шортам, валявшимся на полу, и достал пачку сигарет. Закурил сразу две и одну из них передал мне. И я выкурил всю эту хрень целиком.

— Нет, — продолжил он. — Здесь такая фигня по-другому решается. К тому же прослывешь стукачом — тебе только хуже будет. Но мы с этими подонками разберемся, Толстячок. Даю слово. Они пожалеют, что связались с моим другом.

Если Полковник рассчитывал на то, что он назовет меня своим другом и я встану на его сторону, то, ну, в общем, он не ошибся.

— Аляска как-то ко мне сегодня недружелюбно настроена, — сказал я. Потом наклонился, открыл пустой ящик в столе и использовал его в качестве временной пепельницы.

— Я же говорил, что у нее бывают приступы паршивого настроения.

Я лег в кровать в футболке, шортах и носках. Я решил, что даже в самую адскую жару спать в общежитии буду только в одежде. И меня переполняли — наверное, впервые в жизни — страх и возбуждение, которые испытываешь, когда живешь, не зная, что тебя ждет и когда.

за сто двадцать шесть дней

— НУ ВСЕ, ЭТО ВОЙНА, — вскричал на следующее утро мой сосед.

Я перевернулся на другой бок и посмотрел на часы: 7:52. Мой первый урок в Калвер-Крике, французский, начинался через 18 минут. Я пару раз моргнул и посмотрел на Полковника, стоявшего между диваном и ЖУРНАЛЬНЫМ СТОЛИКОМ и державшего свои уже довольно поношенные, некогда белые кеды за шнурки. Он пристально уставился на меня и смотрел довольно долго, а я — на него. А потом, как при замедленном воспроизведении, его лицо расплылось в ехидной улыбке.

— Надо отдать им должное, — наконец проговорил он, — это было довольно умно.

— Что? — не понял я.

— Ночью — я так понимаю, прежде чем взяться за тебя, — они нассали мне в кеды.

— Ты уверен? — сказал я, стараясь не заржать.

— Нюхнуть хочешь? — спросил Полковник, протягивая мне кеды. — Я-то рискнул, понюхал, и да, я уверен. Уж что-что, а ссаки чужие я ни с чем не спутаю. Это как моя мама любит говорить: «Тебе кажется, что ты по воде ходишь, а на самом деле тебе кто-то в башмаки напрудил». Если ты их сегодня увидишь, покажи, — добавил он, — я должен знать, что этих зассанцев до такого довело. А потом начнем планировать, как подпортить жизнь этим жалким уродцам.

Летом мне пришла специальная приветственная брошюра для учеников Калвер-Крика, и, к моей радости, в разделе «Предпочтительная форма одежды» было всего два слова: «скромная повседневная». Но я и подумать не мог, что девчонки придут на урок заспанные, в хлопковых шортах от пижамы, майках и шлепанцах. Скромно и повседневно, да уж.

Девчонки в пижамах (хоть и скромных) могли бы скрасить урок французского, начавшегося в 08:10, если бы я хоть слово понимал из того, о чем говорила мадам О'Мэлли. *Comment dis-tu* «Боже, кажется мой французский не дотягивает до курса второго уровня» *en français?*^[3] Во Флориде я прошел только первый уровень и оказался не готов к мадам О'Мэлли, которая, кстати, пропустила все приятности на тему «как вы отдохнули летом» и перешла непосредственно к страшной теме под названием «*passé composé*» — я так понял, это какое-то время.^[4] Парты

были расставлены по кругу, и прямо передо мной оказалась Аляска, но она на меня за весь урок ни разу не взглянула, хотя лично я вообще мало что, кроме нее, замечал. Может, она действительно не всегда бывает такая уж хорошая. Но ее рассуждения про необходимость выйти из лабиринта — это было так умно. И правый уголок губ у нее всегда был чуть приподнят, готовясь к ухмылке, словно правая сторона ее рта уже освоила неподражаемую улыбку Моны Лизы...

Из моей комнаты студенческое население кампуса казалось переносимым, но в учебном корпусе мне стало страшно. Это вытянутое здание стояло сразу за общагами, в нем было четырнадцать аудиторий, окна которых выходили на озеро. Ребята толпились в узких коридорах перед классами, и, хотя найти нужную мне аудиторию оказалось не так уж и сложно (несмотря на мой топографический кретинизм, мне удалось добраться из кабинета № 3, где проходил французский, в № 12, на математику), я весь день чувствовал себя как-то неловко. Я никого не знал, и даже не понимал, с кем следует попытаться познакомиться, и уроки все оказались *трудными*, даже в самый первый день. Папа говорил, что заниматься придется, и я ему уже поверил. Учителя все оказались серьезными и умными, у многих имелаась приставка «доктор», так что на последнем перед обедом уроке, «мировых религиях», я испытал огромное облегчение. Как я понял, это был рудимент, сохранившийся с тех времен, когда Калвер-Крик был христианским учебным заведением для мальчиков, сейчас этот предмет являлся обязательным для всех, и по нему, наверное, легко будет получить пятерку.

Это был первый за весь день урок, на котором парты стояли рядами, а не кругом или квадратом, и, чтобы не произвести впечатление, будто мне больше всех надо, я в 11:03 сел в третьем ряду. Я пришел за семь минут до звонка отчасти потому, что хотел быть пунктуальным, а отчасти потому, что поболтать в коридоре мне было не с кем. Вскоре после этого вошли Полковник с Такуми и уселись по разные стороны от меня.

— Мне рассказали про вчерашнее, — начал Такуми. — Аляска в бешенстве.

— Странно, вчера она повела себя как последняя стерва, — вырвалось у меня.

Такуми лишь покачал головой:

— Ну да, она же всего не знала. А плохое настроение у всех бывает, чувак. Привыкай жить среди людей. Тебе могли достаться друзья и похуже, чем...

Полковник перебил:

— Кончай лечить, доктор Фил. Давай лучше обсудим противоповстанческие действия. — В класс начали заходить ребята, так что Полковник наклонился ко мне и прошептал: — Если кого из них на уроке увидишь, дай мне знать, о'кей? Ты, в общем, просто крестики поставь, где они сядут. — Он вырвал из тетради лист и нарисовал на нем квадратики, символизирующие парты.

Вдруг вошел один из них — высокий, с безукоризненно нагеленными торчащими прядями: Кевин. Проходя мимо нас, он пристально уставился на Полковника; это мешало ему смотреть под ноги, и он наткнулся на парту. Полковник рассмеялся. За Кевином шел еще один пацан из его шайки, он то ли был жирноват, то ли, наоборот, чересчур увлекался спортом, и наряжен в складчатые брюки цвета хаки и черную тенниску с короткими рукавами. Когда они расселись, я отметил соответствующие квадратики на схеме Полковника и вернул листок ему. И тут, едва волоча ноги, вошел Старик.

Он дышал медленно, с большим трудом, широко открыв рот. Продвигался к кафедре малюсенькими шажками, практически не ставя пятку вперед носка. Полковник слегка толкнул меня и небрежно показал на свою тетрадь, в которой было написано: *У Старика всего одно легкое*, и я не усомнился в том, что это правда. Его громкое и полное чуть ли не отчаяния дыхание напомнило мне про моего деда, который умер от рака легких. Мне казалось, что этот древний Старик с бочкообразной грудью может скончаться раньше, чем дойдет до кафедры.

— Меня зовут, — начал он, — доктор Хайд. Имя у меня, конечно, тоже есть. Но для вас я «доктор». Ваши родители платят довольно большие деньги за то, чтобы вы могли здесь обучаться, так что я надеюсь, что вы поможете их вложениям окупиться, то есть будете читать те книги, какие я скажу и когда я скажу, и будете посещать мои занятия постоянно. А на занятиях — слушать, что я говорю. — Ясно, получить пятерку будет не так просто. — Этот год мы посвятим изучению трех религиозных традиций: ислама, христианства и буддизма. И еще три оставим на следующий год. На моих уроках почти все время буду говорить я, а вы — почти все время слушать. Вы, может быть, и умные, но я уже был умный, когда вас еще и в помине не было. Я уверен, что не всем нравятся лекции, но, как вы, возможно, заметили, я уже не так молод, как раньше. Я бы с радостью посвятил свои последние деньки милым беседам о самых прекрасных моментах истории ислама, но нам осталось провести вместе не так много времени. Так что мне придется рассказывать, а вы должны слушать,

поскольку тут мы будем заниматься поисками ответа на самый важный вопрос, который был задан за всю историю человечества, то есть поиском самого главного. Какова природа человека? Раз уж мы родились людьми, как нам лучше жить? Откуда мы взялись и куда мы попадем потом? Попросту говоря: каковы правила этой игры и как в ней преуспеть?

«*Природа лабиринта*, — накарябал я в своей тетради на спирали, — *и выходы из него*». Крутой препод. Я дискуссионные занятия ненавидел. Я терпеть не мог говорить и терпеть не мог слушать, как отвечают другие, запинаясь, пытаясь высказаться как можно более расплывчато, чтобы никто не подумал, будто они тупые, терпеть не мог эту игру в целом, ведь все пытались понять, что хочет услышать учитель, и сказать именно это. Я пришел на урок, так что *учите*. И он начал учить: за эти пятьдесят минут Старик заставил меня взглянуть на вопросы религии серьезно. Я никогда не был набожным, но он сказал, что религия играет огромную роль независимо от наличия у нас веры, точно так же, как важны исторические события, даже несмотря на то, что мы сами не жили в ту эпоху, когда они совершались. А потом он задал нам прочесть пятьдесят страниц из учебника «*Религиоведение*» — к следующему дню.

После обеда меня в тот день ожидало еще два урока и два окна. У нас было девять уроков по пятьдесят минут ежедневно и, следовательно, по три часа на самоподготовку почти у каждого (за исключением Полковника, который ходил еще и на какую-то продвинутую математику, поскольку считался Супер-Мега-Гением). Вместе с ним мы оказались и на биологии, где я указал ему на третьего пацана, который сматывал меня клейкой лентой. В верхнем углу тетради Полковник написал: «Чейз Лонгвелл. Выходник из старших классов. Дружит с Сарой. Странноватый». Через минуту я вспомнил, кто такая Сара: девчонка Полковника.

В свободное время я уходил в свою комнату и пытался почитать учебник по религиоведению. Выяснил, что миф — это не то же самое, что слухи, это народное сказание, отражающее образ жизни, взгляды на мир и верования определенного народа. Интересно. А еще я понял, что после случившегося прошлой ночью я слишком устал и мне не до мифов и всякого остального, так что я заснул на своей полке — и проснулся от пения Аляски: «ПРОСЫПАААЙСЯ, ТОЛСТЯЧОООК!» — она орала прямо в мое левое ухо. Я прижал учебник к груди, словно эта книжонка в мягкой обложке могла меня хоть от чего-то защитить.

— Это было просто ужасно, — объявил я. — Что мне следует сделать, чтобы это никогда больше не повторилось?

— Ничего не подделаешь! — возбужденно прощебетала она. — Я

непредсказуема. Боже, тебе что, доктор Хайд не противен? Нет? Ведет себя так, будто он лучше нас.

Я сел и ответил:

— А по-моему, он гений. — Отчасти я сказал это потому, что действительно так думал, а отчасти потому, что мне просто хотелось ей возразить.

Аляска села на мою кровать:

— Ты всегда в одежде спишь?

— Угу.

— Забавно, — сказала она. — Вчера на тебе почти ничего не было.

Я злобно посмотрел на нее.

— Да ладно, Толстячок. Я просто прикалываюсь. Тут неженкой не проживешь. Я же не знала, насколько все страшно — и я виновата, и они об этом пожалеют, — но мягкотелым тут быть просто нельзя. — И она ушла. Больше ей сказать было нечего.

Она, конечно, симпатичная, думал я, но нельзя западать на девчонку, которая относится к тебе как к десятилетнему. Мама у тебя уже есть.

за сто двадцать два дня

КОГДА ЗАКОНЧИЛСЯ ПОСЛЕДНИЙ УРОК первой недели моего пребывания в Калвер-Крике, я вернулся в комнату № 43 и увидел нечто совершенно неожиданное: миниатюрный Полковник с голым торсом склонился над доской для глажки, накинувшись на розовую рубашку. Он работал с таким энтузиазмом, что по его лицу и груди тек пот. Энергично водя утюгом из стороны в сторону, Полковник дышал почти так же тяжело, как и доктор Хайд.

— У меня свидание, — объяснил он. — Ситуация чрезвычайная. — Он попытался перевести дыхание. — Ты... — вдох, — гладить умеешь?

Я подошел к розовой рубашке. Морщин на ней было, как на лице у старушки, которая в молодости очень любила загорать. Ох, если бы Полковник не комкал всю одежду и не распахивал ее по ящикам как попало...

— По-моему, просто включаешь и давишь на рубашку, нет? — сказал я. — Я не в курсе. Я даже не знал, что у нас *есть* утюг.

— У нас нет. Это Такуми. Но он тоже им пользоваться не умеет. А когда я Аляску спросил, она завопила: «Нет, на *меня* свою парадигму патриархата не распространяй!» О боже, мне надо покурить. Но я не могу допустить, чтобы от меня воняло во время встречи с Саринными родителями. Ладно, к лешему. Пойдем в душ, пустим воду и там покурим. От душа будет пар. А пар разгладит складки, так?.. Кстати, — продолжал он, когда я входил вслед за ним в душевую, — если днем захочется покурить в комнате, достаточно просто включить душ. И дым вместе с паром уйдет в воздуховод.

С научной точки зрения это казалось бредом, но на практике вроде бы сработало. Напор в душе был слабый, а головка располагалась так низко, что мыться под ним толком не получалось, но дымовая завеса из него выходила отличная.

А вот утюг, к сожалению, плохой. Полковник предпринял еще одну попытку погладить рубашку (*Попробую давить посильнее, посмотрю, что получится*) и в итоге надел мятую. К рубашке он подобрал синий галстук, украшенный горизонтальными рядами крохотных розовых фламинго.

— Единственное, чему меня научил мой паршивый отец, — сообщил Полковник, пока его пальцы проворно затягивали идеальный узел, — это завязывать галстук. И это довольно-таки странно, потому что отца я себе в

галстук не представляю.

И тут в дверь постучала Сара. До этого я видел ее раз-другой, но Полковник нас друг с другом не познакомил. В тот вечер ему такой возможности тоже не представилось.

— О господи. Ты что, рубашку погладить не мог? — спросила она, несмотря на то что Полковник стоял прямо у гладильной доски. — Мы же встречаемся с моими *родителями*. — В легком голубом платье Сара выглядела ужасно хорошенькой. Она забрала свои светлые волосы в «ракушку», оставив две пряди по бокам, и была похожа на кинозвезду — стервозную.

— Слушай, я сделал все что мог. Не у всех есть служанки для глажки.

— Чип, чем больше ты пытаешься меня опустить, тем ниже сам становишься.

— Боже, неужели мы не можем за дверь выйти, не поругавшись?

— Да я просто говорю тебе. Мы в *оперу* собираемся. Для моих родителей это важно. Ну ладно. Пойдем уже.

Мне самому захотелось уйти, но прятаться в ванной было как-то тупо, а в дверном проеме стояла Сара, уперев одну руку в бедро; в другой она крутила ключи от машины, словно говоря: *Ну, пошли же*.

— Да если я даже смокинг надену, твоим родителям нравиться не стану, — прокричал Полковник.

— Я тут ни при чем! Это ты внушаешь им отвращение! — Она помахала ключами у него перед лицом: — Слушай, мы либо идем, либо нет.

— К чертям. Никуда я с тобой не пойду, — ответил Полковник.

— Отлично. Желаю повеселиться. — Сара с такой силой шарахнула дверью, что с моей полки свалилась довольно внушительных размеров биография Льва Толстого (его последние слова: «Люблю истину») и упала на клетчатый пол с громким ударом, словно эхо захлопнутой двери.

— АААААА!!!!!!!!!!!!!! — заорал Полковник.

— Так значит, это была Сара, — сказал я.

— Да.

— Она вроде ничего.

Полковник рассмеялся, опустился на колени возле нашего миниатюрного холодильника и вынул банку с молоком. Открыл, сделал большой глоток, поморщился, кашлянул и сел на диван, поставив банку между ног.

— Прокисло, что ли?

— А... да, что ж я сразу не сказал. В ней не молоко. Точнее, не совсем.

Пять частей молока к одной части водки. Я зову это амброзией. Напиток богов. Запах молока заглушает водку, так что Орел меня не поймает, если только сам не отхлебнет. Плохо то, что по вкусу действительно похоже на кислое молоко со спиртовым лосьоном. Но сегодня пятница, Толстячок, а моя девка — стерва. Будешь?

— Я, пожалуй, пас. — Я раньше никогда не пил спиртного, за исключением пары глотков шампанского на Новый год под пристальным наблюдением родителей, и мне показалось, что с «амброзии» начинать не стоит.

За дверью зазвонил телефон. С учетом того, что у нас на сто девяносто учеников было всего пять телефонов, меня поражало, как редко они звонят. Сотовыми нам пользоваться не разрешали, но я заметил, что у некоторых из выходников они все же имелись. А не-выходники в основном регулярно звонили родителям сами, и я в том числе, поэтому сюда звонили только тогда, когда кто-то из ребят забывал.

— Возьмешь? — спросил Полковник. Мне не хотелось, чтобы он мной помыкал, но ссориться мне тоже не хотелось.

Так что через мерзейшие сумерки я добрался до автомата, висевшего на стене между 44-й и 45-й комнатами. Пространство по обеим сторонам телефона было испещрено телефонными номерами и тайными пометками, оставленными ручками или маркерами (205.555.1584; *Томми аэропорт 04:20*; 773.573.6521; *Джей-Джи — Каффс?*). Если звонишь на автомат — наберись терпения. Я взял трубку где-то на девятом звонке.

— Чипа позови, — попросила Сара.

Мне показалось, что она звонит с сотового.

— Ага, подожди.

Я развернулся — он уже стоял у меня за спиной, словно знал, что это она. Я передал ему трубку и пошел в комнату.

Через минуту густой и недвижимый воздух алабамской практически уже ночи прорезали четыре слова, которые донеслись и до нашей комнаты.

— Сама иди в жопу! — прокричал Полковник.

Вернувшись, он сел, схватился за свою «амброзию» и сообщил:

— Она считает, что это я настучал на Пола с Марьей. Об этом говорят все выходники. Что я настучал. Я. И нассали в кеды из-за этого. И тебя чуть не утопили. Потому что ты живешь со мной, а я, ходят слухи, стукач.

Я попытался вспомнить, кто такие Пол и Марья. Имена казались знакомыми, но я за последнюю неделю много всяких имен услышал, а связать Пола и Марью с конкретными лицами не мог. Но потом до меня дошло почему: я их и не видел. Это их выгнали за трифект.

— Давно ты с ней встречаешься? — спросил я.

— Девять месяцев. У нас не особо хорошо дела шли, в смысле, она мне никогда не нравилась, даже на минуточку. Это было как у мамы с отцом — он, бывало, разозлится и изобьет ее. А потом становится такой миленький, и у них снова как будто медовый месяц. Но у нас с Сарой медового месяца даже не бывает. Боже, да как она могла подумать, что я стукач? Я знаю, знаю: «А почему бы нам не расстаться?» — Он провел рукой по волосам, сжав их в кулак на макушке, и продолжил: — Я, наверное, ее не бросаю потому, что она не бросает меня. А это нелегко. Из меня «вторая половина» паршивая. Из нее тоже. Мы друг друга заслуживаем.

— Но...

— Не могу поверить, что они обо мне такого мнения... — Полковник подошел к книжной полке и взял альманах. А потом сделал большой глоток «амброзии». — Выходники хреновы. Наверное, кто-то из них же и донес и свалил все потом на меня, чтобы собственную задницу прикрыть. Ладно, сегодня такой вечер, что все равно лучше никуда не ходить, а остаться дома с Толстячком и «амброзией».

— Я все же... — Я хотел спросить, как можно целоваться с человеком, которого считаешь стукачом, если стучать — это самое страшное преступление из возможных, но Полковник снова меня перебил:

— Больше ни слова об этом. Знаешь столицу Сьерра-Леоне?

— Нет.

— Я тоже, — сказал он, — но я намерен это выяснить. — После этого он уткнулся в альманах, и разговор был закончен.

за сто десять дней

УЧЕБА ДАВАЛАСЬ МНЕ ЛЕГЧЕ, чем я ожидал. Я в целом был склонен сидеть у себя в комнате и читать, и это давало мне заметное преимущество перед всеми остальными учениками в Калвер-Крике. За три недели учебы многие ребята загорели на солнышке, словно золотистые жарито, потому что в свободные часы, выделенные на подготовку к урокам, они болтали друг с другом во дворе, где не было ни намека на тень. Но я даже не порозовел: я учился.

Да и на уроках я слушал, но в ту среду, когда доктор Хайд начал рассказывать о вере буддистов в то, что все на свете взаимосвязано, я вдруг обнаружил, что смотрю в окно. Я смотрел на поросший деревьями пологий холм за озером. Из класса Хайда все действительно казалось взаимосвязанным: деревья вроде бы покрывали холм, и точно так же, как я бы ни за что не выделил какую-то отдельную нитку в оранжевом обтягивающем топики, который надела в тот день Аляска, я не видел и деревьев за лесом — все так тесно переплеталось друг с другом, что смысла не было выделять какое-то одно дерево и воображать, будто оно независимо от холма. А потом я услышал собственное имя — и понял, что у меня неприятности.

— Мистер Холтер, — обратился ко мне Старик. — Я тут легкие свои напрягаю, обучая вас. Но тем не менее *что-то* за окном показалось вам более увлекательным, чем мой рассказ. Скажите на милость, что же вы там такого обнаружили?

Теперь и я начал задыхаться — все смотрели на меня, благодаря бога за то, что это *не они* оказались на моем месте. Доктор Хайд уже трижды выгонял из класса за то, что его невнимательно слушали или обменивались записками.

— Я... эээ... я просто смотрел на лес... и думал... гм... о том, ну, как это... о деревьях и о лесе, как раз как вы говорили некоторое время назад, что...

Старик, который, очевидно, терпеть не мог подобного бессвязного бреда, оборвал мое объяснение:

— Мистер Холтер, я попрошу вас выйти из класса, тогда вы сможете отправиться прямо туда и изучить взаимосвязь между... м-м-м... лесом и... э-э-э... деревьями. Если завтра вы окажетесь в состоянии воспринять мою лекцию более серьезно, я буду рад вас видеть.

Я сидел неподвижно, ручка в руке, тетрадь открыта, щеки красные, челюсть выдвинута вперед — я давно придумал такую рожу, за которой прятал свою грусть или испуг. Вдруг я услышал, что позади меня через ряд по полу проехал стул, — я повернулся и увидел, что Аляска встала, повесив на руку свой рюкзак.

— Извините, но это бред. Вы не можете так вот просто вышвырнуть его из класса. Вы читаете свои нудные лекции по часу каждый день, а нам уже даже в окно посмотреть нельзя?

Старик уставился на Аляску, как бык на матадора, потом поднес ладонь к своему осунувшемуся лицу и задумчиво потер седую щетину на щеке:

— Пятьдесят минут в день пять дней в неделю вы подчиняетесь моим правилам. Иначе вы не сдадите. Выбор за вами. Уходите оба.

Я сунул тетрадь в рюкзак и понуро вышел. Когда за мной закрылась дверь, кто-то похлопал меня по левому плечу. Я повернулся, но никого не увидел. Тогда я повернулся в другую сторону — Аляска улыбалась, от внешнего уголка глаз шли лучики морщинок.

— Этот фокус стар как мир, но все на него попадают.

Я попытался выдавить улыбку, но все никак не мог забыть доктора Хайда. Это было куда хуже, чем Случай с Клейкой Лентой, потому что я всегда знал, что не прихожусь таким Кевинам Ричманам по душе. Но учителя-то раньше всегда были почетными членами фан-клуба Майлза Холтера.

— Я же говорила тебе, что он придурок, — сказала Аляска.

— А я до сих пор думаю, что гений. Он был прав. Я не слушал.

— Ну и что, все равно не надо было из-за этого козлиться. Словно он может подтвердить свою власть, только унизив тебя. Да и все равно, — продолжала она, — настоящие гении только среди людей творческих: Йетс, Пикассо, Гарсия Маркес — вот они *гении*. А доктор Хайд — просто желчный старикашка.

А потом она объявила, что мы идем искать четырехлистный клевер, пока урок не закончится, после чего покурим с Полковником и Такуми, «хотя они оба, — добавила она, — большие засранцы, потому что не ушли вместе с нами».

По всем базовым законам человеческой психологии, когда Аляска Янг садится, скрестив ноги, на поляну местами еще зеленого, но редкого клевера, периодически наклоняясь в поисках четырехлистного экземпляра, и ты отчетливо видишь светлую кожу в ее немаленьком вырезе, присоединиться к ее поискам совершенно невозможно. Я, конечно, уже

достаточно неприятностей огреб за то, что смотрел куда не надо, но все-таки...

Минуты две она прочесывала клевер своими длинными ногтями, под которые забились земля, а потом сорвала веточку с тремя полноценными листочками и зачатком четвертого. Потом Аляска посмотрела на меня, даже не дав мне времени отвести взгляд.

— Хотя ты явно в поисках участия не принимал, извращенец, — скривившись, сказала она, — я отдала бы этот клевер тебе. Но на удачу рассчитывают только обсосы. — Она зажала зачаток четвертого листика между ногтями большого и указательного пальцев и оторвала его. — Вот, — сказала она клеверу, роняя его на землю, — больше ты не генетический уродец.

— М-мм... спасибо, — ответил я.

Зазвенел звонок, и первыми вышли Такуми с Полковником. Аляска уставилась на них.

— Что такое? — возмутился Полковник.

Но она лишь закатила глаза и пошла неизвестно куда. Мы молча последовали за ней — мимо общаг, потом через футбольное поле. Мы нырнули в лес, пошли по еле заметной тропинке, огибавшей озеро, и вышли на проселочную дорогу. Полковник подлетел к Аляске, и они начали вполголоса из-за чего-то ругаться, слов я разобрать не мог, лишь уловил общее настроение взаимного недовольства, а потом наконец спросил у Такуми, куда мы идем.

— Эта дорога упирается в сарай, — ответил он. — Может быть, туда. Но скорее в Нору-курильню. Сам увидишь.

Отсюда лес казался совершенно иным, нежели из кабинета доктора Хайда. На земле толстым слоем лежали палые ветки и полусгнившие сосновые иголки, а из-под него пробивался низкорослый зеленый кустарник; тропинка петляла между тонкими и высокими соснами, их игольчатые лапы укрывали нас от палящего солнца кружевной тенью. А небольшие дубки и клены, которых за более величественными соснами из окна кабинета доктора Хайда видно не было, уже демонстрировали признаки осени, поверить в приход которой в такую жару было просто невозможно: их еще зеленые листья как-то поникли.

Мы вышли к шаткому деревянному мостику — точнее, это был всего лишь толстый лист фанеры, лежавший на бетонном основании. Он вел на другой берег Калвер-Крика, извивающейся речушки, которая петляла по окрестностям нашего кампуса. С другой стороны моста узенькая тропинка продолжалась и вела вниз под крутой откос. Это была даже не тропинка, а

пунктирный намек на то, что тут раньше кто-то ходил: то заломленная ветка, то участок вытоптанной травы. Мы шли друг за другом. Аляска, Полковник и Такуми придерживали перед тем, кто идет следом, толстую ветку клена, а потом передавали эту обязанность другому, пока не прошел я и не выпустил ветку — тогда она со свистом вернулась на свое место. А там, под мостом, оказался оазис. Бетонная плита метр в ширину и три метра в длину, на которой стояли синие пластиковые стулья, еще давным-давно выкраденные из какого-то кабинета. В тени от моста, да еще и возле ручья, было так прохладно, что мне впервые за эти несколько недель перестало быть жарко.

Полковник раздал сигареты. Такуми решил пропустить, а мы все закурили.

— Я просто считаю, что он не имеет права нас так унижать, — сказала Аляска, продолжая свой разговор с Полковником. — Толстячок больше не будет смотреть из окна, я больше не буду разглагольствовать на эту тему, но он все же отвратный препод, на этот счет ты меня не разубедишь.

— Отлично, — ответил Полковник. — Только сцен больше не устраивай. Бедолага там чуть не скончался.

— Seriously, конфронтация с Хайдом до добра не доведет, — добавил Такуми. — Он тебя заживо съест, потом высрет, а потом еще и насыт на кучу. Кстати, то же самое следует сделать и с тем, кто настучал на Марию. Кто-нибудь что-нибудь слышал?

— Наверняка кто-то из выходников, — высказалась Аляска. — Но они, по всей видимости, решили, что это Полковник. Так что фиг его знает. Может, Орлу просто повезло. Она была дурочкой, попалась, ее выперли, конец. Именно так и бывает, если ты дурак и если тебя застукают. — Аляска скруглила губы и стала похожа на кушающую золотую рыбку — это она безуспешно пыталась выдохнуть колечки дыма.

— Супер, — откликнулся Такуми, — если меня выгонят, напомни мне, что мстить надо самому, на тебя-то, похоже, рассчитывать нельзя.

— Не носи ерунды, — сказала Аляска не столько сердито, сколько пренебрежительно. — Я не понимаю, почему вам так важно найти объяснение всему, что тут происходит, как будто бы мы все тайны должны раскрывать. Боже ж ты мой, все же уже в прошлом. Такуми, тебе вообще пора перестать жить чужими проблемами и завести собственные. — Он было попытался что-то ей возразить, но Аляска вскинула руку, словно отмахиваясь от этой беседы.

Я в разговоре участия не принимал — я эту Марию не знал, к тому же молча слушать — вообще была моя основная стратегия взаимодействия с

людьми.

— Но все равно, — обратилась ко мне Аляска, — мне показалось, что он с тобой ужасно обошелся. Я чуть не расплакалась. Мне так хотелось поцеловать тебя и утешить.

— Жаль, что сдержалась, — невозмутимо ответил я, и все рассмеялись.

— Ты отличный, — добавила она, и я почувствовал на себе мощь ее взгляда, занервничал и отвел глаза. — Жаль, что я своего парня люблю.

Я уставился на сплетенные корни деревьев на берегу, стараясь не выглядеть как пацан, которого только что назвали «отличным».

Такуми тоже не мог поверить в услышанное, он подошел ко мне, взъерошил мне волосы и начал читать Аляске рэп:

— Йоу, Толстячок отличный, но слишком уж приличный. Джейк подинамичней, он... черт. Я почти четыре рифмы к «отличный» придумал. Вот разве что «чумичный». Но такого слова нет.

Аляска рассмеялась:

— Я после этого даже больше сердиться на тебя не могу. Боже, рэп — это так секси. Толстячок, ты вообще знаешь, что общаешься с самым больным эмси^[5] во всей Алабаме?

— Гм... нет.

— Задай бит, Полковник Катастрофа, — сказал Такуми, а я рассмеялся — я поверить не мог, что у такого коротышки и чудака, вроде Полковника, может быть настоящая рэперская кликуха.

Полковник сложил руки у рта рупором и начал издавать страннейшие звуки, которые, я так полагаю, и были битом. *Пу-чи, пу-пупу-чи.*

Такуми рассмеялся:

— Чуваки, вы хотите, чтобы я зажег прямо тут, у реки? Если бы твой дым был мороженым, его лизнуть было бы можно. Мои рифмы старомодны, но неповторимы, так писали лишь философы в Древнем Риме. А у Полковника тема горька, как у Миллера в «Смерти моряка». Про меня говорят, что я шоумен, я могу побыстрее, а могу и нет, йе-е-е. — Он смолк, чтобы набрать в легкие воздуха, а потом продолжил: — Я не боюсь рифм — ни сквозных, ни перекрестных. Тут кончается мой стих, и эмси идет на отдых.

Я не отличал сквозную рифму от перекрестной, но весьма впечатлился. Мы похвалили Такуми негромким взрывом аплодисментов. Аляска докурила сигарету и бросила бычок в реку.

— Черт, как ты так быстро куришь?

Она посмотрела на меня, и на ее узком лице появилась такая широкая

улыбка, что вы бы усомнились в ее умственных способностях, если бы не эта безупречная зелень в глазах. И радостно, как ребенок в Рождество, она ответила:

— Просто ты куришь, потому что тебе это доставляет удовольствие. А я — потому что хочу умереть.

за сто девять дней

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ НА ОБЕД подали «мясной хлеб» — одно из немногочисленных блюд, которые не жарились во фритюре, и, возможно, именно поэтому оно воспринималось как одна из самых страшных ошибок Морин — жалкая, пропитанная соусом стряпня, которая видом нисколько не походила на хлеб, а вкусом — на мясо. Хотя и не ездил на ней ни разу, я знал, что у Аляски есть машина, и она предложила свозить нас с Полковником в «Макдоналдс», но у него не было денег, да и у меня уже тоже почти не осталось — мне же постоянно приходилось оплачивать это его экстравагантное пристрастие к сигаретам.

Так что вместо этого мы с Полковником разогрели жарито двухдневной давности — они, в отличие от, например, картошки фри, после микроволновки нисколько не теряют своего великолепного вкуса и хрустят все так же кайфово, — а после этого Полковник настоял на том, что мы должны пойти и посмотреть первый в этом сезоне школьный баскетбольный матч.

— Баскетбол — осенью? — удивился я. — Я в спорте особо не разбираюсь, но в это время разве не в футбол играют?

— У нас школа слишком маленькая, футбольной команды нет, поэтому у нас осенью баскетбол. Хотя, чувак, футбольная команда в Калвер-Крике была бы красивая. Ты с твоей костлявой задницей мог бы начать карьеру нападающего форварда. Но баскетбол вообще-то тоже крут.

Я ненавидел спорт. Ненавидел и сам спорт, и людей, которые им занимаются, и тех, которые болеют, а также тех, кто не испытывает ненависти к тем, кто болеет или занимается. В третьем классе — это последний год, когда школьники играют в детский бейсбол, — моей маме захотелось, чтобы я нашел себе друзей, и она заставила меня вступить в клуб «Орландо Пайретс». И я завел друзей, да — целую кучу, детсадовского возраста, но мои отношения со сверстниками не улучшились. В первую очередь потому, что я был выше всех в команде и чуть не попал в команду сильнейших. Уступив место Клэю Вуртцелу, у которого была всего одна рука. Меня, необычайно высокого третьеклассника с двумя руками, побил детсадовец Клэй Вуртцел. И дело было не в том, что все просто пожалели однорукого ребенка. Клэй Вуртцел *попадал*, а я выбивал мяч в аут даже при благоприятных условиях. И в Калвер-Крике меня привлекало в первую очередь то, что там не

приходилось сдавать физкультурные нормативы.

— Это единственное, что заставляет меня отодвинуть свою страстную ненависть к выходникам и их поганой имитации загородного клуба в сторонку, — объяснил Полковник. — Потому что они установили в зале кондиционеры. И первую игру в сезоне пропустить нельзя.

По пути к самолетному ангару, то есть спортзалу, который я раньше видел, но куда совершенно не намеревался ходить, Полковник сообщил мне самые важные сведения о нашей баскетбольной команде: она не особо хороша. Ее «звездой», по словам Полковника, считался Хэнк Уолстен, из старшекласников, который был тяжелым форвардом, несмотря на рост метр семьдесят семь. В кампусе его знали все, в первую очередь потому, что у него всегда можно было разжиться травкой, и Полковник сказал, что Хэнк еще ни на один матч не вышел ненакурленным.

— Он любит покурить не меньше, чем Аляска любит потрахаться, — говорил он. — Этот человек как-то даже смастерил бонг^[6] из ствола пневматического ружья, спелой груши и глянцевой фотки Анны Курниковой размером двадцать на двадцать пять сантиметров. Конечно, не велик золотник, но все же его самоотверженностью в плане злоупотребления наркотиками остается только восхищаться.

Остальные, как сказал Полковник, были еще хуже Хэнка, и последним считался Уилсон Карбод, центровый, в котором было слегка за метр восемьдесят.

— Команда у нас настолько плохая, — продолжал он, — что у них даже талисмана своего нет. Так что я зову их «Калвер-Крикские Никакие».

— То есть они отстойные? — уточнил я. Я не совсем понимал, какой смысл смотреть, как сливает твоя никчемная команда, но кондиционер меня прельстил.

— О да, отстойные, — подтвердил Полковник. — Но команду из школы слепоглухих мы всегда разносим в пух и прах. — Видимо, в школе глухих и слепых баскетболу большого значения не придавалось, так что команда Калвер-Крика к концу сезона все же имела одну победу.

Когда мы пришли, зал уже был забит: там собрались почти все ученики школы — например, на верхнем ряду я заметил трех наших готок, подкрашивающих глаза. Дома я никогда на баскетбол не ходил, но был почти уверен, что у нас далеко не все собирались поболеть за свою команду. Даже при всем этом я очень удивился, когда прямо передо мной уселся не кто иной, как сам Кевин Ричман, в то время как черлидеры наших соперников (которым крайне не повезло с цветами, символизирующими их школу: коричневая грязь и желтая засохшая моча) пытались разжечь азарт

небольшой группки поддержки, прибывшей вместе со своей командой. Кевин развернулся и уставился на Полковника.

Как и почти все выходники-парни, Кевин одевался элегантно и выглядел так, будто он был обречен стать адвокатом — любителем гольфа. Его блондинистые космы были коротко пострижены по бокам, а на макушке стояли дыбом: он поливал их таким количеством геля, что они всегда казались мокрыми. Я конечно же ненавидел его не так, как Полковник — он ненавидел из принципа, а принципиальная ненависть куда как сильнее ненависти типа «пацаны, зря вы обмотали меня скотчем и бросили в озеро». Тем не менее, пока он смотрел на Полковника, я старался утратить его взглядом, но забыть о том, что он не далее чем две недели назад видел мою тощую задницу, не прикрытую ничем, кроме трусов, было сложно.

— Ты настучал на Пола с Марьей. Мы отомстили. Мир? — предложил Кевин.

— Я на них не стучал. И этот вот Толстячок *однозначно* на них не стучал, но вы все равно решили поразвлечься за его счет. Мир, говоришь? Гм... дай-ка я быстренько опрос проведу на эту тему. — Танцовщицы из группы поддержки сели, прижав к груди свои помпоны, словно в молитве. — Слышь, Толстячок, — обратился ко мне Полковник. — Как ты думаешь, мир?

— Мне вспоминается случай, когда в Арденнах немцы потребовали, чтобы американцы сдались, — ответил я. — И я на это предложение мира скажу то же самое, что генерал Мак Олиф сказал тогда: «Бред».

— Кевин, ну вот зачем ты пытался его убить? Он же гений. Твой мир — бред.

— Да ладно, чувак. Я же знаю, что это ты настучал, а мы должны были защитить честь друга, а теперь конец истории. Давай закроем эту тему. — Казалось, что Кевин говорит искренне, может быть, дело было в том, что Полковник славился своими дикими выходками.

— Давай так. Назови какого-нибудь нашего президента, который уже умер. Если Толстячок не в курсе, что он сказал перед смертью, тогда мир. А если знает — вы до конца своей жизни будете проклипать тот день, когда нассали в мои кеды.

— По-моему, это идиотизм.

— Хорошо, никакого мира. — И Полковник откинулся на спинку сиденья.

— Ну ладно. Миллард Филлмор, — придумал Кевин.

Полковник спешно повернулся ко мне, и в его глазах я прочитал

вопрос: *У нас вообще был такой президент?* Я лишь улыбнулся:

— Когда Филлмор умирал, он был жутко голоден. Но его доктор считал, что отказ от пищи поможет ему победить лихорадку... или с чем он там слег. Филлмор без умолку твердил о том, как он хочет есть, и доктор наконец дал ему чайную ложечку супа. Ну, он говорит с сарказмом: «Кормят, как на убой» — и умирает. Перемирия не будет.

Кевин закатил глаза и ушел, а до меня дошло, что я мог бы приписать Филлмору любые предсмертные слова, главное было произнести их уверенным тоном, и Кевин, наверное, все равно бы мне поверил. Я пропитывался самоуверенностью Полковника.

— О, ты впервые повел себя как настоящий говнюк! — рассмеялся он. — Я, конечно, все условия тебе создал. Но все равно. Молоток!

К несчастью для Калвер-Крикских Никаких, в тот день они играли не с командой слепоглухих, а с какой-то христианской школой из центра Бирмингема — их команда была укомплектована громадными обезьяноподобными Гаргантюа с густыми бородами, которые к тому же совершенно не согласны были подставлять вторую щеку.

Счет в конце первой четверти был 20:4.

И вот тут стало весело. Полковник оказался главным заводилой.

— Пол! — закричал он.

— СТЕНЫ! — ответила толпа болельщиков.

— Окна!

— КРЫША!

А потом все хором:

— А У НАС ОЦЕНКИ ВЫШЕ!

— Виват! Виват! Виват! — вопил Полковник.

— МЫ ГЕНЕРАЛЫ, А ВЫ — СОЛДАТЫ!

Группа поддержки наших соперников попыталась ответить:

— Посмотрите, посмотрите, на вас шапочки горят! Если не угомонитесь, попадете прямо в ад!

Однако у нас фантазия работала получше:

— Краснее!

— ЗЕЛЕНЕЕ!

— Чернее!

— СИНЕЕ!

— ВЫ ХОТЬ И ВЫШЕ, НО МЫ — УМНЕЕ!

Когда в любом уголке страны кто-то соберется пробивать штрафной, фанаты бушуют, как только могут, орут, топают ногами. Но толку от этого никакого, потому что спортсмены привыкают не обращать внимания на

такой шум. И в Калвер-Крике мы выработали другую стратегию: сначала все вопят и орут, как и приличествует ситуации. А потом все вдруг говорят: «Тсс!», и в зале наступает полная тишина. Так что как раз в тот момент, когда ненавистный противник, владевший мячом, останавливался, собираясь бросить его в корзину, Полковник вставал и кричал что-нибудь вроде:

— Бога ради, сбрей уже волосы на спине!

Или:

— Моя душа нуждается в спасении. Вы меня не исповедуете после броска?!

К концу третьей четверти тренер команды из Христианской школы попросил тайм-аут и пожаловался судье на Полковника, сердито тыча пальцем в его сторону. Мы проигрывали со счетом 56:13. Полковник встал:

— Что такое? Проблемы какие-то?!

Тренер заорал:

— Ты моим игрокам мешаешь!

— ТАК В ЭТОМ-ТО И СМЫСЛ, ШЕРЛОК! — прокричал Полковник в ответ.

Судья выгнал его из зала. Я ушел с ним.

— Меня уже тридцать седьмой раз подряд вышвыривают, — сообщил он.

— Хреново.

— Да. Раз-другой мне приходилось идти на реально безумные выходки. Однажды я выбежал на площадку секунд за одиннадцать до конца и спер мяч у противников. Не очень-то хорошо это смотрелось. Но мне надо свою звезданутую репутацию поддерживать.

Полковник бросился бежать, радуясь своему изгнанию, и я потрусил за ним по пятам. Мне тоже хотелось быть звезданутым, хотелось быть ярким человеком и постоянно отжигать. Но пока я просто довольствовался знакомством с такими людьми, которым был нужен так же, как комете нужен хвост.

за сто восемь дней

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ доктор Хайд попросил меня задержаться после урока. Представ перед ним, я впервые осознал, насколько он ссутулился, и он вдруг показался мне очень грустным и каким-то старым.

— Тебе нравятся мои лекции, да?

— Да, сэр.

— На обдумывание теории буддистов о всеобщей взаимосвязи у тебя есть целая жизнь. — Учитель говорил так, словно весь текст написал ранее, выучил наизусть, а теперь читает по памяти. — Но глядя из окна, ты упустил не менее интересное положение буддизма — их рекомендацию в любой момент повседневности находиться в настоящем, присутствовать в текущем мгновении. Быть на уроке. А потом, когда он закончится, присутствовать там, — сказал он, указывая кивком головы на озеро и холм.

— Да, сэр.

за сто один день

В ПЕРВОЕ ЖЕ ОКТЯБРЬСКОЕ УТРО я понял, что что-то не так, как только у меня хватило сил подняться, чтобы выключить будильник. Постель как-то странно пахла. И ощущения тоже были какие-то непривычные. Через минуту туман в голове более-менее рассеялся, и до меня дошло: мне было холодно. То есть, по крайней мере, маленький вентилятор захотелось выключить.

— Холодно! — заорал я.

— О боже. Сколько времени? — раздалось сверху.

— Восемь ноль четыре, — ответил я.

Полковник, у которого будильника не было, но который почти всегда просыпался и принимал душ до того, как прозвонит мой, свесил с кровати свои коротенькие ножки, спрыгнул и бросился к комоду.

— Похоже, возможность принять душ я уже проворонил, — сказал он, надевая зеленую футболку баскетбольной команды Калвер-Крика и шорты. — Ну и ладно. Всегда можно отложить на завтра. И не холодно. Градусов двадцать семь есть.

Хорошо, что я спал в одежде — мне оставалось лишь обуться, и мы с Полковником разбежались по классам. Я изящно плюхнулся на свое место: у меня было еще двадцать секунд в запасе. Когда на середине урока мадам О’Мэлли повернулась к доске и принялась что-то писать, Аляска передала мне записку:

Хорошо взлохматился. В обед пойдем заниматься в «Макдоналдс»?

У нас всего через несколько дней намечался первый серьезный тест по математике, поэтому Аляска собрала шестерых ребят из нашего класса, которых она не считала выходниками, и утрамбовала в свою крошечную голубую двухдверку. В результате довольно удачного стечения обстоятельств у меня на коленях оказалась весьма симпатичная девушка Лара, которая училась тут уже второй год. Она родилась в России или типа того и говорила с легким акцентом. Поскольку нас от этого самого отделяло всего четыре слоя одежды, я воспользовался такой возможностью и представился.

— Я ти-ибя знаю. — Она улыбнулась. — Ты друг Аляски из Флори-

иды.

— Ага. Подготовься отвечать на идиотские вопросы, потому что в математике я ноль, — предупредил я.

Она собралась было что-то ответить, но ее вдруг с силой прижало ко мне: Аляска очень резко сорвалась с места.

— Дети, познакомьтесь с Голубым Цитрусом. Его так зовут, потому что он «лимон»,^[7] — сказала Аляска. — Голубой Цитрус, это дети. Может, вам лучше пристегнуться, если отыщете ремни. Толстячок, тебе, наверное, разумнее будет послужить ремнем для Лары.

Машина была не очень быстрой, и, чтобы компенсировать этот недостаток, Аляска не снимала ногу с педали газа. На последствия она плевать хотела. Мы еще не выехали с территории кампуса, а Лару уже мотало из стороны в сторону на каждом повороте, поэтому я последовал совету Аляски и обхватил девушку за талию.

— Спаси-ибо, — еле слышно проговорила она.

Быстро, хоть и безрассудно лихо домчавшись до «Макдоналдса», от которого до нас было около пяти километров, мы заказали семь больших порций картошки фри на всех, вышли и сели на газон. Мы расположились кругом, поставив подносы в центр, и Аляска начала вести урок, во время которого она курила, а мы ели.

Как и любой хороший учитель, она требовала строгого порядка. Аляска целый час без остановки курила, ела и говорила, а я записывал все в тетрадь, и постепенно мутная ранее тема тангенсов и косинусов начала проясняться. Но не всем так повезло.

Когда Аляска галопом пронеслась по какому-то простейшему вопросу, касающемуся линейных уравнений, баскетболист-нарик Хэнк Уолстен сказал:

— Погоди, погоди. Я не понял.

— Это потому, что у тебя в мозгу работает всего восемь клеток.

— Согласно исследованиям, марихуана для здоровья полезнее, чем эти твои сигареты, — возразил Хэнк.

Аляска проглотила пригоршню картошки фри, сделала затяжку и выпустила дым Хэнку в лицо:

— Может, я и умру молодой. Зато хоть умной. Давайте вернемся к тангенсам.

за сто дней

— НЕ ХОТЕЛОСЬ БЫ показаться банальным, но почему Аляска? — поинтересовался я.

Я только что узнал результаты теста по математике, и меня переполнял восторг: она оказалась настолько хорошим учителем, что я смог получить четверку с плюсом. В эту тоскливейшую хмурую субботу мы с ней сидели одни перед телевизором и смотрели Эм-ти-ви. В комнате с телевизором стояли старые диваны, оставшиеся от предыдущих поколений учеников Калвер-Крика, и воздух там был затхлым — пахло пылью и плесенью. Полагаю, из-за этого там почти никогда никого и не было. Аляска отпила глоток «Маунтин дью» и схватила меня за руку:

— Это все рано или поздно спрашивают. Короче, когда я была маленькая, моя мама вроде как хипповала. Ну, представляешь себе, носила безразмерные свитера, которые сама же и вязала, травку постоянно курила... и все дела. А папаша был настоящим республиканцем, и, когда я появилась на свет, мама сказала, что меня надо назвать Гармонией Весны, а папа — Мери Френсис. — Она говорила, покачивая головой в такт музыке, которую крутили по телику, хотя это была какая-то жутко надуманная попсовая заунывная песня, которую Аляска, по ее же словам, вроде как ненавидела. — Так что они решили не называть меня ни Гармонией, ни Мери, а дать право выбора мне самой. Когда я была маленькой, меня звали Мери. Ну, то есть они-то звали меня «малышка» или как-то так, но в официальных бумагах писали «Мери Янг». А на семилетие подарили мне право выбрать имя. Круто, согласишься? Так что я весь день изучала отцовский глобус в поисках чего-нибудь поинтересней. Сначала я выбрала Чад, это такая страна в Африке. Но папа сказал, что это мальчишеское имя, и я выбрала Аляску.

Да, жаль мне родители не дали права выбрать имя. Более того, они сами остановились на том единственном, которым в семье Холтеров уже целый век называют первенцев.

— Но почему именно Аляска? — спросил я.

Она улыбнулась правым уголком рта:

— Потом я узнала, что мое имя означает. Оно происходит от алеутского слова *Alyeska* и переводится как «то, обо что бьется море». Мне это жутко нравится. Но тогда я просто увидела Аляску. Она была такая огромная, а я хотела вырасти большой. И еще: она располагалась очень

далеко от Вайн-Стейшн — как раз то, о чем я мечтала.

Я рассмеялся.

— А теперь ты такая большая и живешь далеко от дома, — все еще улыбаясь, сказал я. — Поздравляю.

Аляска перестала качать головой и отпустила мою (к сожалению, вспотевшую) руку.

— Уехать не так-то просто, — серьезно сказала она, глядя на меня так, будто я знал, как это можно сделать, но ей не говорил. А потом она как бы сменила лошадей нашей беседы прямо на переправе: — Знаешь, чем я хочу заниматься после колледжа? Хочу стать училкой у детей-инвалидов. Блин, если я даже до вас математику донесла, то кого хочешь чему хочешь научу. Может, аутистов, например.

Говорила она тихо и задумчиво, как будто рассказывала мне какую-то тайну, и я наклонился к ней. Меня вдруг охватило такое чувство, что мы должны поцеловаться, что мы просто обязаны поцеловаться сейчас, на этом пыльном и прожженном сигаретами оранжевом диване, который стоит тут уже сто лет. Я бы это сделал: я все наклонялся бы к ней, пока не потребовалось бы повернуть голову, чтобы обогнуть ее идеально ровный нос, и почувствовал бы прикосновение ее нежнейших губ. Я бы так и сделал. Но она не дала.

— Нет, — сказала Аляска, и я поначалу не понял, прочитала ли она мои мысли и поняла, что я брежу этим поцелуем, или возразила сама себе вслух. Она отвернулась от меня и сказала тихо, вероятно, самой себе: — О боже, я же не из тех, кто сидит и рассказывает о том, что собирается делать. Я буду просто делать. Воображать свое будущее — это все равно что ностальгировать.

— М-м-м?... — спросил я.

— Ты живешь, как будто в лабиринте застрял, думаешь о том, как однажды из него выберешься и как это будет прекрасно, и живешь именно этим воображением будущего, но оно никогда не наступает. Ты думаешь о будущем, чтобы сбежать из настоящего.

Мне показалось, что в этом есть смысл. Я, например, воображал, что жизнь в Калвер-Крике будет более захватывающей — а на деле оказалось больше зубрежки, чем приключений. Но если бы я ничего не воображал, я бы сюда вообще не приехал.

Аляска снова повернулась к экрану — теперь там шла реклама какой-то тачки, и она пошутила, что для ее Голубого Цитруса тоже надо снять ролик. Имитируя полный страсти грудной голос, которым озвучивают рекламу, она сказала:

— Маленький, медленный и в целом дерьмовый, но все же ездит. Иногда. Голубой Цитрус: обращайтесь к ближайшему дилеру подержанных тачек.

Но мне хотелось продолжить разговор о ней, о Вайн-Стейшн и о будущем.

— Иногда я тебя не понимаю, — сказал я.

Аляска на меня даже не взглянула. Она лишь улыбнулась телику и изрекла:

— Ты меня никогда не понимаешь. В этом-то все и дело.

за девяносто девять дней

ПОЧТИ ВЕСЬ СЛЕДУЮЩИЙ день я провалялся в постели, погрузившись в до жути скучный вымышленный мир Этана Фрома, а Полковник сидел за столом, постигая тайны дифференциальных уравнений или чего-то в этом роде. Хотя мы и пытались сократить перекуры в душе, сигареты у нас кончились даже раньше, чем стемнело, что вынудило нас отправиться в комнату Аляски. Она лежала на полу, держа над головой книгу.

— Пойдем покурим, — сказал Полковник.

— У вас сигареты кончились, да? — ответила она, даже не глядя на нас.

— Ну. В общем да.

— Пять баксов есть? — спросила Аляска.

— Нет.

— Толстячок?

— Ну ладно, ладно.

Я достал из кармана пятерку, и Аляска дала мне пачку «Мальборо лайтс». Двадцать сигарет. Я знал, что выкурю из них штук пять, но пока я субсидирую Полковника — он не будет упрекать меня в том, что я богач, выходник, у которого просто родители не в Бирмингеме.

Мы нашли Такуми и пошли к озеру, прячась за немногочисленными деревьями и хохоча. Полковник выдувал кольца, которые Такуми обозвал пафосными, а Аляска тыкала в них пальцем, как ребенок в мыльные пузыри.

А потом вдруг хрустнула ветка. Это мог быть просто олень, но Полковник все равно сорвался с места. Прямо за нами раздался голос:

— Не беги, Чиппер.

Полковник остановился, развернулся и покорно поплелся обратно.

К нам неспешно подошел Орел, раздраженно поджав губы. На нем была белая рубаша с черным галстуком, как и всегда. Он окинул нас по очереди Роковым Взглядом.

— От вас воняет, как от поля табака в Северной Каролине при пожаре, — сказал он.

Мы молчали. Я чувствовал себя как-то несоразмерно ужасно, как будто меня застукали при попытке бегства с места преступления после того, как я убил человека. Он будет звонить родителям?

— Жду вас завтра в пять в суде, — объявил он и ушел.

Аляска присела, подняла брошенную сигарету и продолжила курить. Орел резко развернулся — его шестое чувство отреагировало на факт Неповиновения Старшим. Аляска снова бросила сигарету и растоптала ее. Орел покачал головой, и, хоть он и был дико зол, богом клянусь, он улыбнулся.

— Он меня любит, — сообщила мне Аляска, когда он уже дошел до общаг. — И вас всех тоже любит. Но школу любит больше. В этом-то все и дело. Орел считает, что, если он будет нас стращать, это будет хорошо и для школы, и для нас. Это непрекращающаяся борьба, Толстячок. Борьба Хороших против Хулиганов.

— Что-то ты слишком философски настроена для девчонки, которая только что попалась, — сказал я.

— Иногда можно проиграть одну битву. Но в войне обычно побеждают Хулиганы.

за девяносто восемь дней

СУД БЫЛ УНИКАЛЬНОЙ ОТЛИЧИТЕЛЬНОЙ особенностью Калвер-Крика. Каждый семестр преподаватели выбирали двенадцать учеников, по три из каждого класса, в качестве присяжных. Суд определял наказание в тех случаях, когда преступника не исключали из школы: от нарушений комендантского часа до курения. Обычно состав преступления как раз и заключался в курении или в пребывании в комнате у девчонки после семи. В таком случае человек идет в суд, излагает свое дело, и его наказывают. Сам Орел был судьей и имел право опровергнуть решение присяжных (как в настоящем суде), но этого почти никогда не происходило.

Сразу после уроков я отправился к кабинету № 4 — на сорок минут раньше, чтобы уж наверняка не опоздать. Я уселся в коридоре, прижавшись спиной к стене, и принялся читать учебник по американской истории (чтобы заполнить пробелы, честно говоря), а потом появилась Аляска и уселась рядом со мной. Она пожевывала нижнюю губу, и я спросил, нервничает ли она.

— Ну да. Слушай, ты просто сиди и молчи, — сказала она. — Тебе переживать не из-за чего. Но меня за этим уже в седьмой раз поймали. Я не хочу... а, ладно. Не хочу отца расстраивать.

— А твоя мама курит или как? — поинтересовался я.

— Уже нет, — сказала она. — Все нормально. Тебе ничего не будет.

Я начал волноваться только в 16:50, потому что ни Полковника, ни Такуми видно не было. Присяжные потихоньку собирались в кабинете, они проходили мимо нас, даже не глядя, от чего мне стало только хуже. К 16:56 пришли все двенадцать, включая Орла.

В 16:58 из-за угла показались Полковник с Такуми.

Я ни разу ничего подобного не видел. На Такуми была безупречно отглаженная рубашка с красным галстуком в черный «огурец», а на Полковнике — мятая розовая рубашка и галстук с фламинго. Они шли нога в ногу, высоко подняв головы и расправив плечи, как герои какого-то боевика.

Аляска вздохнула:

— Полковник снова изображает Наполеона.

— Все будет хорошо, — сказал мне Полковник. — Только молчи.

И мы вошли — двое в галстуках, двое в поношенных майках, — и Орел ударил молотком правосудия по кафедре, за которой он стоял.

Присяжные сели в ряд за прямоугольный стол. Перед доской стояло четыре стула. Мы сели, и Полковник принялся рассказывать, что произошло:

— Мы с Аляской курили у озера. Обычно мы уходим с территории кампуса, но в этот раз забыли. Простите нас. Больше этого не повторится.

Я не понимал, что происходит. Но свою роль я запомнил хорошо: сидеть и помалкивать. Один из ребят посмотрел на Такуми и спросил: а вы с Холтером что делали?

— Мы за компанию пошли, — спокойно ответил Такуми.

Спрашивающий обратился к Орлу:

— Вы видели, как они курили?

— Я видел лишь Аляску, но Чип бросился бежать, что показалось мне каким-то малодушным, как и теперешняя скромность Майлза и Такуми, — сказал Орел, снова посмотрев на меня Роковым Взглядом.

Мне не хотелось выглядеть виноватым, но выдержать его взгляд я не мог, и пришлось уставиться на собственные руки.

Полковник заскрежетал зубами, словно ему физически было больно врать.

— Это правда, сэр.

Орел спросил, хочет ли кто-то из нас что-либо сказать, потом — есть ли у кого-то еще какие-либо вопросы, а потом выгнал нас за дверь.

— Что это за фигня? — спросил я у Такуми, когда мы вышли.

— Просто жди молча, Толстячок.

Почему Аляска призналась, если ее уже столько раз ловили? И Полковник, который в буквальном смысле позволить себе не мог вляпываться в серьезные неприятности? Почему мою причастность скрыли? Меня всего первый раз поймали. И мне терять особо нечего. Через пару минут вышел Орел и жестом пригласил нас вернуться в кабинет.

— Аляска и Чип, — сообщил один из присяжных, — вы приговариваетесь к десяти часам работы — будете мыть посуду в столовой, и от официального звонка родителям вас отделяет всего одно нарушение. Такуми и Чип, в правилах нет запрета смотреть, как кто-то курит, но мы зафиксируем этот случай и учтем его, если вы нарушите правила в другой раз. Справедливо?

— Справедливо, — поспешно сказала Аляска, которой стало заметно легче.

Когда я шел к выходу, Орел развернул меня:

— Не злоупотребляйте своими привилегиями в нашей школе, молодой человек, иначе вы об этом пожалеете.

Я кивнул.

за восемьдесят девять дней

— МЫ НАШЛИ ТЕБЕ ПОДРУЖКУ, — сообщила мне Аляска. Что произошло неделю назад в суде, мне никто так и не объяснил. Но вся эта история, похоже, никак не повлияла на поведение Аляски, которая, во-первых, сидела в нашей комнате уже после наступления темноты с закрытой дверью и, во-вторых, курила, расположившись на нашем вспененном диване. Она подоткнула под дверь полотенце и уверяла нас, что так никто ничего не заметит, но я все же как-то беспокоился — и из-за табачного дыма, и из-за подружки.

— Мне осталось только убедить тебя в том, что она тебе нравится, а ее — в том, что ей нравишься ты.

— Тебе придется проделать немалую работу, — ответил Полковник. Он лежал на верхней полке и читал «Моби Дика».

— Ты можешь и читать и разговаривать одновременно? — поинтересовался я.

— Ну, как правило, нет, но ни эта книга, ни ваш разговор особых интеллектуальных усилий не требуют.

— А мне нравится этот роман, — возразила Аляска.

— Ага. — Полковник улыбнулся и свесился с полки, чтобы посмотреть на нее. — Наверняка тебе такое нравится. Большой белый кит — это такая метафора всего. А ты живешь всякими пафосными метафорами.

Аляска нисколько не смутилась:

— Так, Толстячок, что ты думаешь по поводу стран бывшего социалистического блока?

— Гм... Ничего плохого.

Она стряхнула пепел в мой стаканчик с карандашами. Я сначала хотел было возмутиться, а потом плюнул.

— Эта вот девчонка, которая с нами на математике, — продолжала Аляска. — Которая тихо говорит и тянет букву «и-и». Понимаешь, о ком я?

— Ага. Лара. Она сидела у меня на коленях, когда мы в «Макдоналдс» ездили.

— Точно. Я помню. Ты ей понравился. Ты, наверное, думал, что ее мысли заняты только математикой, а на самом деле она явно показывала, что мечтает заняться с тобой жарким сексом. Именно поэтому тебе без меня не обойтись.

— У нее сиськи классные, — прокомментировал Полковник, не отрываясь от книги.

— НЕ СМОТРИ НА ЖЕНЩИНУ КАК НА МЯСО! — завопила Аляска.

— Извини. Огромные упругие сиськи.

— Это ничем не лучше!

— Лучше, — возразил он. — «Классные» — это оценка женской фигуры. А «огромные» и «упругие» — просто констатация факта. Они действительно упругие. Ну, блин, о чем тут спорить.

— Ты безнадежен, — сказала Аляска. — Так вот, Толстячок, она думает, что ты симпатичный.

— Отлично.

— Но это ничего не означает. Проблема в том, что, если ты начнешь с ней разговаривать, твое блеянье и гмыканье до добра не доведет.

— Ну что ты так строга с ним, — снова перебил Полковник, словно взяв на себя роль моей мамочки. — Господи боже, с анатомией кита я уже разобрался. Давай уже дальше, Герман.

— В эти выходные Джейк будет в Бирмингеме, и мы организуем тройное свидание. То есть тройное с половиной, потому что Такуми тоже пойдет. Давление минимальное. Ты ничего не сможешь испортить, потому что я все время буду рядом.

— О'кей.

— А я с кем иду? — спросил Полковник.

— Со своей подружкой.

— Ладно, — согласился он. А потом невозмутимо добавил: — Только мы не очень хорошо ладим.

— Значит, в пятницу. У вас есть планы на пятницу? — Я расхохотался: ни у меня, ни у Полковника не было планов ни на эту пятницу, ни на все последующие пятницы в нашей жизни. — Я так и подумала. — Аляска улыбнулась. — Чиппер, нам надо в столовую, посуду мыть. Боже, на какие жертвы я иду.

за восемьдесят семь дней

НАШЕ ТРОЙНОЕ С ПОЛОВИНОЙ СВИДАНИЕ началось довольно успешно. Я был в комнате Аляски — ради того, чтобы помочь мне завести девушку, она согласилась погладить мне зеленую рубашку. И вдруг объявился Джейк. У него оказались светлые волосы до плеч, темная щетина на щеках и маска плохого мальчика, имея которую очень легко заделаться моделью. В общем, Джейк был хорош собой, что и ожидалось от парня Аляски. Она прыгнула на него и обхватила ногами. *(Не дай бог кто-то будет запрыгивать так же на меня, подумал я. Я же упаду.)* Раньше Аляска говорила про поцелуи, но видеть я этого еще не видел: он обнял ее за талию, она подалась вперед, ее пухлые губки приоткрылись, голова слегка склонилась набок, и она с такой страстью впиалась в его рот, что я даже задумался, не следует ли мне отвернуться, но не смог этого сделать. Через довольно продолжительное время она отлепилась от него и представила меня Джейку:

— Это Толстячок.

Мы пожали друг другу руки.

— Она про тебя много говорит. — У него был легкий южный акцент, который я слышал только в «Макдоналдсе». — Надеюсь, твое свидание сегодня пройдет успешно, мне бы не хотелось, чтобы ты у меня Аляску увел.

— Боже, какой ты клевый, — не дала мне ответить Аляска, снова поцеловав Джейка. — Прости, — рассмеялась она. — Я его целую, целую, а мне все мало.

Я надел идеально выглаженную зеленую рубашку, мы встретились с Полковником, Сарой, Ларой и Такуми и пошли в спортзал — смотреть на борьбу Калвер-Крикских Никаких с Академией Хардсена, частным пансионом из Маунтин Брука, пригорода Бирмингема, где жили самые богатые богачи. Полковник пылал ненавистью к Хардсену с силой тысячи солнц.

— Сильнее, чем богачей, — говорил он мне, — я ненавижу только идиотов. А в Хардсене учатся только дети богачей, у которых не хватает мозгов на то, чтобы поступить в Крик.

Поскольку по плану у нас все же было свидание, я решил, что надо сесть рядом с Ларой, но, когда я пробирался к ней мимо Аляски, она бросила на меня многозначительный взгляд и похлопала по свободному

месту рядом с собой.

— Я вроде как с Ларой, мне нельзя сесть с ней? — удивился я.

— Толстячок, один из нас с самого рождения девушка. А у кого-то с ними еще вообще ничего особого не было. Я бы на твоём месте села, сделала бы лицо посимпатичней и была бы самой собой — милым и отчужденным.

— Ладно. Как скажешь.

— Вот и я так же делаю — все, чтобы порадовать Аляску, — сказал Джейк.

— О-о-о... — протянула она, — как мило. Толстячок, я тебе уже говорила, что Джейк и его группа собираются записать альбом? Они хороши. Как если «Радиоход» скрестить с «Флейминг Липс». Ты в курсе, что это я им название придумала? «Зона Хикмана». — А потом, хоть она и понимала, что прозвучит это глупо, Аляска добавила: — Я тебе говорила, что Джейк у меня настоящий жеребец? Он такой прекрасный и чувственный любовник!

— Господи боже. — Джейк улыбнулся. — Не при детях.

Мне, конечно, хотелось его возненавидеть, но я смотрел на них, как они улыбаются, ласкают друг друга, и не мог ненавидеть. Я бы точно хотел оказаться на *его месте*, но я старался не забывать, что я вроде как на свидании с другой девчонкой.

Звездой команды Харсдена был Голиаф ростом метр восемьдесят пять по имени Тревис Истман, которого все — думаю, даже его собственная мать — звали Чудовищем. Когда он впервые пошел выполнять штрафной, Полковник не смог сдержать язвительного замечания:

— Ты всем папаше обязан, тупой жлоб.

Чудовище повернулось, свирепо сверкнув глазами, и Полковника чуть тут же не выгнали, но он мило улыбнулся судье и извинился.

— Я хочу продержаться больше половины, — пояснил он мне.

В начале второго тайма, когда разрыв в счете был минимальным (всего двадцать четыре очка) и Чудовище опять стояло в штрафной зоне, Полковник повернулся к Такуми и сказал:

— Пора.

Они встали, а по трибунам пронеслось:

— Тсссс...

— Не знаю, подходящее ли сейчас время для таких новостей, — закричал Полковник Чудовищу, — но Такуми перед матчем твою девчонку отымел.

Все заржали, кроме Чудовища, тот отвернулся от штрафной и

спокойно направился в нашу сторону — с мячом в руках.

— По-моему, пора бежать, — сказал Такуми.

— Не, меня же еще не выгоняют, — возразил Полковник.

— Тогда увидимся, — ответил Такуми.

Я не знаю, то ли я в целом переволновался из-за того, что у меня свидание (хотя меня от моей предполагаемой девушки отделяли пять человек), то ли конкретно из-за того, что Чудовище смотрело в мою сторону, но я по какой-то причине сорвался с места вместе с Такуми. Когда мы завернули за трибуны, я уже подумал, что мы вне опасности, но тут вдруг краем глаза я заметил какой-то цилиндрический оранжевый предмет, который становился все больше и больше, как солнце, которое приближается к тебе с дикой скоростью.

Я подумал: *Кажется, сейчас оно меня ударит.*

Я подумал: *Надо присесть.*

Но между подуманной мыслью и сделанным делом проходит время, и в это самое время меня долбануло мечом по скуле. Я упал, ударившись затылком о пол. Я немедленно поднялся и вышел из зала, как будто и не падал.

С пола меня подняла гордость, но, как только я вышел за дверь, я снова сел.

— У меня сотрясение, — объявил я, нисколько не сомневаясь в собственном диагнозе.

— Все с тобой в порядке, — сказал подлтевший ко мне Такуми. — Бежим, пока нас не убили.

— Извини, — сказал я, — но я не могу встать. Я только что получил сотрясение средней тяжести.

Выбежала Лара и села возле меня:

— Ты в порядке?

— У меня сотрясение, — ответил я.

Такуми тоже сел и посмотрел мне в глаза:

— Ты помнишь, что с тобой произошло?

— На меня напало Чудовище.

— Знаешь, где ты?

— На тройном с половиной свидании.

— Все с тобой в порядке, — констатировал он. — Идем.

Тут я подался вперед и сблевал Ларе на штаны. Я не знаю, почему я не наклонился в сторону или назад. Я подался вперед и нацелился на ее джинсы — красивые, прекрасно обтягивающие задницу джинсы, именно такие надевают девчонки, когда хотят хорошо выглядеть, производя при

этом впечатление, будто они вовсе не старались хорошо выглядеть, — и я их заблевал.

Там было в основном арахисовое масло, но еще и кукуруза.

— Ой! — воскликнула она удивленно и в некотором ужасе.

— Боже, — сказал я, — прости меня.

— Может быть, у тебя сотрясение, — заметил Такуми, словно ранее эта идея не выдвигалась.

— Я испытываю головокружение и тошноту, что свойственно людям, получившим сотрясение мозга средней тяжести, — продекламировал я.

Такуми пошел за Орлом, Лара — переодеваться, а я остался лежать на бетонном тротуаре. Орел привел школьную медсестру, которая диагностировала, представьте себе, сотрясение, и Такуми повез меня в больницу, и Лара поехала с нами на переднем сиденье. Я, кажется, валялся сзади и бормотал без умолку Наиболее. Распространенные. Симптомы. Сотрясения. Мозга.

Так что мое свидание с Ларой и Такуми далее проходило в больнице. Доктор велел мне возвращаться домой и побольше спать, но чтобы кто-нибудь обязательно будил меня приблизительно каждые четыре часа.

Я смутно припоминаю, что Лара стояла в дверном проеме, в комнате было темно, снаружи тоже темно, все так приятно и удобно, но слегка кружилось, пульсировало, как от тяжелых басов, врубленных на полную. И еще я смутно припоминаю, как Лара улыбается, стоя в дверях, — заманчивая неопределенность девичьей улыбки, которая вроде как обещает дать тебе ответ на твой вопрос, но все же не дает. На *тот самый* вопрос, которым мы все задаемся с тех времен, как девчонки перестали казаться нам ужасными созданиями, вопрос настолько простой, что он не может не быть сложным: я ей нравлюсь или *нравлюсь*? А потом я заснул глубоко и беспробудно, и проспал до трех утра — меня разбудил Полковник.

— Она меня кинула, — сообщил он.

— А у меня сотрясение, — ответил я.

— Мне сказали. Потому и разбудил. Поиграем в приставку?

— Хорошо. Только без звука. Башка болит.

— О'кей. Я слышал, ты на Лару блеванул. Очень галантно.

— Кинула? — переспросил я, поднимаясь.

— Ага. Сара сказала Джейку, что у меня стоит на Аляску. Именно такими словами. И именно в таком порядке. Ну а я такой: «Прямо сейчас у меня *ни на что* не стоит. Можешь проверить, если хочешь». Сара, видимо, решила, что я как-то разошелся, и говорит, что она на сто процентов знает, что я мутил с Аляской. Что, в общем-то, смешно. Я. Не. Изменяю.

Игра наконец загрузилась, и я слушал вполуха, нарезая круги по безлюдному треку. От езды по кругу слегка подташнивало, но я не сдавался.

— Аляска взбесилась. — Полковник принялся изображать Аляску, но у него голос получился более визгливый, аж голова разболелась, с самой Аляской так не происходило. — «Женщина ни в коем случае не должна клеветать на другую женщину! Ты нарушила священную женскую договоренность! Если женщины будут друг другу ножи в спину втыкать, как это поможет нам низвергнуть гнет патриархата?» И так далее в том же духе. Потом Джейк принялся ее защищать, уверяя, что она его любит и не стала бы ему изменять, ну и я такой тоже: «Ты из-за Сары не переживай, она просто любит наезжать». А Сара спрашивает, почему я никогда не встаю на ее сторону, ну и я как-то слово за слово назвал ее звезданутой стервой, что она восприняла не особо хорошо. Потом официантка попросила нас покинуть заведение, ну и вот, мы выходим на стоянку, а она говорит: «С меня хватит», я уставился на нее, а она добавила: «Конец нашим отношениям».

Тут он замолчал.

— Конец нашим отношениям? — переспросил я. Я как-то так загрузился, что решил просто повторять последнюю фразу Полковника, чтобы он мог говорить дальше.

— Ага. Так что все. И знаешь, что фигово, Толстячок? Она мне реально небезразлична. Ну, то есть у нас все было плохо. Мы друг другу не подходили. Но все же... Блин, я же говорил ей, что люблю ее. Я с ней девственность потерял.

— Ты с ней девственность потерял?

— Да. Ага. Я тебе не говорил, что ли? Я, кроме нее, ни с кем не спал. Не знаю. Хотя мы и ругались по времени процента девяноста четыре, я все равно очень расстроен.

— Очень расстроен?

— Ну, больше, чем я мог себе представить. То есть я осознавал, что это неизбежно. У нас за весь этот год ни одного момента хорошего не было. С тех пор как я приехал, мы, блин, грызлись как кошка с собакой. Я должен был быть помягче. Не знаю. Грустно это.

— Грустно, — повторил я.

— Глупо, конечно, скучать по человеку, с которым ты ни фига не ладишь. Но не знаю... все же хорошо, когда у тебя есть кто-то, с кем в любой момент можно поругаться.

— Поругаться, — сказал я, а потом смутился настолько, что чуть не

потерял управление машиной, и добавил: — Хорошо.

— Ага. Что теперь делать, и не знаю. Ну, то есть мне было хорошо, когда у меня была она. Толстячок, я ненормальный. Что мне делать?

— Можешь со мной ругаться, — предложил я, потом отложил пульт, откинулся на спинку нашего обшарпанного дивана и отрубился. Прежде чем я отключился, до меня долетели его слова:

— На тебя я даже злиться не могу, ты безвредный костлявый подонок.

за восемьдесят четыре дня

ЧЕРЕЗ ТРИ ДНЯ, в понедельник, начался дождь. Голова все еще болела, и громадная шишка над левым виском походила, по словам Полковника, на топографическую карту Македонии в миниатюре, а я-то раньше и не знал, что такое место вообще существует, тем более страна. Когда мы с Полковником шли по жухлой и почти уже мертвой траве, я сказал: «Наверное, дождь нам не повредит», а он посмотрел на стремительно набегающие низкие тучи и ответил: «Повредит или нет, но точно пойдет, блин».

И он, блин, пошел. На середине урока по французскому мадам О'Мэлли спрягала глагол «верить» в сослагательном наклонении. *Que je croie. Que tu croies. Qu'il ou qu'elle croie.* Она повторяла эти слова снова и снова, и мне уже стало казаться, что это не глаголы, а какая-то буддистская мантра. *Que je croie; que tu croies, qu'il ou qu'elle croie.* Как забавно повторять снова и снова: *я бы поверил, ты бы поверил, он бы поверил или она бы поверила. Во что бы поверил?* — подумал я, и как раз в этот момент хлынул дождь.

Обрушился на землю неистовым ливнем, словно Господь прогневался и захотел нас всех затопить. И лило день за днем, ночь за ночью. Так лило, что я не видел соседних общаг, а озеро набухло настолько, что добралось уже до качелей, поглотив половину нашего искусственного пляжа. На третий день я забросил зонт и стал ходить вечно мокрым. По-моему, даже в столовке вся еда пропиталась кислотной дождевой водой, всюду воняло плесенью, а душ стал вызывать еще больше смеха — на улице напор был лучше, чем в кране.

Дождь всех нас превратил в отшельников. Полковник сидел либо в классе, либо на диване в нашей комнате, читал альманах и играл в приставку, а я не понимал, хочет ли он поговорить или, наоборот, тихо сидеть на истертом диванчике, посасывая свою «амброзию».

После катастрофы, то есть нашего «свидания», мне казалось, что с Ларой мне лучше не общаться ни при каких обстоятельствах, а то опять, не дай бог, сотрясение случится и/или блевать потянет, хотя мы с ней на следующий день после этого встретились на математике и она сказала, что «ничего страшного».

А Аляску я видел только на уроках и поговорить с ней не мог, потому что она всегда опаздывала и улетала сразу по звонку — я даже не успевал

колпачок на ручку надеть и тетрадь закрыть. В пятый дождливый вечер я пошел в столовую с твердым намерением вернуться к себе в комнату и поужинать разогретым жаритом, если там нет Аляски и/или Такуми (про Полковника я точно знал, что он уже в сорок третьей и не будет ничего, кроме своей водки с молоком). Но я остался в столовой, потому что увидел Аляску — она сидела одна, спиной к окну, по которому стекал дождь. Я накидал себе полную тарелку жареной окры и сел рядом с ней.

— Бог мой, по-моему, он никогда не кончится, — сказал я, имея в виду дождь.

— Точно, — ответила она.

Ее мокрые волосы закрывали лицо. Я чуть-чуть поел. Она тоже поела.

— Как ты? — наконец спросил я.

— Мне сейчас не хочется отвечать на вопросы, которые начинаются со слов «как», «когда», «где», «почему» или «что».

— Что случилось? — не понял я.

— Это *что*. В «*что*» я сейчас не играю. Ладно, я пойду. — Она поджала губы и медленно выдохнула, Полковник так же дым выпускал.

— Что... — Я осекся и переформулировал вопрос: — Я накосячил?

Она собрала посуду на поднос, встала и только потом ответила:

— Нет, конечно, милый.

Это «милый» у нее получилось скорее снисходительно, чем романтично, словно она думала, что мальчишка, впервые в своей жизни претерпевающий библейский ливень, ни за что не сможет понять ее проблем, в чем бы там они ни заключались. Мне пришлось очень постараться, чтобы не фыркнуть, хотя Аляска все равно бы ничего не заметила, потому что она уже выходила из столовой, а мокрые волосы все так же закрывали ее лицо.

за семьдесят шесть дней

— МНЕ ЛУЧШЕ, — сообщил Полковник на девятый день ливня, сев рядом со мной на уроке религиоведения. — У меня было прозрение. Помнишь тот день, когда она пришла к нам в комнату и выступала как последняя и полная стерва?

— Да. Опера. Галстук с фламинго.

— Именно.

— И что? — не понял я.

Полковник вытащил блокнот на спирали, верхняя половина которого промокла насквозь, и, медленно разлепляя страницы, принялся листать его, пока не нашел нужное место.

— Это и было прозрение. Она — последняя и полная стерва.

Приковылял Хайд, тяжело опираясь на черную трость. Волоча ноги к своему креслу, он сухо заметил:

— Мое капризное колено предупреждает, что может пойти дождь. Так что приготовьтесь.

Он остановился перед креслом, осторожно откинулся назад, схватился за подлокотники обеими руками, рухнул на него и запыхтел, как роженица во время схваток.

— Сегодня я дам вам тему для курсовой на этот семестр, хотя срок сдачи больше двух месяцев. Я уверен, что вы все достаточно часто и внимательно перечитываете мои лекции и они уже довольно хорошо отложились у вас в памяти. — Он ухмыльнулся. — Я напому: от курсовой наполовину зависит ваша оценка. Так что призываю вас подойти к делу со всей серьезностью. А теперь вернемся к этому парню, Иисусу.

В тот день Хайд рассказывал о Евангелии от Марка, которое я впервые прочел лишь накануне, хоть я и христианин. Вроде бы. Я был в церкви, ну, раза четыре. Больше, чем в мечети или синагоге.

Хайд сказал, что в первом веке, приблизительно в те годы, когда жил Иисус, в Риме чеканились монеты с изображением императора Августа и подписью «*Filius Dei*» — Сын Божий.

— Речь идет, — рассказывал он, — о тех временах, когда у богов были сыновья. Родиться сыном божьим считалось не такой уж и редкостью. Удивительным явлением — по крайней мере, в то время и в тех местах — был Иисус. Простой крестьянин, еврей, ноль в империи, которой правили исключительно единицы, оказался сыном *того самого* Бога, всемогущего

Господа Авраама и Моисея. Сын Божий, который не родился императором. Даже раввином он не был. Крестьянин и еврей. Ничего не значащий человек, как и вы. Будда выделялся тем, что он отрекся от своего богатства и благородного происхождения в поисках просветления. А Иисус — тем, что у него не было ни богатства, ни имени, но он считается благородным в высшей степени, чтится как Царь царей. Урок окончен. Возьмите распечатку с темой курсовой. И не промокайте.

Только когда я собрался выходить, я заметил, что Аляски не было — как она может пропускать единственный стоящий предмет? Я взял распечатку и для нее.

«В чем заключается основной вопрос, на который должен дать себе ответ человек? Разумно подойдите к выбору вопроса, а потом проанализируйте, как именно ислам, буддизм и христианство пытаются на него ответить».

— Я надеюсь, старикан доживет до конца года, — сказал Полковник, когда мы мчали домой под дождем, — мне его рассказы начали нравиться. У тебя какой главный вопрос?

Мы бежали всего полминуты, а я уже совсем выдохся.

— Что будет... когда... мы умрем?

— Бог мой, Толстячок, если ты сейчас же не остановишься, ты это узнаешь. — Он перешел на шаг. — А у меня такой вопрос: почему хорошим людям живется так погано? Черт, это что, Аляска?

Она неслась к нам на всех парах, что-то крича, но из-за проливного дождя я ничего не мог разобрать. Пока она не подбежала так близко, что мне стало видно, как у нее изо рта брызжет слюна.

— Эти уроды затопили мою комнату. Около сотни книг испортили! Сраные убогие выходники, блин. Полковник, они в водосточной трубе дыру проделали, вставили в нее пластиковую трубку, а ее — мне в окно! Там все к чертям мокрое. «Генерал в своем лабиринте» *погиб*.

— Прекрасно, — сказал Полковник, словно художник, восхищающийся работой другого мастера.

— Да что ты! — возмутилась Аляска.

— Прости. Не волнуйся, дружище, — сказал он. — Господь накажет негодяев. А пока у него руки не дошли, накажем мы.

за шестьдесят семь дней

ДА, ЗНАЧИТ, ВОТ КАК ЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ НОЙ. Однажды утром ты просыпаешься и понимаешь, что Господь тебя простил, и ходишь весь день щуришься, потому что совсем забыл, какое солнце, а оно теплое и похоже на папин поцелуй в щеку, а весь мир кажется ярче и чище, чем раньше, как будто всю Центральную Алабаму сунули в стиралку и засыпали в нее экстрамощный порошок с усилителем цвета, отчего теперь трава стала зеленее, а жарито хрустят приятней.

Я в тот день далеко от учебного здания не отходил, валялся на пузе на только что высохшей траве и готовился к американской истории — читал о Гражданской войне или, как ее тут называют, Войне между Севером и Югом. Мне эта война подарила много достойных предсмертных высказываний. Например, возьмем генерала Альберта Сидни Джонсона, который сказал, когда его спросили, ранен ли он: «Да, и я боюсь, серьезно». Или Роберта Ли, который, умирая через много лет после окончания самой войны, в бреду воскликнул: «Атакуем шатер!»

Я размышлял о том, почему у генералов армии конфедератов последние слова были интереснее, чем у генералов Союза (например, последнее слово Улисса Гранта: «Воды!» — ну, разве это дело?), и вдруг заметил, что кто-то закрыл солнце. Я теней вообще давно не видел, так что немало переполошился.

— Принес тебе перекусить, — сказал Такуми, бросая мне прямо на учебник овсяное печенье с кремовой прослойкой.

— Очень питательно. — Я улыбнулся.

— Тут тебе и овес. И печенье. И крем. Прямо пищевая пирамида, черт ее дери.

— О да, блин.

И больше я не знал, что сказать. Такуми разбирался в хип-хопе, а я знал предсмертные слова целой кучи народу и хорошо играл в приставку. Наконец я придумал:

— Поверить не могу, что они отважились Аляскину комнату затопить.

— Да уж, — ответил Такуми, не глядя на меня. — Но у них были на то свои причины. Пойми, у Аляски репутация большой приколистки, даже среди выходников. Ну, вот, например, в прошлом году мы затащили в библиотеку «фольксваген-жук». Так что, раз уж у них есть стимулы попытаться ее сделать, они будут пытаться. А провести ей в комнату трубку

с дождевой водой — это довольно изобретательно. Ну, то есть я стараюсь не восхищаться, но...

Я рассмеялся:

— Да уж. Такое переплюнуть будет непросто. — Я развернул печенье и откусил. М-м-м... сотни вкуснейших калорий в одном кусочке.

— Она что-нибудь придумает, — ответил Такуми. — Толстячок, — добавил он. — Хм... Толстячок, тебе надо покурить. Пойдем пройдемся.

Я как-то занервничал — я всегда нервничаю, когда кто-то называет меня по имени два раза подряд и вставляет между ними «хм». Но я все равно поднялся, оставив книги на земле, и мы пошли в сторону Нору-курильни. Но когда мы вышли из лесу, Такуми свернул с грунтовки.

— Не уверен, будем ли мы в Норе в безопасности, — сказал он.

Не уверен? — подумал я. *Это же самое безопасное убежище для курильщиков на всем свете.* Но я молча пошел за ним, продираясь сквозь густой подлесок, петляя между сосен и колючих кустов угрожающего вида, которые доходили мне до уровня груди. Через какое-то время Такуми уселся в не приметном месте. Я прикрыл скругленной ладонью пламя зажигалки от ветерка и закурил.

— Аляска на Марью донесла, — сообщил он. — Так что и про Нору-курильню Орел тоже может быть в курсе. Фиг знает. Я его в окрестностях ни разу не видел, но кому известно, что она ему рассказала.

— Что, откуда ты знаешь? — с недоверием спросил я.

— Ну, во-первых, догадался. А во-вторых, Аляска сама призналась. Она мне хотя бы часть правды рассказала — о том, что в самом конце прошлого учебного года она хотела сбежать ночью из кампуса после отбоя и навестить Джейка. А ее поймали. Она сказала, что была крайне осторожна — даже фары не включала, — но Орел все равно ее застукал, к тому же у нее в машине оказалась бутылка вина — короче, полная жопа. Орел привел ее к себе домой и сделал ей предложение, которое делает всем, кто совершает какое-то смертное преступление: «Либо рассказывай все, что знаешь, либо иди пакуй чемоданы». Аляска раскололась, так Орел узнал, что прямо в тот момент Марья с Полом валяются в ее комнате пьяные. И бог знает что еще. Орел ее отпустил, потому что ему стукачи нужны. Она довольно умно поступила, выдав подружку, ведь обвинить в этом именно ее никому и в голову не придет. Даже Полковник на все сто уверен, что это сделал Кевин со своими друзьями. Я бы сам не поверил, что это Аляска, пока до меня не дошло, что, кроме нее, в кампусе никто не знал, что делает Марья. Я подозревал еще соседа Пола, Лонгвелла, — это один из тех, кто тебя в безрукую русалочку превратил. Но оказалось, что он

в тот вечер был дома. У него тетя умерла. Я даже некролог в газете нашел. Холлис Бернис Чейз — не повезло тетке с именем.

— Так Полковник не знает? — ошеломленно спросил я. Я затушил сигарету, даже не докурив, потому что мне совсем не по себе стало. Никогда бы не заподозрил Аляску в измене. Ну да, у нее настроение скачет. Но не стукачка же она.

— Нет, ему ни в коем случае нельзя об этом говорить, иначе он взбесится и добьется, чтобы ее исключили. Полковник к вопросам верности и чести офицетов как серьезно относится, если ты не заметил.

— Заметил.

Такуми покачал головой, разгребая листья. Он докопался до еще мокрой земли.

— Я только не понимаю, почему она так боится, что ее выпрут. Ну, я бы тоже этого совсем не хотел, но надо же платить по счетам. Не ясно мне.

— Ну, дома ей, очевидно, не нравится.

— Это верно. Она ездит туда только на Рождество и летом, когда Джейк тоже на каникулах. Но не важно. Мне дома тоже не нравится. Но я бы Орлу такого подарка не сделал ни за что. — Такуми подобрал палочку и взрыл ею мягкую рыжеватую землю. — Слушай, Толстячок. Я не знаю, что в итоге Аляска с Полковником придумают в отместку, но не сомневаюсь, что наша с тобой помощь потребуется. Я тебе все это сообщаю, чтобы ты знал, во что впутываешься и к чему готовиться, если тебя поймают.

Я вспомнил Флориду, своих «школьных друзей» — и впервые понял, что буду тосковать по Крику, если мне вдруг придется отсюда уехать. Я уставился на палочку, торчавшую из грязи, и сказал:

— Богом клянусь, я стучать не буду.

До меня наконец дошел и смысл того происшествия в суде: Аляска хотела показать нам, что мы можем ей доверять. Чтобы выжить в Калвер-Крике, надо быть верным другом. Она этим правилом пренебрегла. Но потом она преподавала урок мне. Они с Полковником прикрыли меня, чтобы я не ошибся, когда придет мой черед делать то же самое.

за пятьдесят восемь дней

ГДЕ-ТО ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ я проснулся в 06:30 утра — в 06:30 в субботу — под нежную мелодию из «Обезглавливания»: грохот автоматных очередей заглушал наполненную басами музыку, звучащую на фоне игры. Я перевернулся и увидел, как Аляска дернула контроллер вправо и вверх, словно это могло помочь ей избежать верной смерти. У меня такая же дурная привычка была.

— Ты хотя бы звук выключи.

— Толстячок, — сказала она с деланой снисходительностью, — звук — это неотъемлемая часть художественного опыта, испытываемого игроком. Играть в «Обезглавливание» в тишине — это все равно что «Джейн Эйр» через слово читать. Полковник с полчаса назад проснулся. Он был малость недоволен, так что я послала его спать в свою комнату.

— Может, мне стоит пойти туда же. — В голове у меня стоял туман.

Вместо того чтобы ответить на мой вопрос, она сообщила:

— Насколько я знаю, Такуми тебе рассказал. Да, это я выдала Марью, и я сожалею, и больше не буду. Переходим к другим новостям: ты на День благодарения остаешься? А то я — да.

Я отвернулся к стене и накрыл голову стеганым одеялом. Я не знал, стоит ли доверять Аляске, но ее непредсказуемости с меня точно хватит — вчера она была холодна, сегодня мила, то она флиртует так, что не устоишь, то нахамит так, что хоть стой, хоть падай. Полковник мне нравился больше: у него поганое настроение бывало хотя бы не *просто так*.

В подтверждение великой силы усталости я снова быстро заснул, мне это удалось, потому что я решил думать, что предсмертные вопли чудовищ и Аляскин радостный писк по этому поводу — это лишь саундтрек, призванный навеять приятные сновидения. Я проснулся через полчаса; она сидела рядом, прижавшись задом к моему бедру. *Ее белье, ее джинсы, одеяло, мои вельветовые штаны, мои трусы — вот, что нас разделяет*, думал я. Целых пять слоев, но я все же чувствовал его, нервное тепло соприкосновения, — это было лишь бледное отражение фейерверка поцелуя рот в рот, но все же отражение. Погрузившись в это «почти» настоящего момента, я понимал, что мне не совсем все равно. Я не мог понять, нравится ли она мне, сомневался, могу ли ей доверять, но все же эти вопросы не оставляли меня равнодушным, и я хотел узнать на них ответ. А Аляска сидела на моей кровати, глядя на меня широко

распахнутыми зелеными глазами. Вечная загадка ее хитрой улыбки, почти даже ухмылки.

Она продолжила, словно я и не засыпал:

— Джейку надо заниматься. И он не хочет, чтобы я приезжала в Нэшвилл. Говорит, что, когда он на меня смотрит, о музыковедении вообще думать не может. Я пообещала носить паранджу, но его это не устроило, так что я остаюсь.

— Сочувствую, — сказал я.

— Да не переживай. У меня куча дел. Надо месть продумать. Но я считаю, что ты тоже должен остаться. Я составила список.

— Список?

Аляска вытащила из кармана сложенный во много раз тетрадный листок и начала читать:

— *«Почему Толстячок должен остаться в Крике на День благодарения: список причин, составленный Аляской Янг».* Первое. Будучи очень сознательным учеником, Толстячок оказался лишен многих радостей Калвер-Крика, включающих следующие пункты, но не исчерпывающихся ими: А. распитие вина со мной в лесу, Б. ранний подъем в субботу и завтрак в «несъедобнальдсе», а потом поездка по всей бирмингемской округе, в ходе которой полагается курить и рассуждать о том, как до жути скучна эта самая бирмингемская округа, и В. ночные прогулки и чтение Курта Воннегута лежа на покрытом росой футбольном поле при лунном свете. Второе. Несмотря на то что такие сложные задачи, как преподавание французского, даются ей без особого успеха, мадам О’Мэлли отлично набивает индейку и приглашает всех, кто не разъехался, отмечать День благодарения к себе. Обычно остаюсь только я и кореец, который учится тут по обмену, но все равно Толстячку тоже будут очень рады. Третье. Вообще-то, третьего у меня нет, но первые два были чудо как хороши.

Мне, конечно, первые два понравились, но еще больше меня прельщала перспектива остаться с ней в кампусе вдвоем.

— Я поговорю с родителями. Когда они выпьются, — пообещал я.

Аляска выманила меня на диван, и мы вместе принялись играть в «Обезглавливание», пока она вдруг не бросила контроллер.

— Это не флирт. Я просто устала, — сообщила Аляска, скидывая шлепки.

Она задрала ноги на диван, засунув их под диванную подушку, а потом согнулась, положив голову мне на колени. Мои вельветовые штаны. Мои трусы. Два слоя. Я чувствовал ее теплую щеку на своем бедре.

Иногда эрекция, когда чье-то лицо оказывается вблизи твоего пениса,

уместна и даже желательна.

Но это был не тот случай.

Поэтому я перестал думать о слоях одежды и ее тепле, отключил звук и сконцентрировался на «Обезглавливании».

В 08:30 я осторожно поднялся, а Аляска, не просыпаясь, повернулась на спину. У нее на щеке отпечатались полосы от моих штанов.

Я, как правило, звонил родителям только по воскресеньям после обеда, так что, услышав мой голос, мама сразу же перепугалась:

— Майлз, что случилось? У тебя все в порядке?

— Все отлично, мам. Я думаю, если ты не против... то я думаю, что, может быть, останусь тут на День благодарения. Куча друзей остается (вранье), и мне надо много заниматься (двойное вранье). Мам, я даже не предполагал, что учиться будет так сложно (правда).

— Дорогой. Мы так по тебе соскучились. К тому же тебя ждет огромная индейка. И клюквенного соуса сколько захочешь.

Я клюквенный соус ненавидел, но моя мама всю жизнь непоколебимо верила, что именно его я люблю больше всего на свете, даже несмотря на то, что каждый День благодарения я вежливо просил не класть мне его на тарелку.

— Знаю, мам. Я по вас тоже очень скучаю. Но я не хочу получить плохие оценки (правда), и к тому же я так рад, что у меня появились эти... друзья (правда).

Я знал, что фишка с друзьями поможет мне выйти победителем в этой игре, и не ошибся. Мама одобрила мое решение остаться в кампусе после того, как я пообещал каждую минуту рождественских каникул провести с ними (как будто у меня имелись какие-то другие планы).

Все утро я просидел за компом, переключаясь туда-сюда между курсовыми по английскому и религиоведению. До экзаменов оставалось всего две учебные недели — следующая и неделя после Дня благодарения, — а лучшим субъективным ответом на мой вопрос «Что происходит с человеком после смерти?» было пока что: «Ну, что-то происходит. Может быть».

В полдень пришел Полковник с толстенным учебником по уберматематике в обнимку.

— Я только что Сару видел, — сообщил он.

— И как?

— Плохо. Она сказала, что все еще любит меня. Господи боже, эти «я тебя люблю» — это начало конца, сначала это, а потом расставание. Если

ты говоришь «я тебя люблю» в коридоре общаги, то потом будешь говорить то же самое и после разрыва. Короче, я просто сбежал.

Я рассмеялся. Полковник достал тетрадь и сел за стол:

— Ага. Ха-ха. Аляска мне сказала, что ты тут остаешься.

— Ну да. Хотя я немного чувствую себя виноватым за то, что родовых одних бросил на праздники.

— Ах да. Если ты решил никуда не ехать потому, что надеешься замутить с Аляской, то лучше не надо. Сейчас она крепко к Джейку привязана; если ты спустишь ее с поводка, нам всем не посчастливится. Это будет реально трагедия. А я, как правило, трагедий стараюсь избегать.

— Я остаюсь не потому, что на что-то надеюсь.

— Погоди-ка. — Полковник схватил карандаш, начав что-то поспешно строчить в тетради с таким видом, будто он только что совершил прорыв в области математики, и через некоторое время снова повернулся ко мне: — Я провел подсчеты и определил — ты брешь.

И он был прав. Как я мог оставить родителей, моих дорогих маму с папой, которые даже согласились оплачивать мое обучение в Калвер-Крике и которые всегда меня любили, только из-за того, что мне, возможно, нравится девчонка, у которой уже есть парень? Как я мог оставить их наедине с огромной индейкой и морем несъедобного клюквенного соуса? В общем, на третьей перемене я позвонил маме на работу. Думаю, я хотел еще раз услышать, что они одобряют мое решение остаться в Крике на День благодарения, и уж чего я совершенно не ждал, так это ее восторженного заявления, что сразу после разговора со мной они с папой купили билеты до Англии и планируют отметить День благодарения в каком-то дворце — якобы у них будет второй медовый месяц.

— Ого, это... это круто, — сказал я и быстро повесил трубку, потому что не хотел, чтобы она поняла, что я расплакался.

Аляска, наверно, услышала, как я шарахнул по телефону, — когда я отвернулся, она выглянула из комнаты, но ничего не сказала. Я также молча пересек участок между общагами, потом футбольное поле, пошел через лес, избивая по ходу кусты, пока не дошел до речушки, спустившись под мост. Опустил задницу на камень, а ноги поставил в темный ил на дне русла и принялся бросать камешки в мелкую чистую воду. Они плюхались с гулким звуком, который я, впрочем, едва слышал из-за журчания спешащей на юг речки. Сквозь листья и сосновые иголки сочился свет, а земля рябела тенями.

Я думал о единственном в доме месте, по которому скучал: об

отцовском кабинете со встроенными полками от пола до потолка, забитыми толстенными биографиями, и о черном кожаном кресле, на котором было неудобно сидеть — ровно настолько, чтобы не засыпать во время чтения. Глупо было так расстраиваться из-за этого. Я их кинул, а казалось, что наоборот. Я явно тосковал по дому.

Бросив взгляд в сторону моста, я увидел, что в Норе-курильне на голубом стуле сидит Аляска, и, хотя я изначально думал, что мне хочется побыть одному, я с ней поздоровался. Она не обернулась, и я заорал:

— Аляска!

Она подошла ко мне.

— Я тебя искала, — сказала она, сев рядом на камень.

— Привет.

— Мне очень жаль, Толстячок, — сказала она, обнимая меня, и положила мне голову на плечо. Я подумал, что она даже не знает, что произошло, но все равно, это прозвучало так искренне.

— Что мне делать?

— Отпразднуешь День благодарения тут, со мной, дурачок.

— А ты почему домой не едешь? — поинтересовался я.

— Я привидений боюсь, Толстячок. А дома их полно.

за пятьдесят два дня

ПОСЛЕ ТОГО, КАК ВСЕ РАЗЪЕХАЛИСЬ; после того, как приехала Полковникова мама на помятом «хетчбэке» и он забросил на заднее сиденье свой огромный рюкзак; после того, как он сказал: «Я особо прощаться не люблю. Через неделю увидимся. Не делай ничего такого, чего я бы не сделал»; после того, как за Ларой приехал зеленый лимузин — ее папа был единственным врачом в каком-то маленьком городке на юге Алабамы; после того, как мы с Аляской с выносящим мозг ветерком и без тормозов домчали до аэропорта Такуми; после того, как в кампусе воцарилась жутковатая тишина, перестали хлопать двери, смолкла музыка, смех и крики... После всего этого мы пошли на футбольное поле, и Аляска повела меня к его краю, где начинается лес, точно так же, как меня вели купать в озере. Луна стояла полная, и Аляска отбрасывала тень, по которой было видно, как талия переходит в бедро, а через некоторое время она остановилась и сказала: «Копай».

Я переспрашиваю: «Копай?», и она подтверждает: «Копай», повторив это несколько раз. Я опустил на колени у края леса и принялся разрывать мягкую черную землю, вскоре наткнулся на стекло, стал окапывать вокруг и извлек бутылку розового вина — оно называлось «Земляничный холм», наверное потому, что могло бы быть на вкус как земляника, если б не было похоже на уксус с капелькой кленового сиропа.

— У меня есть поддельные документы, — рассказала Аляска, — но паршивые. Так что, когда я иду в винную лавку, я беру сразу десять бутылок такого и водки для Полковника. Когда купить наконец получается, я, считай, запаслась на семестр. Я отдаю Полковнику водку, а свое хороню в землю.

— Да ты пират.

— Йо-хо-хо, и бутылка рома. Так и есть. Хотя расход вина в этом семестре слегка увеличился, так что завтра придется ехать. Это последняя бутылка. — Она отвинтила крышку — пробки в такой бутылке предусмотрено не было, — отпила глоток и передала мне. — Насчет Орла сегодня не беспокойся. Он сидит и радуется, что почти все разъехались. Подрочить, наверное, первая возможность за месяц выдалась.

Я держал бутылку за горлышко — я все же волновался, но мне хотелось ей доверять, и я решил доверять. Я отпил небольшой глоток и, как только я его проглотил, сразу же ощутил, как мое тело отторгает этот

жгучий сироп. Он попытался подняться вверх по пищеводу, но я принялся усиленно глотать, и вот, да, я это сделал. Я пью в кампусе.

Мы валялись в высокой траве между лесом и футбольным полем, передавая друг другу бутылку и поднимая головы, чтобы сделать глоток этого вызывающего омерзение вина. Согласно обещаниям в списке, Аляска принесла роман Воннегута «Колыбель для кошки» и принялась читать мне вслух, ее тихий голос сливался с кваканьем лягушек и стрекотом кузнечиков, прыгавших вокруг нас. Я слушал не столько слова, сколько мелодию ее голоса. Я сразу понял, что она его раньше уже много раз читала, ее голос звучал уверенно, она не делала ошибок, я слышал, что она улыбается, и даже подумал, что, если бы мне всегда читала Аляска Янг, я бы больше любил романы. Через некоторое время она отложила книгу, я ощущал тепло — не опьянение. Между нами лежала бутылка, я касался ее, она касалась ее, но мы не касались друг друга. А потом она положила руку мне на ногу.

Аляска прижала свою ладонь к моим джинсам чуть выше колена, лениво и медленно выписывая круги указательным пальцем по моему бедру, между нами был всего лишь один слой одежды, и бог мой, как я ее хотел. Лежа в высокой неподвижной траве под пьяным от звезд небом, слушая ее едва пробивающееся за границу восприятия ритмичное дыхание и шумную тишину лягушек-быков, кузнечиков и бесконечно летящих по трассе автомобилей, я подумал, что, возможно, это подходящий момент для трех Заветных Слов. И, глядя на звездное небо, я вознамерился их сказать, я убедил себя, что она чувствует то же самое, что ее пальцы, так живо порхающие по моей ноге, больше чем игривы, и хрен с ней, с Ларой, хрен с ним, с Джейком, потому что да, Аляска Янг, да, я люблю тебя, и ничто другое не важно, и я уже открыл рот, но, как только я набрал воздуха, она сказала:

— Это и не жизнь, и не смерть. Лабиринт.

— Э-м... да. А что же?

— Страдания, — ответила Аляска. — Когда ты делаешь что-то плохое и когда что-то плохое происходит с тобой. Вот в чем проблема. Боливар говорил о боли, а не о жизни или умирании. Как выбраться из лабиринта страдания?

— В чем проблема? — спросил я. И почувствовал, что ее руки на моей ноге не стало.

— Нет проблемы. Но всегда есть страдание, Толстячок. Домашка, или малярня, или то, что твой парень живет очень далеко, а рядом лежит хорошенький мальчишка. Страдания испытывают все. И этот вопрос

беспокоит и буддистов, и христиан, и мусульман.

Я повернулся к ней:

— Да, может, доктор Хайд не такую уж и фигню несет.

Мы оба лежали на боку, она улыбнулась, мы почти касались друг друга носами, я смотрел на нее, не моргая, она покраснелась от вина, и я снова открыл рот, но на этот раз не для того, чтобы говорить, а она протянула руку, приложила палец к моим губам и сказала:

— Тсс... Тсс... Не порти.

за пятьдесят один день

СТУКА Я НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО не слышал, если он вообще был.

Я услышал лишь:

— ПОДЪЕМ! Ты знаешь, сколько времени?!

Посмотрев на часы, я проговорил заплетающимся языком:

— Семь тридцать шесть.

— Нет, Толстячок! Время отрываться! У нас есть всего семь дней, пока остальные не вернулись. Боже, у меня просто слов нет, как я рада, что ты остался. Год назад я все время потратила на изготовление громадной свечи из кучи мелких. Бог мой, как это было скучно. Я посчитала плитку на потолке. Шестьдесят семь по вертикали, восемьдесят четыре по горизонтали. Страдания! Да это была настоящая пытка.

— Я очень устал. Я... — начал я, но Аляска меня перебила:

— Бедный Толстячок. О бедный Толстячок. Хочешь, я залезу к тебе в кроватку и поваляемся вместе?

— Ну, если ты сама предлагаешь...

— НЕТ! ПОДНИМАЙСЯ! НЕМЕДЛЕННО!

Она отвела меня за крыло выходников, где располагались комнаты с пятидесятой до пятьдесят девятой, затем остановилась напротив одного окна, прижала к нему ладони и принялась толкать, пока оно не открылось наполовину, а потом забралась в комнату. Я последовал за ней.

— Толстячок, что ты видишь?

Я видел комнату общаги — такие же стены из шлакоблока, такие же габариты, даже планировка такая же, как и у нас. Диван у них оказался получше, и журнальный столик был настоящий, а не «ЖУРНАЛЬНЫЙ СТОЛИК». На стенах висели два постера. На одном изображалась огромная кипа стодолларовых банкнот с подписью: «Первый миллион — самый трудный». А на стене напротив висел красный «феррари».

— Гм... Комнату общаги.

— Толстячок, ты плохо смотришь. Войдя к вам, например, я вижу парочку любителей поиграть в приставку. Войдя к себе, вижу девчонку, которая обожает книжки. — Аляска подошла к дивану и взяла пластиковую бутылку из-под газировки. Она наполовину была заполнена мерзкой коричневатой жидкостью. Жевательный табак. — Они жуют. И очевидно, на гигиену плевать хотели. Они же, наверное, не расстроятся, если мы нассым им на зубные щетки? Им наверняка все равно будет. Скажи: что они

любят?

— Они любят деньги, — ответил я, указывая на постер.

Аляска возмущенно вскинула руки:

— Толстячок, все они любят деньги. Ладно, иди в ванную. Скажи, что там увидишь.

Эта игра меня слегка напрягала, но я все же пошел в ванную, а она села на диван, который только к этому и располагал. В душе я обнаружил с десяток банок шампуня и кондиционер. В шкафчике оказалась бутылочка какого-то «Ривайнда», я открыл — голубоватый гель пах цветами и спиртом, как в дорогой парикмахерской. (Под раковиной я нашел огромный тюбик вазелина, который мог использоваться только с одной-единственной целью, но об этом я думать не хотел.) Я вернулся в комнату и с возбуждением констатировал:

— Они любят свои прически.

— *Именно!* — воскликнула Аляска. — Посмотри на верхнюю полку! — На деревянном изголовье опасно балансировал гель для волос «Ста-Вет». — У Кевина эти лохмы на голове не потому, что он *не причесывается* по утрам. Он *специально* так укладывается. Он просто обожает свои прически. Оставили они свои пузырьки тут, потому что у них дома есть *еще*. У всех! И знаешь, почему они так делают?

— Ради компенсации, потому что у них члены слишком крошечные?

— Ха-ха-ха. Нет. По этой причине они просто уроды и шовинисты. А за волосами они так ухаживают потому, что ума не хватает полюбить что-нибудь более достойное. Так что мы ударим по их самому больному месту — по голове.

— Оооокееей, — сказал я, не совсем понимая, как именно мы сможем сделать что-то с их головами.

Аляска поднялась и направилась к окну, перегнулась через подоконник.

— На задницу не смотри, — велела она, так что я стал смотреть — она так круто расширялась от тонкой талии.

Аляска без труда сделала кувырок и вывалилась из полураскрытого окна. Я же полез ногами вперед и, только поставив их на землю, перенес через подоконник и корпус.

— Да уж, — прокомментировала она, — выглядело это несколько неуклюже. Пойдем в Нору-курильню.

По пути к мосту она ковыряла ногами красноватую землю, подкидывая ее в воздух, так что казалось, что Аляска даже не столько идет, сколько едет на лыжах по бездорожью. Когда мы шагали по полутропинке

от моста к Норе, Аляска вдруг повернулась.

— Интересно, пойдет ли им синий цвет? — спросила она, придерживая передо мной ветку.

за сорок девять дней

ЧЕРЕЗ ДВА ДНЯ, в понедельник, то есть в первый настоящий день каникул, утро я провел за своей работой по религиоведению, а после обеда пошел к Аляске. Она читала, лежа в постели.

— Оден, ^[8] — сразу начала она, — что он сказал перед смертью?

— Не знаю. Не слышал про такого.

— *Не слышал?* Бедный безграмотный мальчик. Вот, прочти эту строку. Я подошел и посмотрел на ее указательный палец.

— «И ты возлюбишь своего ущербного ближнего ущербным сердцем своим», — зачитал я вслух. — Да, довольно хорошо.

— Довольно хорошо? Конечно, жарито тоже довольно хорошие. Трахаться — довольно занятно. Солнце довольно горячее. Боже, в этих словах столько сказано о любви и сломленности — они безупречны.

— М-м-м... — Я энергично закивал.

— Ты безнадежен. Хочешь, пойдем порнушку поищем?

— Чего?

— Мы не можем возлюбить своих близких, пока не узнаем, насколько они ущербны. Ты разве не любишь порнуху? — с улыбкой поинтересовалась она.

— М-м... — ответил я. По правде говоря, я ее почти и не смотрел никогда, но идея заняться этим с Аляской меня определенно привлекала.

Мы начали с крыла пятидесятих комнат и шли по шестиугольнику в обратном направлении — Аляска открывала окна, а я стоял на стреме, следил, не идет ли кто.

До этого я почти ни у кого в комнате не бывал. Проучившись в Крике три месяца, я почти со всеми познакомился, но регулярно общался только с несколькими, то есть, по сути, с Полковником, Аляской и Такуми. Но за эти несколько часов я довольно хорошо узнал одноклассников.

У Уилсона Карбода, центрального Калвер-Крикских Никаких, был геморрой, по крайней мере, в нижнем ящике стола он прятал крем от этого дела. Чандра Кайлер, миловидная девочка, которая слегка чересчур любила математику и про которую Аляска думала, что она станет новой подружкой Полковника, собирала пупсов из серии «Детки из капусты». Нет, не когда ей было лет, скажем, пять, а сейчас: я нашел у нее десятки детишек, черных, белых, латиносов, азиатов, мальчиков и девочек, одетых крестьянами и процветающими бизнесменами. Одна из старшеклассниц-

выходниц, Холи Моузер, рисовала углем обнаженные портреты себя самой, изображая собственную пухлую фигуру в полный рост.

Меня сильно удивило, что почти у всех имелось бухло. Даже у выходников, которые ездили домой каждые выходные, в смывных бачках и корзинах для белья были заныканы пиво и выпивка покрепче.

— Боже мой, стучать можно было на кого угодно, — тихонько проговорила Аляска, вынимая из шкафа Лонгвелла Чейза литровую бутылку пива.

И я задумался: почему она тогда выбрала Марью с Полом?

Аляска очень быстро раскапывала секреты всех и каждого, и я заподозрил, что она делала это уже не в первый раз, но про Рут и Марго Блоукер она ничего знать не могла — близняшки тоже поступили только в этом году и адаптировались в коллективе еще хуже, чем я. Забравшись в их комнату, Аляска быстро осмотрелась и тут же пошла к книжной полке. Внимательно приглядевшись, она достала «Библию короля Якова»^[9] — в ней оказалась бутылочка багряного вина «May Bay».

— Умно, — прокомментировала Аляска, отвинчивая копачок. Осушив все в два больших глотка, она воскликнула: — Ух ты!

— Они догадаются, что ты тут лазила! — воскликнул я.

У нее глаза на лоб полезли.

— Черт, ты же прав, Толстячок! — ужаснулась Аляска. — Они наверняка расскажут Орлу, что кто-то выпил их винишко! — Рассмеявшись, она подошла к окну, перевалилась через подоконник и выбросила бутылочку в траву.

И да, под матрасами мы нашли кучу порножурналов. Выяснилось, что баскетбол и травка были не единственными интересами Хэнка Уолстена: еще ему нравились тетки с огромными сиськами. Но видео нам попало только в 32-й комнате, в которой жили ребята из Миссисипи, Джо и Маркус. Они ходили с нами на религиоведение и в столовой иногда садились вместе со мной и Полковником, но я их знал плохо.

Аляска прочитала подпись на кассете:

— «Сучки из графства Мэдисон». Не прекрасно ли?

Мы побежали к телику, задернули занавески, заперли дверь и сели смотреть. Началось все с того, что женщина стоит на мосту, расставив ноги, а перед ней на колени опустился мужчина и делает ей кунилингус. Полагаю, на разговор у них времени не было. Когда они перешли к этому самому, Аляска принялась возмущенно комментировать:

— У них все выглядит так, будто секс — это удовольствие не для женщины. Девчонка — просто объект для сношения. Посмотри! Посмотри

на это!

Я думаю, нет смысла говорить, что я и так смотрел. Женщина встала на четвереньки, а мужчина — на колени сзади. Она твердила: «Давай» — и стонала, ее пустые карие глаза не выражали никакого интереса к происходящему, но я все же мотал на ус: руки на плечи. *Двигайся быстро, но не слишком быстро, а то все слишком быстро кончится. Звуков старайся не издавать.*

Словно прочтя мои мысли, Аляска сказала:

— Бог мой, Толстячок. Никогда так не долби. *Больно* будет. Больше на пытку похоже. А она будет просто так стоять, и пусть он делает что хочет? Нет, это не *мужчина* и *женщина*, это просто пенис и влагалище. Что тут эротичного? Поцелуи где?

— Ну, в такой позе целоваться не очень удобно было бы, — отметил я.

— Вот об этом я и говорю. Они показаны просто как куски мяса. Он даже лица ее не видит! Вот так некоторые с женщинами поступают, Толстячок. А она ведь чья-то дочь. А вы вон что заставляете нас делать ради денег.

— Ну, я не заставляю, — попытался защититься я. — По факту-то. Не я же порнуху снимаю.

— Толстячок, посмотри мне в глаза и скажи, что это тебя не возбуждает.

Я не мог этого сделать. Аляска рассмеялась. И сказала, что все нормально. Что это здоровая реакция. Потом она поднялась, остановила кассету, легла поперек дивана на живот и что-то пробормотала.

— Что ты сказала? — переспросил я, подошел и положил руку ей на поясницу.

— Тсс... — ответила она. — Я сплю.

Вот так. То несется со скоростью сто пятьдесят километров в час, а потом засыпает через наносекунду. Мне так хотелось лечь рядом с ней, обнять ее и тоже заснуть. Не трахаться, как в этом фильме. Даже без секса. Просто спать вместе, в самом невинном смысле этих слов. Но у меня не хватало смелости, а у нее был парень, вдобавок я простофиля, она божественная, я безнадежный зануда, а она бесконечно обворожительна. Поэтому я вернулся к себе, думая о том, что если сравнивать людей с дождем, то я — мелкая морось, а она — ураган.

за сорок семь дней

В СРЕДУ УТРОМ я проснулся с заложенным носом и увидел Алабаму совсем другой — свежей и холодной. Когда я шел к Аляске, под ногами у меня похрустывала замерзшая трава. Во Флориде мороза почти не бывает, так что я принялся скакать по траве, как по пленке с пузырьками. А она трещала и трещала. Кайф.

Аляска держала перевернутую горящую зеленую свечу, капая воском на самодельный вулкан, немного похожий на сопку из специального набора для школьников.

— Не обожгись смотри, — предупредил я, увидев, что пламя подобралось совсем близко к ее коже.

— Ночь наступает быстро, день остается в прошлом, — не глядя на меня, ответила Аляска.

— Погоди, я это уже читал. Откуда эта цитата? — спросил я.

Аляска свободной рукой взяла книгу и бросила мне. Она упала к моим ногам.

— Из стиха, — ответила она. — Эдна Сент-Винсент Миллей. Знаешь? Я просто потрясена.

— А... я биографию ее читал! Но предсмертных слов там не было. Я малость разочаровался. Помню, что она трахалась много.

— Я знаю. Она — мой кумир, — сказала Аляска без какого-либо намека на иронию. Когда я засмеялся, она даже не заметила. — А тебе не кажется странным, что ты биографиями великих писателей интересуешься больше, чем их трудами?

— Нет! — воскликнул я. — Я не хочу слушать их бредни на ночь только из-за того, что они были интересными людьми.

— Дурак, все дело же в депрессии.

— А-а-а-а... да? Бог мой, тогда, конечно, это просто *гениально*, — ответил я.

Аляска вздохнула:

— Ладно. Даже если пойдет снег, зиму своей тревоги я провожу с человеком язвительным. Садись давай.

Я сел рядом скрестив ноги — мы касались друг друга коленками. Она достала из-под кровати коробку с десятком свечей. Посмотрев на них пару секунд, Аляска дала мне белую свечу и зажигалку.

И все утро мы жгли свечи, иногда прикуривая от них сигареты,

засунув конечно же полотенце под дверь. За два часа ее разноцветный вулкан-свеча вырос на тридцать сантиметров.

— Гора Святой Елены на кислоте, — объявила Аляска.

В 12:30, через два часа после того, как я начал ее умолять съездить в «Макдоналдс», Аляска решила, что пора пообедать. Когда мы вышли к студенческой стоянке, я заметил какую-то странную тачку. Маленькую и зелененькую. «Хетчбэк». Я ее уже где-то видел, подумал я. Где же? И тут из нее выскочил Полковник и бросился к нам.

Вместо того чтобы сказать «привет» или, я не знаю, что-нибудь там еще, он сообщил:

— Мне велели пригласить вас на ужин к Чизу Мартину.

Аляска наклонилась к моему уху, я рассмеялся и ответил:

— Мне велели принять твоё предложение. — Мы двинулись к дому Орла — сообщить ему, что едем вкушать индейку на стоянке для жилых автоприцепов, и умчались на «хетчбэке».

Полковник все нам объяснил за время двухчасовой поездки на юг. Мне пришлось жаться на заднем сиденье, потому что Аляска первая запрыгнула на переднее. Обычно машину водила она, но когда за рулем был кто-то другой, она соглашалась ездить только спереди, как королева. Когда мама Полковника узнала, что мы остались в кампусе, она заявила, что не может оставить нас в День благодарения одних, без семьи. Полковника эта перспектива, похоже, не порадовала.

— Мне придется ночевать в палатке, — сказал он, а я рассмеялся.

Только вот оказалось, что ему действительно пришлось спать в палатке. Красивой, четырехместной, зеленой, похожей на половинку яйца, но все же палатке. Мама Полковника жила в прицепе, какие часто цепляют к пикапам. Но этот был старым и еле держался. Стоял он не на колесах, а на шлакоблоках, его, наверное, и не прицепишь уже ни к чему — развалится. Он даже размерами приличными не отличался. Я едва не задевал головой потолок. Понятно стало, почему Полковник такой низенький — расти он себе просто позволить не мог. Весь интерьер состоял из всего лишь одной продолговатой комнаты, ближе к двери стояла полноразмерная кровать, дальше шла кухонька, а потом гостиная с телевизором и маленькая ванная, то есть настолько маленькая, что принять душ можно было, только сидя на унитазае.

— У нас тут просто, — сказала Полковникова мама («Я Долорес, не надо звать меня мисс Мартин»). — Но индейка у вас будет размером с

кухню. — Она расхохоталась.

Полковник сразу после короткой экскурсии выгнал нас на улицу, и мы пошли гулять по небольшому райончику — рядом прицепов и фургонов, стоящих прямо на земле.

— Ну, теперь вы понимаете, почему я богачей ненавижу.

Я понял. Я вообще представить не мог, как он рос в таком крохотном жилище. Весь его прицеп был меньше нашей с ним комнаты в общежитии. Но я не знал, что сказать, чтобы ему не было так неловко.

— Извините меня, если вам у меня совсем фигово, — сказал Полковник. — Я понимаю, вам такое, может, и незнакомо.

— Мне знакомо, — сказала вдруг Аляска.

— Ты же не в прицепе живешь, — ответил Полковник.

— Нищета везде нищета.

— Наверное, да, — согласился он.

Аляска решила пойти помочь Долорес с ужином. Она сказала, что заставлять женщин готовить — это сексизм, но лучше уж хорошая сексистская пицца, чем приготовленная пацанами гадость. Так что мы с Полковником сели на раздвижной диван в гостиной и принялись играть в приставку и болтать о школе.

— Я дописал курсовую по религиоведению. Но мне придется ее перепечатать на твоём компьютере, когда вернемся. Я, наверное, и к экзаменам готов, что хорошо, если учесть, что нам надо еще тавориналпс тсем.

— Твоя мама торобоан не понимает? — ухмыльнулся я.

— Если говорить побыстрее, то нет. И потише ты.

Ужин — жареная окра, кукурузные початки, приготовленные на пару, и тушеное мясо, настолько нежное, что оно сваливалось с пластиковых вилок, — убедил меня в том, что Долорес готовит даже лучше, чем Морин. В Калвер-Крике окроу не так щедро поливали жиром, она получалась более хрустящая. К тому же я такой прикольной мамы, как у Полковника, еще не встречал. Когда Аляска спросила, кем она работает, Долорес ответила:

— Я технолог-пищевик. То есть готовлю всякий фастфуд в Вафля-хаусе.

— Это лучший Вафля-хаус во всей Алабаме. — Полковник улыбнулся, а потом я понял, что мамы своей он совсем не стесняется. Он боялся, что это мы поведем себя как крутые, но снисходительные снобы из пансионата. Я всегда считал, что Полковник несколько перебирает с демонстрацией своего презрения к богачам, пока не увидел его с мамой. Это был тот же

самый Полковник, но в совершенно другом контексте. Я даже начал надеяться, что когда-нибудь познакомлюсь и с Аляскиными родственниками.

Долорес настояла на том, чтобы мы с Аляской спали вместе, а сама легла на раздвижном диване. Полковник, как и говорилось, в палатке. Я, конечно, беспокоился, что он там замерзнет, но отказываться спать с Аляской из-за этого не собирался. Нам с ней дали разные одеяла, и нас все время разделяло не менее трех слоев ткани, но я, окрыленный такой переменной, все равно не спал полночи.

за сорок шесть дней

НИКОГДА У МЕНЯ не было такого вкусного Дня благодарения. Без мерзкого клюквенного соуса. Просто сочное белое мясо огромными кусками, кукуруза, зеленый горошек, приготовленный на таком количестве сала, что по вкусу становилось ясно — еда не очень полезная, лепешки с соусом, на десерт тыквенный пирог и каждому — по стакану красного вина.

— По-моему, — сказала Долорес, — с индейкой пьют белое, но... не знаю, как вам, а мне, честно говоря, по фигу.

Мы смеялись и пили, а потом принялись воздавать благодарности. Дома мы всегда говорили спасибо друг другу перед едой, так что это делалось в спешке — чтобы поскорее накинуться на ужин. А тут мы вчетвером сидели за столом и воздавали хвалы. Я поблагодарил всех за прекрасное угощение и за прекрасную компанию, за то, что мне дали возможность отметить этот праздник дома.

— Ну, хотя бы в трейлере, — пошутила Долорес.

— Так, теперь моя очередь, — сказала Аляска. — Спасибо за лучший День благодарения за последние десять лет.

Потом настал черед Полковника:

— Мам, я просто хочу сказать тебе спасибо.

А Долорес расхохоталась и ответила:

— Что за ботва, сынок.

Я не особо понял, что значит это выражение, но, похоже, что-то в духе «маловато будет», потому что Полковник продолжил, поблагодарив ее в том числе за то, что он «самый умный человек на этой стоянке». Тогда Долорес рассмеялась и сказала:

— Вот это хорошо.

А сама Долорес? Она поблагодарила судьбу за то, что снова включили телефон, что ее мальчик дома, что Аляска помогла ей готовить, что я в это время развлек Полковника, что работа стабильная и коллектив хороший, что ей есть где спать и ее мальчик ее любит.

На обратном пути я снова сидел сзади и думал, что еду домой: именно домой. А потом я заснул под монотонную колыбельную шоссе.

за сорок четыре дня

— ВСЯ БИЗНЕС-КОНЦЕПЦИЯ «Куса Ликорс» строится на продаже сигарет малолеткам и алкоголя взрослым. — Аляска пугающе часто поглядывала на меня, отвлекаясь от дороги, когда мы ехали по извилистой узкой трассе, которая проходила по холмам к югу от пансиона, в вышеупомянутый «Куса Ликорс». Это было в субботу, последний день каникул. — И это просто супер, если тебе, кроме сигарет, ничего не нужно. Но нам нужно и бухло тоже. А его продают только по документам. А у меня паршивая подделка. Но я своего добьюсь.

Она вдруг резко свернула влево, даже не помигав поворотниками, и выехала на дорогу, резко уходящую вниз; скорость увеличилась, Аляска крепче вцепилась в руль и ждала до последнего, прежде чем жать по тормозам. Мы остановились у самого подножия холма. Я увидел хлипкую заправку, хотя бензином там больше не торговали. На крыше висела уже выцветшая вывеска: «КУСА ЛИКОРС: СПИРИТИЧЕСКИЙ САЛОН».

Аляска пошла одна и через пять минут вернулась, нагруженная двумя бумажными пакетами с контрабандой: три блока сигарет, пять бутылок вина и литр водки Полковнику. На обратном пути она спросила:

— Ты любишь приколы про «тук-тук»?

— Тук-тук? — переспросил я. — Это когда один говорит «тук-тук»...

— Кто там? — ответила Аляска.

— Я.

— Кто я?

— Ты меня спрашиваешь? — закончил я. Не так чтобы очень смешно.

— Отлично, — похвалила Аляска. — Я тоже знаю крутой вариант.

Начинай.

— Ладно. Тук-тук.

— Кто там?

Я тупо уставился на нее. Через минуту до меня дошло, и я захохотал.

[10]

— Это меня мама научила, когда мне еще шесть лет было. Но до сих пор смешно.

Так что когда она заявила в нашу комнату вся в слезах, как раз когда я заканчивал работу над курсовой по английскому — оставалось всего лишь несколько последних штрихов, — я крайне удивился. Аляска села на

диван, на каждом выдохе не то всхлипывая, не то крича.

— Прости, — сказала она, тяжело вздохнув. По ее подбородку текли сопли.

— Что случилось? — спросил я.

Она взяла бумажный платочек с «ЖУРНАЛЬНОГО СТОЛИКА» и вытерлась.

— Я не... — начала Аляска, и слезы вдруг хлынули ошеломительным потоком, она рыдала очень громко, как ребенок, мне даже стало страшно.

Я встал и сел рядом, потом обнял ее. Она отвернулась от меня и уткнулась лицом в наш излохмаченный диван.

— Не понимаю, почему я все порчу, — наконец проговорила она.

— Что? Ты про Марью? Может, ты просто испугалась.

— Страх — это не повод! — прокричала она в диван. — Все всегда им прикрываются!

Я не знал, кто такие «все» и что такое «всегда», и, хотя мне очень хотелось бы научиться разбираться в ее двусмысленных высказываниях, я начинал уже уставать от этих хитростей.

— Но почему ты *сейчас* из-за этого заплакала?

— Дело не только в этом. А вообще во всем. Я Полковнику рассказала, когда мы ехали. — Она еще хлюпала носом, но, похоже, уже выплакалась. — Пока ты спал там сзади. И он сказал, что во время наших будущих операций больше глаз с меня не спустит. Что он мне не доверяет. Я не виню его. Я сама себе не доверяю.

— Но ты смелая, что сказала ему, — отметил я.

— Смелая, но не когда нужно. Можно... м-м-м... — Аляска села, повернулась в мою сторону, вжалась в мое костлявое плечо и снова разрыдалась.

Я переживал за нее, но все же это она сама все устроила. Не *обязательно* же было стучать.

— Не хотелось бы тебя расстраивать, но, может, тебе лучше объяснить нам, почему ты все же донесла на Марью. Боялась, что домой отправят, или что?

Подавшись назад, она наградила меня таким Роковым Взглядом — сам Орел гордился бы ей, — и мне показалось, что я ей неприятен, или мой вопрос, или и то и другое, а потом Аляска отвернулась и стала смотреть в окно, на поле, и ответила:

— Нет у меня никакого дома.

— Ну, семья-то у тебя *есть*. — Я пошел на попятную. Она еще утром упоминала маму. Как так — три часа назад шутила, а теперь рыдает как

ненормальная?

Все еще как-то странно глядя на меня, Аляска сказала:

— Я стараюсь не бояться. Но все равно все порчу. Все у меня к чертям идет.

— Ну ладно, все нормально. — Я уже вообще совершенно запутался, о чем речь. Туман, сплошной туман.

— Толстячок, ты не понимаешь, кого любишь. Ты любишь ту, которая тебя смешит, смотрит с тобой порнушку, с кем можно выпить вина. А плаксивую стервозную психичку ты не любишь.

Честно говоря, что-то в этом было.

рождество

НА РОЖДЕСТВЕНСКИЕ КАНИКУЛЫ по домам разъехались все, даже предположительно бездомная Аляска.

Мне подарили хорошие часы и кошелек — «взрослые подарки», как сказал папа. Почти все две недели я занимался. На рождественских каникулах, по сути, отдохнуть не получалось — это был наш последний шанс подготовиться к экзаменам, которые должны были начинаться прямо после того, как мы вернемся. Я сосредоточился на математике и биологии — именно эти два предмета были реальной угрозой моим планам заработать средний балл не ниже 3,4. Жаль, что я не могу сказать, будто занимался этим из интереса, просто мне хотелось потом попасть в колледж поприличней.

Так что да, почти все время я сидел дома и зубрил — формулы, французские слова, — как и до поступления в Калвер-Крик. Эти две недели сильно походили на мою жизнь до переезда в пансион, разве что родители радовались мне больше обычного. Про поездку в Лондон они почти ничего не рассказывали. По-моему, они чувствовали себя виноватыми. Эти родители такие странные. Я же остался в Калвер-Крике на День благодарения потому, что сам того хотел, а они винили себя. Приятно, когда кто-то из-за тебя так переживает, хотя все же я бы предпочел, чтобы мама не плакала каждый день за ужином. Она неизменно говорила: «Я плохая мать», а отец тут же возражал: «Ну что ты, вовсе нет».

Даже папа, в целом нежный, но не то чтобы *сентиментальный*, иногда говорил, что скучал по мне, когда мы смотрели «Симпсонов». Я отвечал, что тоже скучал. Я же скучал. В некотором смысле. Они у меня такие хорошие. Мы ходили в кино, играли в карты, и я рассказывал им о том, что творилось в пансионе, — то, что им можно было рассказать без риска перепугать до смерти. Мой папа был агентом по недвижимости, но я не знаю человека, который читал бы больше него. Мы с ним обсуждали, что мы проходили по литературе, а мама настойчиво просила, чтобы я посидел с ней на кухне, и пыталась научить меня готовить простые блюда — макароны, яичницу, — «раз уж я теперь один живу». Какая разница, что у меня нет кухни, да и не хочется ее иметь. И что я не люблю ни яйца, ни макароны, ни сыр. Но к Новому году я все же научился.

Когда я уезжал, они оба расплакались, мама сказала, что это просто такой синдром: все плачут, когда птенец покидает гнездо, — и добавила,

что они очень меня любят и гордятся мной. У меня самого комок в горле от этого встал, и я уже и думать перестал о Дне благодарения. У меня есть семья.

за восемь дней

В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ после каникул Аляска пришла к нам в комнату и уселась рядом с Полковником на диване. Он был занят делом — ставил новый скоростной рекорд на «Плейстейшн».

Она не сказала, что скучала или рада нас видеть. Глядя на диван, она изрекла:

— Вам, серьезно, нужен новый.

— Меня прошу не отвлекать, когда я за рулем, — ответил Полковник. — Бог мой. Неужели и Джефу Гордону приходится с таким вот мириться?

— У меня идея, — не унималась Аляска. — Отличная. Нам нужно устроить как бы предприкол, который совпадет во времени с посягательством на Кевина и его приспешников.

Я сидел на кровати и читал — у меня на следующий день был экзамен по истории.

— Предприкол? — переспросил я.

— Это специальный такой прикол, задача которого — снизить бдительность администрации, — ответил Полковник, злясь, что его отвлекают. — После предприкола Орел будет думать, что младший класс отстрелялся, и к настоящему приколу окажется не готов.

Каждый год младший и старший классы что-нибудь выкидывали, как правило какую-то фигню: например, поджигали «римские свечи» на газоне в центре кампуса в пять утра в воскресенье.

— Предприкол всегда бывает? — спросил я.

— Конечно нет, дебил, — возмутился Полковник. — Если бы он бывал всегда, Орел ждал бы и второго прикола. Последний раз предприкол был... м-м-м... Ах да, а в восемьдесят седьмом. Сначала они отключили свет в кампусе. А потом запустили в тепловентиляцию учебного здания пять сотен живых кузнечиков. До сих пор стрекот иногда слышен.

— Отлично вызубрил, *реально* впечатляет, — похвалил я.

— Вы, ребята, как старая семейная пара. — Аляска улыбнулась. — Жутковато со стороны смотрится.

— Это ты еще не все знаешь, — ответил Полковник. — Видела бы ты, как этот пацанчик ко мне по ночам в постель лезет.

— Эй!

— Вернемся к делу! — перебила Аляска. — Предприкол. Надо делать

в эти выходные, потому что новолуние. Ночевать будем в сарае. Ты, я, Полковник, Такуми и специальный подарок для тебя, Толстячок, — Лара Бутерская.

— Та самая Лара Бутерская, на которую я блеванул?

— Она скромная просто. Ты ей нравишься до сих пор. — Аляска рассмеялась. — Ты, когда блевал, был такой... уязвимый.

— Очень упругие сиськи, — напомнил Полковник. — А Такуми — для меня?

— Тебе какое-то время надо побыть одному.

— Это верно, — согласился он.

— Поиграй в приставку еще пару месяцев. Развитая зрительно-моторная координация будет твоим плюсом, когда выйдешь на третий уровень отношений с девушками.

— Боже, про эти уровни так давно никто ничего не говорил, что я уже забыл всю классификацию, — ответил Полковник. — Я бы изобразил все мое презрение на лице, но мне нельзя отвлекаться от экрана.

— Поцеловать взасос, пощупать, попробовать пальцем, потом поебаться. Ты, никак, третий пропустил, — сказала Аляска.

— Действительно пропустил, — признался Полковник.

— Так, — встрял я, — а с предприколом что?

— Полковник все продумает. Тебя мы в неприятности вмешивать не будем — пока!

— А... Ну ладно. Пойду тогда покурю.

И я вышел. Аляска, конечно, уже не в первый раз оставляла меня за кадром, но мы вроде сильно сблизились за время каникул по поводу Дня благодарения, и мне казалось нелепым, что она планирует все только с Полковником, без меня. Чью майку она слезами-то залила? Мою. Кто слушал ее чтение Воннегута? Я. Кого подставили с этим приколом про «тук-тук»? Меня. Я перешел дорогу и закурил. Во Флориде со мной такого не бывало, впервые меня охватили мучительные сомнения, которыми постоянно страдают старшеклассники — такие все из себя старшие, да — по поводу того, кто кому нравится больше. У меня такое сейчас началось, и я себя за это ненавидел. *Не надо к ней так привязываться*, говорил себе я. *Пусть она идет в жопу.*

за четыре дня

ПОЛКОВНИК ОТКАЗЫВАЛСЯ СООБЩАТЬ мне хоть что-либо насчет предприкола, за исключением того, что он получил кодовое название «Ночь в сарае» и что вещи надо собрать на два дня.

Понедельник, вторник и среда были для меня пыткой. Полковник все время проводил с Аляской, а меня они не звали. Так что я непомерно много времени уделил подготовке к экзаменам, что оказало очень положительное влияние на мой средний балл. Я даже курсовую по религиоведению наконец закончил.

По сути, ответ у меня получился довольно прямолинейный: почти все христиане и мусульмане верят в рай и ад, хотя в обеих религиях существует множество противоречий по поводу того, какие именно поступки к каким последствиям приводят. У буддистов все посложнее — это связано с их учением об *анатте*, которое, в общем, заключается в том, что человеку не дарована вечная жизнь. Они верят в сгустки энергии, которые переходят из одного тела в другое, реинкарнируясь и реинкарнируясь до тех пор, пока не достигнут просветления.

Заключения писать я всегда ненавидел — ты просто повторяешь то, что уже написал, добавляя всякие вводные фразы, вроде «В заключение надо сказать...», «Резюмируем, что...». Я от этой идеи отказался, написав о том, почему мне этот вопрос кажется важным. Я думал, что людям нужна какая-то определенность. Мы не можем смириться с тем, что после смерти нас ждет огромная черная пустота, с тем, что наши любимые просто прекратили свое существование, не можем даже *представить*, что когда-то перестанем существовать и мы сами. И я пришел к заключению, что люди верят в жизнь после смерти потому, что без этой веры им совсем невыносимо.

за три дня

В ПЯТНИЦУ, после на удивление успешно сданного экзамена по математике, последнего в моей первой сессии в Калвер-Крике, я сложил одежду («Действуй, как нью-йоркский модник, — советовал Полковник. — Бери черное. Выбирай благоразумно. Предпочтение отдавай удобному и теплomu») и спальник в рюкзак, мы зашли за Такуми в его комнату и направились к дому Орла. Одет он был как обычно — я подозревал, что у него в шкафу висело тридцать одинаковых белых рубашек и черных галстуков. Он, наверное, каждое утро подходил к нему, оценивал свой гардероб и думал: «Хмм... хммм... может, белую рубашку с черным галстуком?» Вот такому жена бы не помешала.

— Я хочу пригласить Майлза с Такуми к себе в «Новую надежду» на выходные, — сообщил ему Полковник.

— Майлзу настолько понравился вкус «Новой надежды»? — спросил меня Орел.

— Ишшо как! А щас у нас будут танцы-шманцы! — ответил Полковник. Он при желании мог говорить с южным акцентом, хотя обычно речь у него была чистая, как и у всех остальных в Калвер-Крике.

— Подождите, я сначала вашей маме позвоню, — сказал ему Орел.

Такуми глянул на меня с плохо скрываемым ужасом, и я почувствовал, как мой обед — жареная курица — предпринял попытку выбраться из желудка. А Полковник просто улыбнулся:

— Конечно.

— Вы приглашали Чипа, Майлза и Такуми к себе на выходные?.. Да, мэм... Ха!.. Ладно, хорошо. До свидания. — Орел посмотрел на Полковника: — У тебя чудесная мама. — И он улыбнулся.

— Кому вы рассказываете. — Полковник тоже осклабился. — В воскресенье вернемся.

Когда мы шагали к стоянке, расположенной возле спортзала, Полковник рассказал:

— Я вчера ей звонил. Попросил меня прикрыть, она даже не спросила зачем. Сказала просто: «Сынок, я тебе доверяю», и да, блин, с этим мне повезло.

Отойдя достаточно далеко, чтобы Орел не мог увидеть нас из окна, мы

резко свернули в лес.

Мы перешли мимо моста и направились к сараю — вообще-то он был больше похож на сруб, чем на сарай, хотя давно пришел в запустение и не защищал даже от дождя. Там до сих пор хранили сено, хотя не пойму для чего. На лошадях у нас вроде никто не скакал, других причин тоже не было. Я, Полковник и Такуми пришли первыми, так что мы расстелили спальники на самых мягких тюках сена. Было 18:30.

Вскоре появилась и Аляска. Она наплела Орлу, что поедет на выходные к Джейку. Ее алиби Орел проверять не стал, потому что она ездила к нему примерно раз в месяц, и он понимал, что ее родителям на это плевать. Еще через полчаса пришла Лара. Она сказала, что ей надо в Атланту — встретиться со старой подружкой-румынкой. Орел позвонил Ларе домой, чтобы обсудить ее отъезд с родителями — они не возражали.

— Они мне доверяют. — Лара улыбнулась.

— У тебя вроде и акцента нет, — сказал я, что было крайне тупо, но все же лучше, чем снова на нее блевать.

— У меня просто звук «и» очень долгий.

— Так все русские разговаривают? — поинтересовался я.

— Мой родной — румынский, — поправила меня она.

Оказывается, есть и такой язык. Кто знал-то? Мне надо бы как-то расширить свои познания об особенностях других культур, если я в ближайшее время собираюсь забраться с Ларой в один спальный мешок.

Все расселись на спальниках, Аляска курила, демонстрируя полное пренебрежение к тому, что вся эта конструкция могла вспыхнуть с поразительной легкостью. Полковник достал один-единственный листок бумаги из принтера и зачитал.

— Смысл сегодняшнего праздника — раз и навсегда доказать, что мы — прирожденные приколисты, а выходники — не менее прирожденный отстой. К тому же у нас будет возможность подпортить жизнь Орлу, такое удовольствие пропустить нельзя. Так что сегодня... — он сделал паузу, словно в этот момент должна была зазвучать барабанная дробь, — мы сражаемся на трех фронтах. Фронт первый: предприкол. Мы, по сути, буквально подпалим перья у Орла на заднице. Фронт второй: операция «Болди», в которой Лара в одиночку выполняет столь жестокую, но изящную карательную миссию, которую мог породить исключительно мой умище.

— Э... — перебила его Аляска, — вообще-то это я придумала!

— Ну ладно, о'кей. Это придумала Аляска. — Он хохотнул. — И наконец, фронт третий: донесения. Мы взломаем школьную сеть, взлезем в

базу данных по успеваемости и разошлем родственникам Кевина и всем остальным сообщения о том, что их детишки по некоторым предметам отстают.

— Нас точно выпрут, — прокомментировал я.

— Я надеюсь, вы азиата с собой решили прихватить не потому, что надеетесь, что он компьютерный гений. Это не про меня, — сказал Такуми.

— Не выпрут, а компьютерный гений — я. Все остальные нужны лишь в качестве рабочей силы и для отвода глаз. Нас не выпрут, даже если поймают, потому что ничего, за что карают изгнанием, мы делать не будем. Ну, разве что кроме пяти бутылок «Земляничного холма», лежащих в Аляскином рюкзаке, но их мы надежно припрячем. Мы просто учиним небольшой беспредел, типа того.

Изложили план: места ошибке там не было. Полковник всецело рассчитывал на полную синхронность действий: если кто-то из нас хоть немного облажается, вся схема рухнет.

Каждому он распечатал краткий перечень указаний, время было расписано по секундам. Мы сверили часы, все оделись в черное, нацепили рюкзаки, изо рта шел пар, в мыслях — исключительно схема действий в мельчайших подробностях, сердца бешено колотились. Как только окончательно стемнело, то есть около семи, мы все вместе вышли из сарая. Мы уверенно шли друг за дружкой, мы были непобедимы. План, может быть, и содержал недостатки, но мы будем безупречны.

Через пять минут мы все разошлись в заданных направлениях. Я шел с Такуми. Наша задача была — отвлекать.

— Мы, блин, как морская пехота, — сказал он.

— Первые в бой, первые на смерть, — беспокойно согласился я.

— Чертовски верно.

Он остановился и открыл рюкзак.

— Не тут, дружище, — сказал я. — Надо дойти до Орла.

— Знаю, знаю. Просто... погоди. — Он достал плотную повязку на голову — коричневую, с плюшевой лисьей головой спереди. И надел.

Я рассмеялся:

— Что это за фигня?

— Это моя лисья шапочка.

— Лисья шапочка?

— Да, Толстячок *Лисья шапочка*.

— А зачем тебе *лисья шапочка*? — поинтересовался я.

— Потому что чертову лису никому не поймать.

Уже через две минуты мы сидели на корточках за деревьями, которые

росли в пятнадцати метрах от задней двери дома Орла. У меня сердце колотилось, как барабаны в каком-нибудь техно.

— Тридцать секунд, — прошептал Такуми, и мне вдруг стало не по себе, точно как в ту ночь, когда я только приехал, познакомился с Аляской и она схватила меня за руку и зашептала: *Бежим, бежим, бежим, бежим*. Но я не двигался.

Я подумал: *Мы недостаточно близко подобрались*.

Я подумал: *Он не услышит*.

Я подумал: *Он услышит и вылетит так быстро, что мы не успеем удрать*.

Я подумал: *Двадцать секунд*. Я дышал тяжело и часто.

— Толстячок, — прошептал Такуми, — чувак, ты справишься. Беги просто, и все.

— Ага. — *Просто беги. Колени не подкашиваются. Я не задыхаюсь. Надо просто бежать*.

— Пять, — сказал он. — Четыре. Три. Два. Один. Поджигай. Поджигай. Поджигай.

Загорелось, затрещало, как на День независимости, который я всегда отмечал с родителями. Долю секунды мы стояли неподвижно, глядя на фитиль, чтобы убедиться, что он загорелся. А потом Такуми крикнул шепотом:

— Давай, давай, давай, блин.

И мы побежали.

Через три секунды — громкий взрыв. Он мне напомнил пальбу из автоматов в «Обезглавливании», только куда громче. Мы уже шагов на двадцать успели отбежать, но все равно казалось, что барабанные перепонки лопнут.

Я подумал: *Ну, такое он точно услышит*.

Мы неслись вдоль футбольного поля, в лес, на холм, весьма слабо осознавая свое положение в пространстве. Поскольку было темно, палки и покрытые мхом камни под ногами попадали в поле зрения в самую последнюю секунду, я время от времени спотыкался и падал, и боялся, что Орел нас догонит, но все равно поднимался и бежал за Такуми, прочь от школы и общаг. Мы неслись, как будто на кроссовках у нас были крылышки. Я мчался, как гепард, точнее говоря, как гепард, который слишком много курит. А потом, ровно через минуту, Такуми остановился и рывком открыл рюкзак.

Пришла моя очередь вести обратный отсчет. Я вперился в часы. В

ужасе. Он уже точно вышел. И бросился в погоню. Интересно, быстро ли? Он уже старый, но наверняка дико разозлился.

— Пять-четыре-три-два-один... *ш-ш-ш-ш*.

В этот раз мы даже паузу выдерживать не стали, просто побежали — дальше, на запад. У меня легкие разрывались. Я вовсе не был уверен, что продержусь тридцать минут в таком темпе.

Петарда взорвалась, детонируя остальную связку.

Когда грохот стих, мы услышали крик:

— ОСТАНОВИТЕСЬ СЕЙЧАС ЖЕ!

Но мы не остановились. Остановок в плане не было.

— Я лиса, — шептал Такуми — и себе и мне, — лису никто не поймает.

Через минуту снова пришла моя очередь. Такуми считал. Фитиль загорелся. Мы побежали.

Но она не взорвалась. Мы были готовы к одной осечке: запасная связка петард у нас имелась. Но еще один холостой будет стоять Аляске с Полковником целой минуты. Такуми сел на корточки, поджег фитиль и побежал. Загрохотало. Петарды затрещали *быщбыщбыщ* — в унисон с моим сердцем.

Когда они отгремели, я услышал:

— СТОЙТЕ, ИЛИ Я ВЫЗОВУ ПОЛИЦИЮ! — Голос доносился издали, но Роковой Взгляд я чувствовал и на таком расстоянии.

— Свиньям лису не остановить, я слишком скор, — сказал Такуми сам себе. — Я даже рифмовать могу, вот насколько я хитер.

Полковник предупредил нас, что Орел может грозиться полицией, но беспокоиться не рекомендовал. Орлу полиция в кампусе самому ни к чему. Это обеспечит заведению дурную репутацию. Мы бежали, не останавливаясь, попутно перепрыгивая препятствия и продираясь сквозь густые заросли кустарника. Мы падали. Поднимались. Если по каким-то причинам преследовать нас по звуку хлопнушек ему было трудно, матюки, которые мы издавали, спотыкаясь о поваленные деревья и падая в шиповник, точно не давали ему сбиться с курса.

Одна минута. Я опустился на колени, поджег фитиль, бегу. *Бдыщ!*

Потом мы свернули на север, думая, что уже миновали озеро. Это было ключевым моментом нашего плана. Чем дальше мы убегали, оставаясь при этом на территории кампуса, тем дальше побежит и Орел. Чем дальше он побежит, тем дальше он будет от классов, где колдовали Полковник с Аляской. Затем мы планировали сделать небольшой круг, вернувшись в сторону учебного здания, а потом метнуться к ручью, на

мост над Норой-курильней, — там бы мы снова вышли на дорогу и победоносно вернулись в сарай.

Но вот в чем дело: мы слегка неверно держали курс. Озеро, как оказалось, мы даже не миновали, перед нами еще лежало поле, а потом только — оно. Мы были еще слишком близко к корпусу, бежать оставалось только вперед, я посмотрел на Такуми, который бежал рядом, нога в ногу, и он скомандовал: «Давай сейчас».

Я опустил на колени, поджег фитиль, и мы понеслись дальше. Мы вылетели на поляну, так что, если Орел шел за нами прямо по пятам, он бы нас увидел. Мы добрались до южного края озера и продолжили свой путь вдоль берега. Оно было не таким-то и большим, метров четыреста в длину, так что бежать оставалось немного, когда я увидел его.

Лебеда.

Он плыл к нам, яростно хлопая крыльями, как одержимый, и вот он уже вылетает на берег прямо перед нами, издавая совершенно ни с чем не сравнимый дикий звук: самые мерзкие ноты из предсмертного крика кролика плюс самые мерзкие ноты из детского плача, — но другого пути не было, так что мы не остановились. На бегу я изо всех сил ударил птицу, а он клюнул меня в жопу. Через некоторое время я начал заметно прихрамывать, потому что задница у меня буквально горела, и я думал: *Что, блин, за слюна у этого гада такая ядовитая, почему так жжет?*

Двадцать третья связка петард тоже не взорвалась и, значит, стоила нам минуты. В тот самый момент, кстати, мне очень не помешала бы минута отдыха самому. Я умирал. Жжение в левой ягодице перешло в сильнейшую боль, многократно усиливающуюся, когда я наступал на левую ногу, поэтому я бежал, как раненая газель, спасающаяся от львиного прайда. Что уж и говорить, скорость нашего движения значительно снизилась. С того времени как мы добрались до другого края озера, Орла мы не слышали, но я не думал, что он бросил погоню. Он пытался усыпить нашу бдительность, но у него ничего не выйдет. Мы сегодня непобедимы.

Мы в измождении остановились: у нас осталось еще три связки, и мы надеялись, что Полковнику хватит времени. Потом мы побежали дальше, пока не добрались до берега. Вокруг было так темно и тихо, речушка буквально ревела, но я все равно слышал наше сбившееся дыхание даже после того, как мы рухнули на гальку у воды. Только тогда я посмотрел на Такуми. Он раскинул руки и ноги, лисья голова теперь располагалась точно над его левым ухом. Взглянув на собственные ладони, я увидел, что из некоторых ссадин даже идет кровь. Я вспомнил, что упал в какой-то кошмарный куст шиповника, но боли не почувствовал.

Такуми принялся вытаскивать колючки из ноги.

— Лисенок, блин, утомился, — сообщил он и рассмеялся.

— А меня лебедь за жопу цапнул, — ответил я.

— Я видел. — Такуми улыбнулся. — Кровь идет?

Я сунул руку в штаны, чтобы проверить. Крови не было, так что я решил отпраздновать это сигаретой.

— Миссия выполнена, — констатировал я.

— Толстячок, блин, мы, блин, несокрушимы, блин.

Мы не понимали, где именно находимся, ведь речушка петляла по всему кампусу, поэтому мы минут десять шли вдоль берега, из расчета, что шагаем мы раза в два медленнее, чем бежали, а потом свернули налево.

— Думаешь, налево? — спросил меня Такуми.

— Я совсем запутался, — признался я.

— Лиса указывает налево. Значит, налево.

И конечно же лиса привела нас прямо к сараю.

— Вы в порядке! — воскликнула Лара, когда мы подошли. — Я волновалась. Я ви-идела, как Орел из дома вылетел. В пи-ижаке. Он казался очень злым.

Я ответил:

— Если он уже тогда был зол, хотел бы я посмотреть на него сейчас.

— А почему вы так долго? — поинтересовалась она.

— Мы возвращались длинным путем, — сказал Такуми. — А кроме этого, Толстячок ходит теперь как старая карга с геморроем, потому что его лебедь в жопу клюнул. А Аляска с Полковником где?

— Не знаю, — ответила Лара.

И тут послышались шаги, бормотание, хруст веток. Такуми мигом похватал спальники и спрятал их за тюками сена. Потом мы выбежали через черный ход и залегли в высокую траву. *Он нас выследил, подумал я. Мы облажались.*

Но потом я различил голос Полковника, слышно было хорошо, и он явно злился.

— Потому что список подозреваемых сокращается до двадцати трех! Почему ты не могла сделать все по плану? Блин, где все?

Мы вернулись в сарай, чувствуя себя слегка глупо из-за того, что так их напугались. Полковник сел на тюк сена, оперся локтями о колени, свесил голову и прижал ладони ко лбу. Он думал.

— Ну, нас, в любом случае, еще не поймали. Ладно, для начала, — сказал он, не глядя на нас, — скажите мне, что во всем остальном сбоя не было. Лара?

— Да. Все хорошо.

— Побольше подробностей можно?

— Я все сделала, как ты напи-исал. Я подождала, спрятавши-ись за домом Орла, когда он броси-ится за Майлзом и Такуми, а потом побежала позади общаг. Забралась в окно к Кевин-ину. Добави-ила что надо в гель и конди-ици-ионер, потом то же самое повтори-ила в комнатах Джеффа и-и Лонгвелла.

— Что надо? — переспросил я.

— Неразведенная профессиональная синяя краска для волос номер пять, — объяснила Аляска. — Купила на деньги, которые с тебя за сигареты получила. Если нанести на мокрые волосы, не смывается еще несколько месяцев.

— То есть мы покрасим их в синий цвет?

— Ну, формально. — Полковник до сих пор говорил, глядя в пол. — Они сами покрасятся в синий. Но мы, конечно, сильно упростили им эту задачу. Что вы с Такуми справились, я вижу — вы здесь, мы здесь, значит, вы все сделали как надо. И хорошие новости: родителям трех засранцев, дерзнувших нам насолить, мы отправили отчет об их успеваемости. Точнее, о том, что они отстают по трем предметам.

— Ого. А плохи-ие? — поинтересовалась Лара.

— Ай, да хватит, — ответила Аляска. — Другие новости *тоже* хорошие: когда Полковнику что-то послышалось и он убежал в лес, я позаботилась о том, чтобы родителям остальных *двадцати* выходников тоже пришли эти отчеты. Я их все распечатала, разложила по школьным конвертам и опустила их в почтовый ящик. — Она повернулась к Полковнику: — Ты намного раньше меня улетел. Наш маленький Полковник насмерть перепутался, что его отчислят.

Полковник встал, сделавшись выше остальных, ведь мы все сидели.

— Ничего это не хорошие новости! Этого мы не планировали! И это означает, что целых двадцать три человека автоматом исключаются из списка подозреваемых. Двадцать три врага, которые смогут нас вычислить и рассказать!

— Если это произойдет, — сказала Аляска, — я все возьму на себя.

— Ага. — Полковник вздохнул. — Как в случае с Полом и Марьей. Ты скажешь, что ты шныряла по лесу, взрывая петарды, и одновременно взламывала Сеть и рассылала поддельные отчеты об успеваемости? Орел на это, конечно, купится.

— Расслабься, приятель, — вступился Такуми. — Во-первых, нас не поймают. Во-вторых, если и поймают, я скажу, что мы с ней были заодно.

Тебе же важнее остаться.

Полковник молча кивнул. Спорить с этим смысла не было: если его выпрут отсюда, в другой хорошей школе он стипендию не получит.

Понимая, что нет лучшего способа обрадовать Полковника, кроме как признать его гениальность, я спросил:

— А как ты в Сеть влез?

— Сначала забрался в окно кабинета доктора Хайда, запустил его комп и ввел пароль, — с улыбкой ответил он.

— Ты его угадал?

— Нет. Я во вторник зашел к нему и попросил распечатать мне список литературы, которую рекомендуется прочесть. И подсмотрел: *J3ckyInhyd3*.

— Блин, — сказал Такуми. — Так бы и я мог.

— Ну да, но тогда бы тебе не удалось побегать в своей суперсекси шапочке, — со смехом ответил Полковник.

Такуми снял повязку и убрал в рюкзак.

— Кевин взбесится, когда посинеет, — сказал я.

— Так я тоже взбесилась, когда моя библиотека промокла. Кевин — просто кукла надувная, — ответила Аляска. — Если в кого из нас ткнуть иголкой, у нас кровь потечет. А его ткнуть — он лопнет.

— Это верно, — согласился Такуми. — Он придурок. Он же ведь убить тебя мог.

— Да, наверное, — подтвердил и я.

— Тут таких полно. — Аляска все еще кипела. — Понимаешь? Сраных кукол из богатеньких семей.

Но даже если Кевин и пытался меня убить и все такое, я не думаю, что его стоило ненавидеть. Ненависть к одноклассникам отнимает очень много сил, я давно это дело бросил. Я воспринимал наш прикол лишь как ответ на их предыдущую выходку, как прекрасную возможность, как выразился Полковник, учинить небольшой беспредел. Но Аляска, похоже, относилась к этому иначе, для нее это было чем-то большим.

Я хотел расспросить ее об этом, но она легла, скрывшись за тюками сена. Аляска все сказала, а раз так, ждать от нее чего-то еще смысла не было. Выманить ее удалось только через два часа, когда Полковник открыл вино. Мы передавали бутылку по кругу, пока у меня в животе не возникло кисловатое теплое чувство.

Вообще я бы хотел, чтобы выпивка мне нравилась больше (а Аляска — наоборот). Но в тот вечер я был рад даже напиться, особенно когда тепло из живота разлилось по всему телу. Мне не нравилось тупеть или терять контроль над собой, но нравилось, что все становилось легче (смеяться,

плакать, ссать на виду у друзей). Зачем мы пили? Я — просто для забавы, особенно потому, что мы и так уже рисковали исключением. Постоянная угроза изгнания из Калвер-Крика делала все незаконные удовольствия более кайфовыми, и мне это нравилось. А сама вероятность исключения, конечно, не нравилась.

за два дня

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО я проснулся рано, губы пересохли, изо рта шел пар. Такуми взял с собой переносную горелку, и Полковник склонился над ней — он грел воду для растворимого кофе. Солнце светило ярко, но холод все равно не отступал, я сел рядом с Полковником и начал мелкими глоточками пить кофе («Особенность растворимого кофе в том, что пахнет он хорошо, а на вкус как желчь», — сказал Полковник), потом по очереди проснулись Такуми, Лара и Аляска, и мы целый день скрывались, хотя и очень шумели. В общем, сидели громко, не как мышки.

После обеда Такуми решил, что нам надо посоревноваться в фристайле.

— Толстячок, ты начинаешь, — заявил он. — А ты, Полковник Катастрофа, будешь задавать нам ритм.

— Дружище, я не умею рэп читать, — взмолился я.

— Ничего страшного. Полковник ритм тоже задавать не умеет. Ты попробуй просто, наговори чего-нибудь, а потом мне эстафету передашь.

Полковник сложил ладони рупором у рта и начал издавать страннейшие звуки, больше было похоже на пердеж, чем на басы, а я... м-м-м... начал читать свой рэп.

— Э-э-э, мы сидим в сарае, солнце садится на горизонте, в детстве в «Бургер Кинг» я ходил в короне, блин, у меня не стихи, а говнище, пусть продолжает Такуми-дружище.

Такуми продолжил без пауз:

— Ох, Толстячок, приятель, не знаю, готов ли начать я, но я, как Эдвард Руки-ножницы, порву твою нежную кожицу, вчера я пил и икал и икал, ритм Полковника — полный провал, но когда я беру микрофон я слышу, что у девочек влет сносит крышу, я и за Японию, я и за Бирмингем, да, я желтокожий, но нет проблем, меня в детстве дразнили, но мне лично по фигу, как и телкам, чей я любовник.

Влезла и Аляска:

— Ах, ты опять наехал на женский пол, тебе бы в жопу вставить кол, ты уверен, что я и рэп читать не умею толком, но от моих слов просто бьет током, и если ты не прекратишь свой гон, ты сдохнешь, как античный Вавилон.

Такуми снова взял слово:

— Если моя рука соблазнит меня, я ее отсекаю, я от девчонок, как старики от подагры, страдаю, черт, как-то испортились мои стихи, Лара, прошу, помоги.

Лара говорила тихо и медленно, и с ритмом у нее было еще хуже, чем у меня.

— Меня зовут Лара, и-и я и-из Румынии, ой как трудно-то. Один раз я была в Албании. Я люблю ездить в маши-ине Аляски, но не очень хорошо говорю по-англи-ийски, я говорю так, как будто у меня горло боли-ит, зато сразу понятно, что я космополи-ит. Ох, не знаю, что сказать еще, пусть на этом будет уже все.

— Я бомблю, как Хиросима или даже Нагасаки, девчонки все считают, что я крутой, как Рокки, я пью sake, чтобы не забыть, кто я такой, дети меня не понимают и думают, что я тупой, я не маленький, но и не качок, и не такой болван, как Толстячок, я, блин, лис, а это моя команда, и мы жжем реально как надо. Ну и все.

Полковник завершил наш фристайл шумным битбоксом, и мы все захлопали сами себе.

— Аляска, ты нас порвала просто, — со смехом сказал Такуми.

— Я дам всегда защищаю. И Лара мне помогла.

— О да.

А потом Аляска решила, что, хоть еще и не стемнело, уже пора надраться.

— Может, не слишком удачное решение — второй вечер подряд пить? — попробовал возразить Такуми, когда Аляска взялась за вино.

— Но на удачу рассчитывают только обсосы. — Она улыбнулась и поднесла бутылку к губам.

На ужин у нас было печенье с солью и кусок чеддера, который притащил с собой Полковник, мы запивали его теплым розовым из бутылки. А потом сыр кончился — что ж, больше «Земляничного холма» влезет.

— Надо сбавить обороты, или меня вырвет, — констатировал я, когда мы допили первую бутылку.

— Прости, Толстячок. Я не заметил, чтобы кто-то силой держал твою пасть открытой и вливал туда вино, — ответил Полковник, швырнув мне бутылку «Маунтин дью».

— Ты слишком милосерден, если называешь это говно вином, — отрезал Такуми.

А Аляска вдруг объявила:

— Лучший день/худший день!

— Чё? — удивился я.

— Если будем просто пить, мы все сблюем. Поэтому, чтобы замедлить ход, поиграем в одну игру. Лучший день/худший день.

— Ни разу о такой не слышал, — ответил Полковник.

— Это потому, что я ее только что выдумала. — Аляска улыбнулась.

Она легла на бок поперек двух тюков сена, предзакатный свет подчеркнул зелень ее глаз, а ее загар в последний раз напомнил об ушедшей осени. Она лежала приоткрыв рот, и я подумал, что она уже, наверное, пьяна, когда заметил ее взгляд — она была где-то далеко. *Глаза пьяные и стеклянные*, отметил я и, лениво любуясь ею, подумал, что да, наверное, я и сам слегка нетрезв.

— Клево! А как и-играть? — спросила Лара.

— Каждый рассказывает про лучший день в своей жизни. Кто рассказал самую классную историю — может не пить. А потом все рассказывают про самый плохой день, и опять — кто круче, тот может не пить. И так далее — что там на втором месте самое хорошее и самое плохое, пока кто-то из вас не сдастся.

— А с чего ты взяла, что это будешь не ты? — поинтересовался Такуми.

— Потому что я и пью лучше всех, и рассказываю лучше всех, — ответила она. С такой логикой трудно было спорить. — Ты начинаешь, Толстячок. Лучший день во всей твоей жизни.

— Гм... А подумать минутку можно?

— Если думать приходится, значит, все было не настолько-то и хорошо, — отметил Полковник.

— Пошел ты.

— Ой, какой нежный.

— Самый лучший день в моей жизни — сегодня, — начал я. — Подробности таковы: я проснулся рядом с очень красивой девушкой из Венгрии, было холодно, но не слишком, я выпил чашку едва теплого растворимого кофе и поел хлопьев без молока, а потом мы с Аляской и Такуми гуляли по лесу. После чего мы играли в блинчики на реке, может, звучит это глупо, но это не глупо. Я не знаю. Вот солнце сейчас такое, тени длинные, а свет такой яркий, но мягкий, как бывает перед закатом, понимаете? В таком свете все кажется лучше, красивее, и сегодня как бы все как раз в таком свете. Ну, то есть я ничего не делал. Я просто сидел, смотрел на Полковника... что там еще... Да не важно. Просто отличный день. Сегодня. Лучший день в моей жизни.

— Ты думаешь, что я красивая? — спросила Лара и стыдливо

засмеялась. Я подумал: *Сейчас хорошо бы посмотреть ей в глаза*, но не смог. — Но я из *Румынии*!

— Блин, твой рассказ оказался куда лучше, чем я предполагала, — призналась Аляска. — Но я тебя все равно сделаю.

— Давай, детка, — сказал я.

Подул ветер, склоняя к земле высокую траву за сараем, и я накинул спальник на плечи, чтобы не замерзнуть.

— Самый лучший день в моей жизни был девятого января тысяча девятьсот девяносто седьмого года. Мне было восемь лет, мы с мамой поехали в зоопарк. Мне понравились медведи. А ей — обезьяны. Отличнейший день. Конец.

— И все? — удивился Полковник. — Лучший день всей твоей жизни?

— Ага.

— А мне нрави-ится, — сказала Лара. — Я тоже люблю обезьянок.

— Слабовато, — оценил Полковник. А я подумал, что это не история слабая, а опять Аляскина нарочитая туманность, она просто в очередной раз решила продемонстрировать свою таинственность. Но хоть я и не сомневался в том, что она поступила так намеренно, я не мог понять: *Что, блин, такого хорошего в зоопарке?*

Но я не успел спросить, потому что заговорила Лара:

— Моя очередь. У меня все просто. Лучши-ий был день, когда я сюда при-иехала. Я знала англи-ийский, а мои роди-ители — нет, и-и мы сошли с самолета, нас в аэропорту встрети-или родственни-ики — тети и-и дяди, которых я раньше ни-икогда не ви-идела, мама с папой были так счастли-ивы. Мне было двенадцать лет, и-и меня до этого всегда воспри-ини-имали как малышку, а тогда впервые оказалось, что роди-ители не могут без меня обойти-ись и-и относятся ко мне как к взрослой. Потому что они-и языка не знали, да? Я и-им помогала еду заказывать, заполнять имми-играци-ионные и-и налоговые бумаги и-и все такое, вот, и-и они в тот день перестали ко мне как к ребенку относи-иться. К тому же в Румынии мы были бедняками, а теперь вроде как богатые. — Она рассмеялась.

— Хорошо, — Такуми улыбнулся, — я проиграю, потому что у меня лучший день был, когда я лишился девственности. И если вы хотите, чтобы я вам это рассказал, вам придется напоить меня посильнее.

— Неплохо, — сказал Полковник. — Совсем неплохо. А про самый лучший день в моей жизни услышать хотите?

— Чип, ты должен рассказать, мы же в игру играем, — ответила Аляска с явным раздражением.

— Мой лучший день еще не наступил. Но я знаю, как это будет. Я

частенько его представляю. Лучшим днем в моей жизни будет тот самый день, когда я куплю своей маме огромный дом, блин. Не в лесу где-нибудь, а в самом центре Маунтин Брука, среди особняков выходников. Среди ваших домов. И я куплю его не в кредит. А за наличность. Я привезу туда маму, открою перед ней дверь машины, она выйдет и посмотрит на дом — металлический забор, два этажа, все дела, — я отдам ей ключи и скажу: «Спасибо». Блин, она помогала мне заявку в эту школу заполнять. Отпустила меня сюда, а это не легко для тех, кто живет в наших краях, — разрешить сыну поехать учиться куда-то еще. Вот такой у меня будет лучший день.

Такуми поднес бутылку к губам и сделал несколько глотков, а потом передал мне. Я выпил, потом Лара, а потом и Аляска запрокинула голову и быстро вылила в себя оставшуюся четверть.

Открывая следующую бутылку, она улыбнулась Полковнику:

— Этот раунд ты выиграл. А худший день?

— Самый страшный день был, когда ушел папа. Он у меня старый — сейчас ему лет семьдесят, — и когда он на маме женился, уже старый был, и даже *при этом* он ей изменял. Она его застукала, взбесилась, он ее ударил. Она его выгнала, и он ушел. Я был тут, мама мне позвонила, но про измену и про то, что он ее побил, рассказала только потом. А тогда просто сообщила, что он ушел и больше не вернется. И я его больше не видел. Когда я только узнал, я целый день ждал, что он позвонит мне и объяснит. Но он не позвонил ни тогда, ни позже. Я-то надеялся, что он хоть попрощается или типа того. Это был самый плохой день в моей жизни.

— Черт, меня ты опять сделал, — признался я. — У меня худший день был в седьмом классе, когда Томми Хьюит нассал на мою спортивную форму, а учитель сказал, что я обязан переодеться или он мне двойку поставит. Двойка по физре в седьмом классе, понимаете? Есть вещи и пострашнее. Но тогда для меня это значило очень много, я заплакал, попытался объяснить преподу, что произошло, но мне было дико стыдно, а он орал, так что я надел эти зассанные шорты с футболкой. В тот день я перестал переживать из-за того, что делают другие люди. Вообще перестал расстраиваться — из-за того, что я лузер, что у меня нет друзей... и все дела. Так что в целом, наверное, мне это пошло на пользу, но тогда я чувствовал себя просто кошмарно. Ну, вы представьте, я играю в волейбол или во что там в обоссанной майке, а Томми Хьюит похвально перед всеми своей выходкой. Хуже со мной ничего не было.

Лару моя история рассмешила.

— Майлз, изви-ини.

— Все нормально, — ответил я. — Главное, ты про себя тоже расскажи, чтобы и я посмеялся. — Я улыбнулся, и мы еще похохотали вместе.

— Мой лучши-ий день, наверное, был одновременно и-и худши-им. Потому что мне при-ишло все оставить. Ну, то есть, может, вам это покажется глупым, но и-и детство кончилось, ведь, как прави-ило, двенадцати-илетним не при-иходится разби-ираться с формами W-2.

— Что это за формы W-2? — не понял я.

— Вот об этом и-и речь. Налоговые документы. Так вот. Тот же самый день.

Я думал о том, что Ларе всегда приходилось говорить за родителей, и она не научилась говорить за себя. Я тоже это плохо умел. Эта важная черта была у нас общей, такой личный выверт, которого не было ни у Аляски, ни у кого другого, хотя по определению получалось, что мы с Ларой ничего друг другу сказать не могли. Так что, может, все дело было в предзакатном свете, блесевшем в ее темных, подкрученных наскоро волосах, но мне вдруг захотелось ее поцеловать; чтобы целоваться, говорить не обязательно, воспоминания о том, что меня вырвало ей на джинсы, после чего мы долго не разговаривали, растаяли как дым.

— Такуми, теперь твоя очередь.

— Худший день в моей жизни, — начал он, — девятое июня двухтысячного года. Умерла моя бабушка, которая жила в Японии. Она погибла в автокатастрофе. А я должен был лететь к ней через два дня. Я думал, что проведу все лето с ней и с дедушкой, а получилось, что прилетел на похороны, и это была наша первая встреча — до этого я видел ее только на фотографиях. Похороны проходили по буддистской традиции, ее кремировали, но до этого, ну, не по-буддистски все было. То есть... с религией там все сложно, немного буддизма, немного синтоизма, но вам это неинтересно, суть в том, что ее сожгли на этом самом... на погребальном костре. И вот представьте, я ее увидел впервые в жизни перед сожжением. Самый страшный день в моей жизни.

Полковник закурил сигарету, бросил ее мне, а для себя достал еще одну. Меня это пугало — когда он угадывал, что я хочу курить. Мы действительно были похожи на старую семейную пару. Мелькнула мысль и о том, что *неразумно бросаться зажженными сигаретами в сарае с сеном*, потом беспокойство прошло, но я искренне старался не стряхивать на сено пепел.

— Пока не ясно, кто победит, — высказался Полковник. — Еще соревнуемся. Твоя очередь, дружище.

Аляска лежала на спине, положив руки под голову. Она заговорила негромко и быстро, но тихий день уже превращался в еще более тихий вечер — зимой насекомых не стало, — и слышали мы ее хорошо.

— На следующий день после того, как мы с мамой съездили в зоопарк, где ей понравились обезьяны, а мне медведи, была пятница. Я вернулась домой из школы. Она обняла меня, велела идти учить уроки в свою комнату, пообещав, что потом можно будет посмотреть телик. Она сама сидела на кухне за столом, наверное, а потом вдруг как закричит, я выбежала, а мама упала на пол. Она тряслась, запрокинув голову. И я пересралась. Надо было девятьсот одиннадцать набрать, а я вместо этого раскричалась и расплакалась, через некоторое время мама перестала дергаться, и я подумала, что она уснула и что у нее прошло то, что заболело. И я просто сидела рядом с ней на полу, пока через час не пришел папа. Он закричал: «Почему ты девятьсот одиннадцать не вызвала?», попытался ей искусственное дыхание сделать, но она к тому времени уже совсем мертвая была. Аневризма. Самый плохой день. Я победила. Пейте.

И мы выпили.

С минуту все молчали, а потом Такуми спросил:

— Папа винил тебя в этом?

— Нет, когда первая реакция прошла, он ничего больше не говорил. Но винил, конечно. Как же иначе?

— Ты же совсем маленькая была, — не согласился он.

Я был настолько удивлен и смущен, что просто не мог ничего сказать, я пытался как-то соотнести это с тем, что Аляска говорила о своей семье раньше. Шутка про «тук-тук» — в шесть лет. Мама раньше курила — а теперь уже нет, очевидно.

— Да. Маленькая. Маленькие вполне могут девятьсот одиннадцать набрать. Они только этим и занимаются. Дай вина, — сказала она совершенно без эмоций. И стала пить, даже не приподняв голову.

— Извини, — сказал Такуми.

— Почему ты мне этого раньше не рассказала? — тихо спросил Полковник.

— Разговор на эту тему не заходил.

На этом вопросы закончились. *Что в такой ситуации еще скажешь, черт возьми?*

Тишина потом длилась очень долго, мы передавали вино по кругу, потихоньку пьянели, и я вдруг заметил, что думаю о президенте Уильяме Маккинли, это третий по счету американский президент, которого убили. Он прожил несколько дней после того, как в него стреляли, и под конец его

жена начала плакать и кричать: «Я тоже хочу уйти! Я тоже хочу уйти!» Собрав последние силы, Маккинли повернул к ней голову и ответил: «Мы все уходим».

Это событие было главным в жизни Аляски. Теперь я понял, что она имела в виду, когда прибежала в слезах, сокрушаясь о том, что она все портит. И кого она имела в виду, говоря, что всем делает только хуже. Для нее это было «всё» и «все», и я невольно представлял себе маленькую, худенькую восьмилетку с запачканными пальцами, которая смотрит на свою бьющуюся в конвульсиях маму. Потом Аляска садится рядом с ней; непонятно, умерла она уже или нет, я думаю, что дышать она к тому времени уже перестала, но еще не остыла. И пока над ней кружила смерть, малышка сидела рядом с ней в тишине. А потом, уже в нынешней тишине и опьянении, я вдруг представил, как Аляска тогда себя чувствовала — крайне беспомощной, ведь ей даже не пришлось в голову сделать то единственное, что она могла: вызвать «скорую». Мы со временем понимаем, что родители не могут ни сами спастись, ни спасти нас, что всех, кто попал в реку времени, рано или поздно подводным течением выносит в море, то есть, короче говоря, мы все уходим.

И она стала импульсивной, испугавшись своего бездействия настолько, что теперь, наоборот, никак не может уговориться. Когда Орел припугнул ее исключением, Аляска, наверное, назвала Марью, потому что ее имя первым пришло в голову, потому что ей совсем не хотелось, чтобы ее выгнали из школы, а мыслить ясно она была не в силах. Я уверен, что Аляска просто жутко перепугалась. Но, что важнее, может быть, еще больше она боялась того, что ее снова парализует страх.

«Мы все уходим», — сказал Маккинли жене, и, определенно, так оно и есть. Это как раз тот самый лабиринт страдания. Мы все уходим. Попробуй не застрять в тупике.

Ей я ничего этого не сказал. Ни тогда, и никогда. Мы ни разу больше к этой теме не возвращались. Но тот день стал еще одним из очень плохих дней, может, даже самым плохим. Ночь наступала, а мы продолжали пить и шутить.

Позднее, после того как Аляска при всех засунула пальцы себе в рот и проблевалась, потому что напилась настолько, что даже до леса идти не могла, я забрался в свой спальник. Рядом в своем мешке лежала Лара, почти касаясь меня. Я скользнул ладонью и накрыл краем своего спальника ее. Я коснулся ее руки. Я это почувствовал, хотя нас и разделяло два

спальных мешка. Мой план, который казался мне жутко хитрым, заключался в том, что я залезу под ее спальник и возьму ее за руку. План был хорош, но, когда я попытался выволить руку из своего мешка, в который я был закутан, как мумия, я так резко ее дернул, что она вылетела, как рыба из воды, и я чуть плечо не вывихнул. Лара смеялась — не со мной, надо мной, — но мы все еще не разговаривали. Пройдя точку, возврата из которой уже нет, я все же сунул руку в ее спальник, и она еле сдерживала нервный смех, когда я провел пальцами от ее локтя до запястья.

— Щекотно, — прошептала она. Вот и вся моя сексуальность.

— Извини, — ответил я.

— Нет, это при-иятно, — ответила Лара и взяла меня за руку.

Наши пальцы сплелись, и она сжала их покрепче. А потом повернулась ко мне и «поци-иловала» меня. Не сомневаюсь, что от нее несло дешевым вином, но я этого не замечал, да и от меня самого, я не сомневаюсь, несло и тем же дешевым вином и сигаретами, но она тоже этого не замечала. Мы целовались.

И я подумал: *Хорошо.*

И я подумал: *Я неплохо целуюсь. Совсем неплохо.*

И я подумал: *Я, определенно, целуюсь лучше всех за всю историю человечества.*

И вдруг Лара засмеялась и отстранилась от меня. Вытащив руку из спальника, она вытерла лицо.

— Ты мне нос наслюняви-ил, — сказала она и рассмеялась.

Я тоже засмеялся, стараясь создать у нее впечатление, что я как раз и намеревался ее рассмешить, наслюнявив ей во время поцелуя нос.

— Извини. — Если пользоваться Аляскиной системой уровней, то я за всю свою жизнь еще и пяти очков не набрал, так что это можно было списать на неопытность. — Для меня все это в новинку, — признался я.

— Ни-ичего, это было при-иятно, — сказала Лара, рассмеялась и снова меня поцеловала.

Вскоре мы уже целиком выбрались из спальников, тихонько лаская друг друга. Лара легла на меня, а я обнял ее за тонкую талию. Я чувствовал, как ее сиськи прижимаются к моей груди, она тихонько двигалась, обхватив меня ногами.

— С тобой хорошо, — прошептала она.

— Ты восхитительна, — ответил я и улыбнулся. В темноте я видел лишь очертания ее лица и большие круглые глаза, она хлопала ресницами, глядя на меня, и они едва не касались моего лба.

— Эй вы, любовнички, не могли бы вы потише, — громко сказал

Полковник. — А то остальные слишком пьяные и устали.

— Преимущественно пьяные, — протянула Аляска, словно у нее не было сил даже говорить.

Мы почти никогда не разговаривали, в смысле, Лара и я, и из-за Полковника даже теперь не могли. Так что мы продолжили тихонько целоваться и смеяться губами и глазами. Мы целовались так долго, что мне почти даже наскучило, и я прошептал:

— Хочешь быть моей девушкой?

А она ответила:

— Да, пожалуйста. — И улыбнулась.

Мы заснули вместе в ее спальнике, тесновато, признаться, но все равно хорошо. Ко мне во сне еще никто никогда не прижимался. Хороший был конец лучшего дня в моей жизни.

за день

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО, это я говорю условно, потому что на самом деле еще даже не рассвело, меня растолкал Полковник. Я обнимал Лару, как одеяло.

— Толстячок, надо идти. Поднимайся.

— Чувак. Мы спим.

— Поспишь, как вернемся. ПОРА ИДТИ! — прокричал он.

Хорошо, хорошо. Не вопи только. Башка болит. — Она действительно болела. В горле все еще стоял привкус гадкого пойла, а в голове стучало, как наутро после сотрясения. Казалось, что ко мне в рот забрался скунс и подох там. Я старался не дышать на Лару, пока она, еле координируя движения, выбиралась из мешка.

Мы быстренько собрали вещи, выбросили пустые бутылки в высокую траву — к сожалению, приходилось мусорить, потому что бросить тару от вина в урну мы не могли, — и пошли к школе. Лара схватила меня за руку, а потом стыдливо выпустила. Аляска выглядела так, как будто она только что с поезда, который потерпел крушение, но все же она вылила в свой холодный растворимый кофе последние капли «Земляничного холма», прежде чем швырнуть за спину бутылку.

— Надо похмелиться, — сказала она.

— Ты как? — спросил у нее Полковник.

— Бывало и лучше.

— Похмелье?

— Прямо как алкаш-проповедник в воскресное утро.

— Может, тебе не надо так много пить, — предположил я.

— Толстячок... — Аляска покачала головой и сделала маленький глоточек холодного кофе с вином. — Толстячок, ты должен кое-что насчет меня усвоить: я глубоко несчастный человек.

Мы шагали бок о бок по размытой грунтовке в сторону кампуса. Вскоре после моста Такуми остановился, ойкнул, опустился на четвереньки и вулканом изверг теплую желто-розовую жидкость.

— Выпускай все, — прокомментировала Аляска, — будет лучше.

Закончив, он поднялся и сообщил:

— Я наконец нашел то, что может остановить лису. Преодолеть «Земляничный холм» она не в состоянии.

Аляска с Ларой разошлись по комнатам, планируя показаться Орлу попозже, а мы отправились к нему прямо в 09:00. Полковник стучал в дверь, а мы с Такуми стояли у него за спиной.

— Вы рано вернулись. Хорошо провели время?

— Да, сэр, — ответил Полковник.

— Как мама, Чип?

— Хорошо, сэр. Она в отличной форме.

— Вас хорошо кормили?

— Да, сэр, — сказал я. — Она явно хотела, чтобы я потолстел.

— Тебе бы это действительно не помешало. Отдыхайте.

— Мне кажется, он ничего не подозревает, — сказал Полковник, когда мы возвращались в свою комнату. — Может, у нас действительно все классно получилось.

Я подумал о том, чтобы сходить к Ларе, но я чувствовал себя страшно уставшим, к тому же у меня было похмелье, так что я завалился спать.

В тот день ничего не произошло. Мне следовало заниматься чем-то экстраординарным. Высасывать из жизни ее костный мозг. Но в тот день я проспал восемнадцать часов из двадцати четырех возможных.

последний день

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО, в первый понедельник нового семестра, Полковник вышел из душа в тот самый момент, когда прозвонил мой будильник.

Я натянул ботинки, в дверь один раз постучали, и вошел Кевин.

— Хорошо выглядишь, — небрежно заметил Полковник.

У Кевина теперь был ежик, а по бокам, над ушами, красовались синие пятна. Он выпятил нижнюю губу — видимо, жевал табак уже с утра. Подойдя к нашему «ЖУРНАЛЬНОМУ СТОЛИКУ», Кевин взял банку колы и плюнул в нее.

— Ваш план едва не провалился. Я понял, что с кондиционером что-то не так, и сразу же все смыл. А в геле не заметил. На Джеффе вообще ничего не видно. А мы с Лонгвеллом — в синюю полоску, как морские пехотинцы. Слава богу, у меня ножницы есть.

— Тебе идет, — сказал я, хотя это было неправдой. Короткая стрижка подчеркивала черты его лица, особенно крохотные и слишком близко посаженные глазки. Полковник изо всех сил старался сохранять вид суровее — надо же быть готовым к тому, что соберется выкинуть Кевин, — но суровый вид дается нелегко, когда на тебе ничего нет, кроме оранжевого полотенца.

— Мир?

— Боюсь, на этом твои неприятности не закончатся, — ответил Полковник, имея в виду разосланные родителям отчеты, которых они еще не получили.

— Ладно. Как скажешь. Тогда позже поговорим, наверное.

— Наверное, да, — согласился Полковник. Когда Кевин шел к выходу, он добавил: — Забери банку, в которую плюнул, поросенок ты грязный. — Но Кевин молча закрыл за собой дверь.

Полковник схватил банку, открыл дверь и швырнул ее в Кевина, но сильно промахнулся.

— Боже, дай ему сдохнуть. Перемирие еще не достигнуто, Толстячок.

После обеда я пошел к Ларе. Мы изо всех сил кокетничали, хотя почти ничего друг о друге не знали и до сих пор практически не разговаривали. Мы просто обнимались-целовались. В какой-то момент она схватила меня за зад, и я чуть не подскочил. Я в то время лежал, так что подпрыгнул,

насколько мне позволяли возможности. Она извинилась, а я пояснил:

— Ничего страшного, просто после лебедя еще не совсем прошло.

Потом мы вместе пошли в комнату с теликом, я запер дверь. Мы сели смотреть сериал про семейку Брэди, Лара его раньше никогда не видела. Серия про то, как они поехали в какой-то заброшенный городок, где раньше велась добыча золота, и их всех запер в крошечной тюремной камере какой-то чокнутый старый золотоискатель с жидкой седой бородкой. Она была на редкость ужасной, и мы много ржали. Меня это радовало, потому что *говорить* нам было особо не о чем.

Когда семейку Брэди запирали в кутузку, Лара вдруг спросила ни с того ни с сего:

— Тебе когда-ни-ибудь ми-инет делали?

— Ну, ты меня и огорошила.

— При-и чем тут горох?

— Нет, это... ну как бы совсем с бухты-барахты было.

— С какой бухты?

— Ну, так говорят. Ну, вроде ни с того ни с сего. С чего ты вдруг об этом заговорила?

— Я просто не делала ни-икогда. — Голос ее звучал очень соблазнительно. Мне это показалось жутко бесстыдным. Я думал, что сейчас взорвусь. Я вообще о таком даже помыслить не мог. Ну, то есть, когда я слышал об этом от Аляски, это было одно. Но когда вдруг это предложили мне вкрадчивым румынским голоском...

— Нет, — ответил я, — не делали.

— Думаешь, тебе это понравится?

ПОНРАВИТСЯ ЛИ МНЕ?!?!?!?!?!?

— Гм... Да. Ну, то есть я тебя не обязываю.

— Мне кажется, мне хотелось бы попробовать, — сообщила Лара, мы немного поцеловались, а потом...

А потом я сидел смотрел «Семейку Брэди», Марша дурачилась, как и полагается приличной Брэди, а Лара тем временем расстегнула мне ширинку, приспустила трусы и извлекла мой пенис.

— Ого, — сказала она.

— Что?

Она подняла глаза на меня, но не сдвинулась с места, ее лицо едва не касалось моего члена.

— Он такой странный.

— Что значит *странный*?

— Ну, наверное, просто большой.

Ну, такую странность я мог пережить. А потом она обхватила его рукой и засунула в рот.

И замерла.

Мы оба совершенно не двигались. У меня не пошевелился ни один мускул в теле, у нее тоже. Я осознавал, что все должно было быть как-то по-другому, но не знал как именно.

Лара так и не двигалась. Дышала она как-то беспокойно. Целых четыре минуты — а именно за это время Брэди выкрали ключи и сбежали из тюрьмы в том самом заброшенном городке — она просто лежала, держа во рту мой член. А я сидел и ждал.

Потом она его вынула и вопросительно посмотрела на меня:

— Мне надо что-то делать?

— Гм... Не знаю, — ответил я. Все, что мы с Аляской видели в порнухе, резко вылетело из головы. Я подумал, что, может, ей следует двигать головой вверх-вниз, но вдруг она задохнется? Так что я промолчал.

— Может, надо покусывать?

— Не надо! В смысле, думаю, что не в этом смысле. Кажется... ну, то есть мне было приятно. Хорошо. Я не знаю, должно ли там быть что-то еще.

— То есть ты не...

— Гм... Может, Аляску спросить.

Мы пошли к Аляске и спросили у нее. А она расхохоталась и не могла остановиться. Она ржала, сидя на кровати, до слез. Потом ушла в ванную и вынесла оттуда тюбик с зубной пастой — и показала нам, как надо. В подробностях. Мне, как никогда ранее, захотелось стать «Колгейтом».

Мы с Ларой вернулись в ее комнату, и она сделала в точности так, как ей сказала Аляска, а я почувствовал себя в точности так, как Аляска предсказывала: я кончился тысячей смертей в настоящем экстазе, руки сжались в кулаки, все тело дрожало. Это был мой первый оргазм с девочкой, но вскоре я смутился и занервничал, и Лара, очевидно, тоже. Потом она наконец нарушила тишину:

— Ну что, уроки-и поделаем?

В первый день семестра нам еще почти ничего не задали, но она стала читать текст по английскому. А я взял с полки Лариной соседки биографию аргентинского революционера Че Гевары — стену украшал постер с его портретом. И лег рядом с ней на нижний этаж кровати. Я начал с конца: я иногда так делаю, когда не планирую читать всю биографию целиком, — и без особого труда отыскал предсмертное высказывание. Когда его взяли в плен боливийцы, Че Гевара сказал: «Ну, стреляй, трус. Всего лишь человека

убьешь». Я вспомнил последние слова Симона Боливара из романа Маркеса: «Как же я выйду из этого лабиринта?!» Похоже, у этих революционеров из Южной Америки прирожденная способность умирать. Я зачитал цитату Ларе. Она повернулась на бок и положила голову мне на грудь:

— Почему ты так и-интересуешься предсмертными словами-и?

Как ни странно, я о причинах никогда не задумывался.

— Не знаю, — ответил я, положив руку ей на поясницу. — Иногда они просто забавные. Например, когда шла Гражданская война, генерал Седжвик сказал вот что: «С такого расстояния они даже слона не подстре...», и тут в него попали. — Лара рассмеялась. — Но часто в смерти людей можно увидеть их жизнь. Последние слова показывают, что это за человек был при жизни, почему он прославился настолько, что кто-то записал его биографию. Понятно я говорю?

— Да, — сказала она.

— Да? Просто «да»?

— Да, — повторила Лара и продолжила чтение.

Я не знал, как с ней разговаривать. Эта попытка меня расстроила, так что через некоторое время я встал.

И поцеловал ее на прощание. Хотя это я сделать мог.

У себя в комнате я застал Аляску с Полковником, и мы пошли к мосту, где я снова поведал свой катастрофический опыт фелляции в мельчайших подробностях.

— Не могу поверить, что она у тебя дважды за день взяла, — сказал Полковник.

— По сути, один раз. На самом деле один, — поправила Аляска.

— Да все равно. Ну... Все равно. Толстячку на дудочке поиграли.

— Бедный Полковник, — сказала Аляска с жалостливой улыбкой. — Я бы сделала тебе минет из сострадания, но я все же слишком привязана к Джейку.

— Ужас какой, — сказал Полковник, — тебе только с Толстячком полагается флиртовать.

— Но у Толстячка теперь есть па-адру-ужка! — И она засмеялась.

Вечером мы с Полковником пошли в комнату Аляски — отметить успех «Ночи в сарае». Она с Полковником последние пару дней только и праздновала, а у меня сил взбираться на «Земляничный холм» не было, поэтому я просто сидел и жевал крендельки, пока они пили вино из

бумажных стаканчиков с цветочками.

— Мы уже не из бутылки хлещем, — отметил Полковник. — Серьезными людьми становимся.

— Это старинный южный алкоконкурс, — ответила Аляска. — Мы сегодня устроим Толстячку вечер из жизни настоящих реднеков: будем пить по стаканчику, один за другим, пока слабак не упадет.

Именно так они и сделали, поднявшись только в 23:00 выключить свет — чтобы Орел не прилетел. Они немного болтали, но в основном пили, я как-то отключился от разговора и принялся в темноте разглядывать корешки книг из «Библиотеки жизни Аляски». Даже после мини-потопа, из-за которого она потеряла какую-то часть своей коллекции, я мог бы одни названия читать до утра. На одну из стопок она необдуманно поставила пластиковую вазу с солидным букетом белых тюльпанов, и я поинтересовался, откуда они, а она мимоходом ответила: «У нас с Джейком годовщина»; подробностями на эту тему я решил не интересоваться и продолжил изучать корешки, думая о том, что мне делать со знанием последних слов Эдгара Алана По (к вашему сведению: «Господи, спаси мою бедную душу»), и вдруг мое внимание привлекли слова Аляски:

— Толстячок нас даже не слушает.

А я возразил:

— Слушаю.

— Мы говорили про игру «Правда или действие». Она для семиклассников или до сих пор годится?

— Я не играл ни разу, — признался я. — У меня в седьмом классе друзей не было.

— Тогда решено! — прокричала она несколько громковато, если учесть поздний час, да еще и тот факт, что она в открытую пила вино в собственной комнате. — Правда или действие!

— Хорошо, — согласился я, — только с Полковником я обниматься не буду.

Полковник сидел в углу, скрючившись:

— Я тоже не могу обниматься. Слишком напился.

И Аляска начала:

— Толстяк, правда или действие?

— Действие.

— Возьми меня.

И я повиновался.

Вот так сразу. Я нервно рассмеялся, а Аляска приблизилась ко мне, наклонила голову, и мы поцеловались. Между нами — ноль слоев ткани.

Наши языки, танцуя, перемещались то в мой рот, то в ее, пока не осталось ни моего рта, ни ее рта — они сплелись в один общий рот. Вкус сигарет, «Маунтин дью», вина и бальзама для губ. Она коснулась рукой моего лица, провела нежными пальцами по подбородку. Мы опустились на кровать, не переставая целоваться, Аляска сверху, а я начал двигаться, лежа под ней. На миг я отстранился и спросил: «Что тут происходит?», а она прижала палец к собственным губам, и мы продолжили целоваться. Потом она схватила мою руку и положила ее себе на живот. Я осторожно перевернул ее и лег сверху, ощутив рукой плавный изгиб ее спины.

Я снова отстранился:

— А Лара? А Джейк? — Но Аляска снова сказала «тсс...».

— Языком болтай поменьше, а губами побольше, — велела она, и я старался, как мог. Я думал, что язык — главное, но она была экспертом в этом деле.

— Боже, — вдруг довольно громко сказал Полковник. — Как эта тварь, драма, любит разворачиваться по ночам.

Но мы не стали обращать на него внимание. Аляска передвинула мою руку с талии на грудь, и я принялся осторожно ее ощупывать, медленно запустив пальцы под майку, но все же поверх лифчика, сначала я просто осторожно провел рукой, а потом сложил руку чашечкой и тихонько сжал.

— Это у тебя хорошо получается, — прошептала она, не отрываясь от меня губами. Мы двигались вместе, я лежал у нее между ног.

— Так прикольно, — снова прошептала Аляска, — но я жутко спать хочу. Продолжим потом?

Она снова меня поцеловала, я изо всех сил старался продлить этот поцелуй, а потом она выбралась из-под меня, положила мне голову на грудь и немедленно заснула.

Секса у нас не было. Мы даже не разделись. Я не касался ее груди без лифчика, а ее руки не опускались ниже моих бедер. Но это было не важно. Она уснула, а я прошептал:

— Я люблю тебя, Аляска Янг.

Когда я сам был на грани сна, заговорил Полковник:

— Чувак, ты что, только что лапал Аляску?

— Да.

— Это плохо кончится, — сказал он сам себе.

А потом я заснул. Глубоким сном, сохранив на языке ее вкус, — таким сном, который практически не дает отдыха, но от которого не менее тяжело проснуться. А потом я услышал, как звонит телефон. Кажется. И по-моему, хотя я не знаю наверняка, Аляска встала. Мне кажется, я слышал, как она

вышла. По-моему. И как долго ее не было — узнать нельзя.

Но и я, и Полковник проснулись, когда она вернулась, когда бы это ни произошло, потому что Аляска со всех сил шарахнула дверь. Она рыдала, как и тогда, на утро после Дня благодарения, только еще сильнее.

— Мне надо уехать! — крикнула она.

— Что случилось? — спросил я.

— Я забыла! Господи, ну сколько можно быть таким говном? — сказала она. Я даже не успел задуматься о том, что именно она забыла, потому что она снова закричала: — МНЕ НАДО УЕХАТЬ! ПОМОГИТЕ МНЕ!

— Куда?

Она села, опустила голову на колени, рыдая:

— Пожалуйста, отвлеките Орла, чтобы я могла уехать. Прошу вас.

Я и Полковник, одновременно, одинаково повинные, сказали:

— Ладно.

— Только фары не включай, — предупредил он. — Веди очень медленно и не включай фары. Ты точно в состоянии?

— Черт! — выругалась Аляска. — Просто возьмите Орла на себя. — Она рыдала чуть не в голос, как ребенок. — Господи, прости меня.

— Так, — ответил Полковник, — заводи машину, когда начнется вторая.

И мы пошли.

Мы не сказали: *Не садись за руль — ты пьяная.*

Мы не сказали: *Ты слишком расстроена, в машину мы тебя в таком состоянии не отпустим.*

Мы не сказали: *Мы поедem с тобой, и никак иначе.*

Мы не сказали: *До завтра подождет. Все что угодно — абсолютно что угодно — подождет.*

Мы пошли в ванную и достали из-под раковины три оставшиеся связки петард, а потом побежали к дому Орла. Хотя и не были уверены, что второй раз сработает.

Но сработало вполне. Орел выскочил из дома, как только загремела первая связка петард — наверное, он нас поджидал, — мы бросились в лес и завели его довольно глубоко, он точно не мог услышать машину. Потом мы повернули обратно, перебрались через ручей, чтобы побыстрее, забрались в сорок третью через окно и заснули сном младенца.

после

на следующий день

ПОЛКОВНИК СПАЛ БЕСПОКОЙНЫМ алкоголическим сном, а я лежал на нижней полке на спине, мои губы покалывало, я чувствовал себя так, будто тот поцелуй еще не закончился. Мы бы, вероятнее всего, проспали уроки, если бы в 08:00 нас не разбудил Орел, трижды постучав в дверь. Пока я переворачивался на бок, он открыл дверь, и в комнату хлынул утренний свет.

— Всем собраться в спортзале. — Я посмотрел на него, сощурившись: спящее солнце было прямо у него за спиной, так что лица я рассмотреть не мог. — Сейчас же, — добавил Орел.

И я все понял. Нам крышка. Нас поймали. Слишком много было разослано писем с отчетами. И слишком много выпито за слишком короткий период времени. Зачем было еще вчера продолжать? Вдруг снова вернулось ощущение ее прикосновения, аромат вина, сигарет, бальзама для губ и Аляски. Я задумался: она сделала это потому, что напилась? *Только не выгоняйте меня, взмолился я. Не надо, пожалуйста. Мы только начали целоваться.*

И, словно отвечая на мои мольбы, Орел добавил:

— Неприятностей у вас не будет. Просто поскорее соберитесь в спортзале.

Сверху заворочался Полковник:

— Что случилось?

— Нечто ужасное. — С этими словами Орел закрыл за собой дверь.

Подняв с пола джинсы, Полковник рассказал:

— Так уже было пару лет назад. Когда скончалась жена Хайда. А теперь, наверное, сам старик. Бедолага, его дни действительно были уже сочтены. — Он поднял взгляд на меня — его красные глаза были едва приоткрыты, он зевнул.

— У тебя, похоже, небольшое похмелье, — заметил я.

Полковник закрыл глаза:

— Да? Значит, я хорошо притворяюсь, Толстячок. Похмелье на самом деле страшное.

— Я с Аляской целовался.

— Ну да. Я не *настолько* напился. Идем.

И мы направились к спортзалу. Я нарядился в мешковатые джинсы, толстовку натянул прямо на голое тело, а на голове была модная

лохматость — я просто решил не расчесываться. Все учителя ходили по общагам и созывали нас в спортзал. Среди них не было только доктора Хайда. Я вообразил, что он лежит дома мертвый, подумал — интересно, кто его нашел, как вообще кто-то узнал, что он не придет, еще до того, как начались уроки?

— Я не вижу Хайда, — сообщил я Полковнику.

— Бедолага.

Когда мы пришли, спортзал уже был наполовину забит. В центре баскетбольной площадки, поближе к трибунам, поставили кафедру. Я уселся во втором ряду, а Полковник — прямо передо мной. Мои мысли раздваивались — мне было грустно из-за Хайда и жутко волнительно из-за Аляски, я вспоминал ее губы крупным планом, когда она прошептала: «Продолжим потом?»

Мне и подозрений никаких таких в голову не закралось, даже когда в зал вошел Хайд, медленно, малюсенькими шажками, двигаясь в нашу сторону.

Я похлопал Полковника по плечу и сказал:

— Вон Хайд.

— Черт!

— Почему?

— Аляска где?

— Нет, — ответил я.

— Толстячок, она тут или нет? — спросил он.

И тогда мы оба встали и принялись осматривать трибуны.

Орел поднялся на подиум и спросил:

— Все собрались?

— Нет, — ответил я. — Аляски нет.

Орел опустил глаза:

— А остальные все?

— Аляски нет!

— Ясно, Майлз. Спасибо.

— Без Аляски нельзя начинать.

Орел посмотрел на меня. Он беззвучно плакал. По его щекам, подбородку катились слезы, падая на вельветовые брюки. Он уставился на меня, но не своим фирменным Роковым Взглядом. Он часто моргал, слезы лились, и выглядел он, боже ж ты мой, таким жалким.

— Сэр, прошу вас, — снова сказал я, — давайте подождем Аляску. — Я чувствовал, что все смотрят на нас, пытаюсь осознать то, что я уже понял, но во что поверить еще не мог.

Орел снова опустил взгляд и прикусил нижнюю губу.

— Ночью Аляска попала в аварию. — Слезы полились еще сильнее. — Она погибла. Ее больше нет.

На миг весь зал смолк, тут никогда не было так тихо, даже перед тем, как Полковник отпускал коронную шутку по поводу баскетболиста у штрафной. Я уставился на его затылок. Просто тупо таращился на его густые волосы. Такая тишина воцарилась, что было слышно, как другие затаили дыхание, это был вакуум ста девяноста задыхающихся школьников.

И я подумал: *Это я виноват.*

И я подумал: *Мне нехорошо.*

И я подумал: *Меня сейчас вырвет.*

Я встал и выбежал из зала. Добрался до мусорного бака, стоявшего в полутора метрах от двери, и буквально нырнул в пластиковые бутылки и какой-то недоеденный бургер из «Макдоналдса». Но почти ничего из меня не вышло. Я нависал над ведром, живот напрягся, мышцы горла непроизвольно сокращались, из глотки рвались утробные звуки, буэ-э-э-э, это было очень похоже на рвоту и никак не прекращалось. Когда выдавался секундный перерыв, я со всех сил втягивал в легкие воздух. Ее губы. Теперь они мертвые и холодные. И мы уже не продолжим. Я понимал, что она была пьяна. И чем-то расстроена. Нельзя же разрешать человеку садиться за руль, когда он пьян и настолько не в себе. *Очевидно*, что нельзя. Да боже, Майлз, что с тобой не так? И тут наконец из меня хлынула блевота, заливая мусор. Это было все, что осталось от нее у меня во рту, — и теперь оно в мусорке. И вот снова, и еще, а потом я беру себя в руки — все, успокойся, серьезно, она не умерла.

Не умерла. Она жива. Она где-то есть. В лесу. Аляска спряталась в лесу, она не умерла, она просто скрывается. Она решила подшутить. Это Прикол Аляски Янг Повышенной Крутости. Это Аляска, как она есть: веселая, заводная девчонка, не умеющая вовремя затормозить.

И мне стало намного лучше, ведь она не умерла.

Я вернулся в спортзал, все были в той или иной мере не в себе. Сцена напомнила мне передачу по телику, вроде репортажа «Нэшнл джиогрэфик» о похоронных ритуалах в какой-то чужой культуре. Я увидел Такуми — он стоял рядом с Ларой, положив ей руки на плечи. Кевин уткнул свою голову со стрижкой-ежиком в колени. Девчонка по имени Молли Тэн, которая ходила с нами на математику, была в голос, колотя себя кулаками по бедрам. Я всех этих людей вроде бы и знал и в то же время не знал, и всем

им было плохо. А потом я увидел Полковника, он лег на бок, поджав колени к груди, а рядом с ним сидела мадам О'Мэлли, протянув руку к его плечу, но не отважившись дотронуться до него. Полковник кричал. Он вдыхал, а потом орал. Вдыхал. Орал. Вдыхал. Орал.

Поначалу мне показалось, что он просто кричит. Но через некоторое время я уловил ритм. Я понял, что это не просто вопль, а слова. Он говорил: «Прости меня».

Мадам О'Мэлли взяла его за руку:

— Чип, ты ни в чем не виноват. Ты ничего не мог поделать. — Если бы она только знала правду.

А я стоял и смотрел на все это, и вспоминал ее живую, а потом кто-то взял меня за плечо, я повернулся и увидел Орла. Я сказал:

— По-моему, это она глупо пошутит.

А он ответил:

— Нет, Майлз, ты ошибаешься. Мне очень жаль.

У меня вспыхнули щеки.

— Нет, она молодец. Она могла все подстроить.

А он:

— Я ее видел. Мне очень жаль.

— Что произошло?

— Кто-то баловался в лесу петардами, — ответил он, и я крепко закрыл глаза, неотвратимо осознавая: я ее убил. — Я побежал за ними, а она в это время, наверное, уехала из кампуса. Было поздно. Она отъехала недалеко на юг по трассе I-65. А там поперек дороги встал грузовик с прицепом: с ним что-то случилось. На место уже приехала полиция. И она врезалась в их машину, даже не повернув руль. Я полагаю, что она очень много выпила. Полицейские сказали, что они по запаху поняли.

— А откуда вы знаете? — спросил я.

— Я ее видел, Майлз. И разговаривал с полицейскими. Смерть наступила мгновенно. Она ударилась грудью в руль. Мне очень жаль.

Я переспросил, видел ли он ее, и он сказал «да», я спросил, как она выглядела, он ответил, что только кровь из носа немного шла, и я опустился на пол. Я помню, что Полковник еще кричал, помню, что, когда я скрючился, мне положили руку на спину, но видел я лишь ее — голую на металлическом столе, из ее маленького, как слезинка, носика тонкой струйкой вытекла кровь, зеленые глаза открыты, смотрят куда-то в пустоту, губы чуть изогнуты, легкий намек на улыбку, а ведь она была такой теплой, ее губы — такими нежными и сладкими.

Мы с Полковником молча возвращаемся к себе в комнату. Я смотрю под ноги. Не могу перестать думать о том, что она мертва, и не могу перестать думать о том, что она просто не может быть мертва. Люди так просто не умирают. Я не могу дух перевести. Мне страшно, как будто меня предупредили, что вломят мне после школы, а сейчас уже шестой урок и я прекрасно осознаю, что меня ждет. Сегодня очень холодно — мороз в буквальном смысле слова, — и я думаю о том, что надо бы побежать к речушке и нырнуть в нее головой вперед, а там так мелко, что я руки обдеру о камни, тело погружается в холодную воду, сначала шок, потом я цепенею, и я останусь там, и вода унесет меня сначала в Кахабу, потом в Алабаму, потом в залив Мобайл, потом в Мексиканский залив.

Я хочу слиться с сухой и хрустящей на морозе травой, по которой ступаем мы с Полковником, молча шагая в свою комнату. У него такие большие ступни, слишком большие для его малого роста, и его банальные кеды — новые, которые пришли на смену старым, тем, в которые нассали, — больше похожи на клоунские ботинки. Я вспоминаю Аляскины шлепанцы и синие ногти на пальцах — в тот первый день, когда мы сидели на качелях у озера. Ее будут хоронить в открытом гробу? В похоронном бюро смогут воссоздать ее улыбку? Я все еще слышал ее голос: «Так прикольно, но я жутко спать хочу. Продолжим потом?»

Последние слова жившего в девятнадцатом веке священника Генри Уорда Бичера были: «А теперь начинается неизведанное». Поэт Дилан Томас, который любил надраться не меньше самой Аляски, сказал: «Я выпил восемнадцать стаканов неразбавленного виски. Уверен, что это рекорд», а потом умер. Любимый драматург Аляски, Юджин О'Нил: «Я родился в отеле, и умру, черт его побери, в отеле». Даже жертвы автокатастроф иногда успевают что-то сказать, например принцесса Диана: «Боже. Что случилось?» Актер Джеймс Дин: «Жаль, они нас не видят», — и после этого его «порше» влетел в другую машину. Я читал, что сказали перед смертью многие. А что сказала она — не узнаю никогда.

Я обогнал его на несколько шагов — и только тогда осознал, что Полковник рухнул на землю. Я поворачиваюсь и вижу, что он лежит животом вниз.

— Надо встать, Чип. Надо встать. Надо до комнаты дойти.

Он поднимает голову с земли, смотрит мне прямо в глаза и отвечает:

— Я. Не могу. Дышать.

Но на самом деле он *может*, он, наоборот, дышит слишком глубоко и

часто, словно пытается вдохнуть воздух в то, что умерло. Я пытаюсь его поднять, он вцепляется в меня и начинает реветь — и опять говорит:

— Это же я виноват. — И повторяет это снова и снова.

Мы, то есть я и Полковник, раньше никогда не обнимались, но говорить сейчас незачем, потому что ему положено чувствовать себя виноватым, и я кладу ему руку на затылок и говорю единственную верную в тот момент вещь:

— Я тоже виноват.

через два дня

Я ВСЮ НОЧЬ НЕ УСНУЛ. Рассвет не спешил, но, даже когда он наступил и яркое солнце пробилось сквозь жалюзи, теплее не стало, наша жалкая батарея еле грела, и мы с Полковником безмолвно пересели на диван. Он читал свой альманах.

Накануне вечером я набрался смелости и позвонил родителям. Когда я скажу: «Привет, это Майлз», а мама спросит: «Что случилось? Все в порядке?», я буду иметь полное право ответить ей, что все плохо. Трубку взял папа.

— Что случилось? — спросил он.

— Не кричи, — сказала мама.

— Я не кричу, просто связь такая.

— Так говори потише, — ответила она, в общем, до меня очередь дошла не сразу, а когда дошла, я не сразу смог собрать слова в предложение — моя подруга Аляска погибла в автокатастрофе. Я тупо смотрел на цифры и слова, накорябанные на стене возле телефона.

— Господи, Майлз, — воскликнула мама, — я тебе сочувствую, сынок. Хочешь домой приехать?

— Нет, — ответил я. — Я не хочу отсюда уезжать... Я просто поверить не могу. — Это до сих пор в каком-то смысле было правдой.

— Ужасно, — сказал папа, — бедные родители девочки.

Бедный родитель, я вспомнил об ее отце. Я даже представить себе не могу, что было бы с моими, если бы умер я. Пьяный, за рулем. Боже мой, если бы ее отец узнал, как все было, он бы нам с Полковником кишки выпустил.

— Как нам тебе помочь? — поинтересовалась мама.

— Мне было важно, чтобы вы к телефону подошли. Я хотел, чтобы кто-то снял трубку, и вы сняли. — У меня за спиной кто-то шмыгнул носом — то ли от холода, то ли от переживаний, — и я сказал родителям: — Тут очередь к телефону. Я пойду.

А ночью меня парализовало, я молчал, я был в ужасе. Чего я так боялся? Все уже случилось. Она умерла. Я помню ее теплую, нежную кожу, помню, как соприкоснулись наши языки, как она смеялась, учила меня, хотела, чтобы у меня получалось лучше, обещала продолжение. А теперь что?

Теперь она с каждым часом становится все холоднее, с каждым моим

дыханием смерть все больше отвоевывает ее. Я подумал: *Вот о чем мой страх: я утратил нечто важное, и я не могу обрести это снова, хотя оно мне очень нужно. Это все равно как если потеряешь очки, пойдешь в оптику, а тебе там скажут — во всем свете очков больше нет, придется тебе как-то жить без них.*

Когда время близилось к восьми утра, Полковник объявил в пустоту:

— Думаю, сегодня на обед будут жарито.

— Да, — согласился я. — Ты есть хочешь?

— Боже, да нет. Понимаешь, это она им название придумала. Когда мы приехали, это называлось жареным буррито. А Аляска стала говорить «жарито». А за ней и все остальные, а потом даже Морин официально поменяла название. — Он помолчал. — Майлз, я не знаю, что делать.

— Да. Я понимаю.

— Я выучил все столицы, — объявил он.

— Штатов?

— Нет. Это пятый класс. Всех стран. Назови любую.

— Канада, — сказал я.

— Потруднее.

— Гм... Узбекистан?

— Ташкент. — Он даже не задумался ни на секунду. Ответил на автомате, словно ждал, что я именно Узбекистан назову. — Пойдем покурим.

Мы закрылись в ванной и включили душ, Полковник достал из кармана джинсов коробок и чиркнул спичкой. Она не зажглась. Он пробовал еще и еще, но не получалось, он ударял по коробку со все увеличивающейся яростью, а потом наконец бросил коробок на пол и закричал:

— ЧЕРТ!

— Все нормально, — успокоил его я и сунул руку в карман в поисках зажигалки.

— Нет, Толстячок, ненормально, — возразил он, бросил сигареты и встал, внезапно выйдя из себя. — Черт возьми! Господи, как это могло случиться? Почему она такая глупая? Она никогда ни о чем не думала. Слишком, блин, импульсивная. Боже! Ненормально это. Я поверить не могу, неужели она *настолько* ничего не соображала?

— Мы должны были ее остановить, — сказал я.

Он протянул руку, чтобы выключить едва капающий душ, а потом принялся лупить ладонью по стене:

— Да я знаю, что должны были, черт возьми. Я отлично, блядь, осознаю, что надо было ее остановить, на фиг. Но неправильно это «надо». За ней же приходилось смотреть, как за *трехлетней*. Чуть ошибся — и она умерла. О, господи! Крыша едет. Пойду прогуляюсь.

— Хорошо, — ответил я, постаравшись произнести это как можно спокойнее.

— Извини, — добавил он. — Мне так паршиво. Как будто сам могу сдохнуть в любой момент.

— Можешь, — подтвердил я.

— Да. Ага. Могу. Не ровен час. Просто. Так вот. *БДЫШЦ*. И тебя нет.

Я вышел в комнату вслед за ним. Полковник взял со своей постели альманах, застегнул куртку, закрыл дверь — и *БДЫШЦ*. Его не стало.

Новый день привел посетителей. Через час после того, как ушел Полковник, объявился наш местный нарик, Хэнк Уолстен, и предложил мне травки, я любезно отказался. Хэнк обнял меня и сказал:

— Ну, хотя бы это случилось быстро. Хотя бы без боли.

Я знаю, что он хотел помочь, но он не мог понять. Боль была. Тупая и непрекращающаяся боль в моем животе, которая никак не хотела уходить, даже когда я опускался на четвереньки на ледяной пол душевой, задыхаясь от рвотных спазмов.

Да и вообще, что такое «быстрая» смерть? «Быстро» — это сколько времени? Секунда? Десять? И за это время она наверняка испытала ужасную боль: сердце остановилось, легкие лопнули, к мозгу не поступала ни кровь, ни кислород — в голове остался только один первобытный ужас. Насколько быстро, черт его побери? Нет ничего быстрого. «Быстрый рис» — пять минут. «Быстрый пудинг» — целый час. И я не думаю, что даже миг чудовищной боли кажется «быстрым» тому, кто ее испытывает.

Жизнь у нее перед глазами успела промелькнуть? Меня она в этом ролике увидела? А Джейка? Она пообещала, я помню, пообещала, что мы продолжим, но я также знал, что она умерла по пути на север, она ехала в сторону Нэшвилла, где живет он. Может быть, это для нее ничего не значило, просто очередной импульс. Хэнк стоял в дверях, а я смотрел вдаль, не замечая его, на невероятно притихший кампус и думал о том, придала ли она этому какое-то значение, и надеялся, что конечно же да, она же обещала. Что мы продолжим.

Потом пришла Лара с опухшими глазами.

— Что случи-илось? — спросила она, когда я обнял ее и, встав на

цыпочки, положил подбородок ей на макушку.

— Не знаю, — ответил я.

— Ты ее ви-идел накануне? — проговорила она мне в ключицу.

— Она напилась, — рассказал я. — Мы с Полковником спать пошли, а она, похоже, уехала. — И это стало нашей официальной ложью.

Я почувствовал, как ее мокрые от слез пальцы прижались к моей ладони, и, не успев подумать как следует, я отвел руку:

— Извини.

— Все нормально. Я буду у себя, заходи-и, если хочешь.

Но я не зашел. Я не знал, что ей говорить, оказавшись в любовном треугольнике, одна сторона которого умерла.

Днем мы снова собрались в спортзале. Орел сказал, что закажут автобус и в воскресенье мы поедем в Вайн-Стейшн на похороны. Когда все встали, я заметил, что Такуми с Ларой направляются в мою сторону. Встретившись со мной взглядом, Лара робко улыбнулась. Я тоже улыбнулся ей, но потом поспешно развернулся и скрылся в толпе скорбящих, спешащих выйти из спортзала.

Я сплю, в комнату залетает Аляска. Голая и целая. Ее полные груди, которые я только немного пощупал в темноте, просто светятся. Она склоняется ко мне, я кожей лица чувствую тепло и аромат ее дыхания, оно похоже на ветерок в высокой траве.

— Привет, — говорю я, — я скучал.

— Ты хорошо выглядишь, Толстячок.

— Ты тоже.

— Я совсем голая, — отвечает она со смехом. — Как это получилось?

— Я очень хочу, чтобы ты осталась.

— Нет. — И наваливается на меня всем своим весом, ломая мне грудную клетку, лишая меня дыхания, — она холодная и мокрая, как тающий лед. Голова у нее расколота надвое, из трещины в черепе течет розово-серая грязь, капая мне на лицо. От нее воняет формальдегидом и гнилью.

Меня опять чуть не рвет, я в ужасе сбрасываю с себя ее тело.

Я проснулся, рухнув с кровати на пол. Слава богу, мое место снизу. Я продрых четырнадцать часов. Снова было утро. Наверное, среда, подумал я. Похороны в воскресенье. Я гадал, вернется ли к тому времени Полковник и где он вообще. Он *обязан* был вернуться, потому что я не могу

пойти один, а идти с кем-то, кроме Полковника, все равно что одному.

В дверь ломился холодный ветер, деревья за окном качались с такой силой, что я их скрип слышал в комнате. Я сел на кровать и подумал о Полковнике, который, наверное, идет сейчас куда-то, опустив голову и стиснув зубы, сопротивляясь этому ветру.

через четыре дня

В ПЯТЬ ЧАСОВ УТРА я читал биографию исследователя Мериуэзера Льюиса (экспедиция Льюиса и Кларка), чтобы не заснуть, и тут вдруг дверь открылась, и вошел Полковник.

Его бледные руки дрожали, альманах, который он держал, дергался, как марионетка без веревочек.

— Замерз? — спросил я.

Он кивнул, скинул кроссовки и забрался в мою постель на нижней полке, укрывшись одеялом. Он выстукивал зубами что-то наподобие морзянки.

— Господи. Ты в порядке?

— Уже лучше. Мне теплее, — ответил он. Из-под одеяла показалась его призрачно-белая крохотная ладонь. — Возьми меня за руку, пожалуйста.

— Хорошо, но на большее не рассчитывай. Целовать я тебя не буду. — Стеганое одеяльце затряслось от смеха. — Где ты был?

— Ходил в Монтевалло.

— Это же шестьдесят километров?!

— Шестьдесят три, — поправил меня Полковник. — То есть шестьдесят три туда, шестьдесят три обратно. Сто двадцать три. Нет. Сто двадцать шесть. Да. Сто двадцать шесть километров за сорок пять часов.

— И что там такого эдакого в этом сраном Монтевалло? — поинтересовался я.

— Да ничего особенного. Я просто шел, пока совсем не замерз, а потом повернул обратно.

— Ты не спал?

— Нет! Сны невыносимы. Она там больше даже на себя не похожа. И я уже не помню, как она выглядела на самом деле.

Я отпустил его руку, схватил Полковников прошлогодний фотоальбом и нашел Аляску. На этом черно-белом снимке она была в своей оранжевой маечке и темных джинсах, доходивших до середины ее тощих бедер, рот раскрыт — фотограф поймал мгновение, когда она смеялась, схватив левой рукой Такуми за шею. Волосы спадают, закрывая щеки.

— Да, — сказал Полковник, — точно. Я так уставал от того, что она могла психануть без причины. Она вдруг мрачнела и заводила песню о каком-то идиотском грузе трагедии... или как там она это формулировала,

но никогда не говорила, что именно было плохо, никогда не объясняла *причину* своего поганого настроения. Меня бросила девчонка — мне грустно. Меня застукали с сигаретой — мне фигово. Голова болит — я бешусь. А у нее *причин* не было, Толстячок. Я так устал от ее сцен. И я позволил ей уйти. Господи боже мой!

Меня иногда тоже доставали ее перепады настроения, но не в ту ночь. В ту ночь я отпустил ее, потому что она так сказала. Это было так незамысловато — и так тупо.

Ручка у Полковника была очень маленькой, я снова сжал ее покрепче. В меня проникал его холод, а в него — мое тепло.

— Я еще численность населения запомнил, — сообщил он.

— Узбекистан.

— Двадцать четыре миллиона семьсот пятьдесят пять тысяч пятьсот девятнадцать.

— Камерун, — продолжил я, но опоздал. Полковник уснул, я почувствовал, как его рука расслабилась. Я спрятал ее под одеяло и сам забрался в его постель, теперь я сверху — по крайней мере, на эту ночь.

Я заснул, слушая его размеренное дыхание, его упрямство наконец отступило перед лицом непреодолимой усталости.

через шесть дней

В ВОСКРЕСЕНЬЕ я встал, проспав три часа, и впервые за долгое время принял душ. Надел единственный имевшийся у меня костюм. Я вообще-то не хотел его сюда брать, но мама сказала, что костюм может потребоваться очень внезапно, и она оказалась чертовски права.

У Полковника костюма не было, и из-за своего малого роста он даже не мог взять его на время у кого-нибудь другого, поэтому он надел черные брюки и серую рубашку.

— Галстук с фламинго, наверное, не стоит, — сказал он, натягивая черные носки.

— Да, он какой-то слишком праздничный, не для этого события, — ответил я.

— В оперу его не наденешь, — возмутился он, чуть не улыбаясь, — на похороны тоже. На нем даже не повеситься. Бесполезный какой-то галстук.

Я одолжил ему свой.

Чтобы отвезти учеников в Вайн-Стейшн, деревню, из которой была родом Аляска, наняли специальные автобусы, но Лара, Полковник, Такуми и я поехали на джипе Такуми — объездным путем, чтобы не видеть того места на трассе. Я напряженно смотрел из окна, как раскидистые пригороды Бирмингема сменяются невысокими холмами и полями.

Такуми с Ларой сидели впереди, он рассказал ей, как Аляску летом пощупали за сиську, и она рассмеялась. Я услышал эту историю, когда увидел Аляску впервые, а вскоре я увижу ее в последний раз. Я наиболее остро ощущал несправедливость мира, ведь со мной обошлись абсолютно нечестно: я полюбил девушку, она была готова полюбить меня, но не могла из-за собственной смерти. Я подался вперед, уперся лбом в сиденье Такуми и расплакался, я скулил, чувствуя даже не столько печаль, сколько боль. Было именно больно, это не просто красивое выражение. Больно так, как будто меня били.

Мериуэзер Льюис сказал перед смертью: «Я не трус, но я так силен. Тяжело умирать». Я в этом не сомневаюсь, но вряд ли это тяжелее, чем остаться тут одному. Я продолжал думать о Льюисе и когда заходил в треугольную часовню возле одноэтажного бюро похоронных процессий Вайн-Стейшн, деревушки в Алабаме, которая оказалась именно такой безрадостной, какой описывала ее Аляска. Там пахло плесенью и

дезинфицирующими средствами, у желтых обоев в фойе отходили уголки.

— Вы все на похороны мисс Янг? — спросил какой-то парень у Полковника, и тот кивнул.

Нас отвели в большую комнату с несколькими рядами раскладных стульев, в которой оказался всего один человек. Он стоял перед гробом на коленях. Гроб был закрыт. Закрыт. Я ее больше не увижу. Не смогу поцеловать ее в лоб. Не взгляну на нее в последний раз. Но мне это было необходимо, мне нужно было *увидеть* ее, и я спросил как-то чересчур громко:

— Почему гроб закрыт?

Мужчина с брюхом, обтянутым слишком тесным костюмом, повернулся и пошел в мою сторону.

— У ее мамы, — сказал он, — у ее мамы был открытый. И Аляска мне наказала: «Папа, смотри, чтобы меня, когда я умру, никто не увидел». Я слушаюсь. Сынок, ее все равно тут нет. Она теперь с Господом.

И он обнял меня за плечи, этот человек, сильно растолстевший с тех пор, как ему в последний раз приходилось надевать этот костюм, и мне было больно думать о том, как я его подвел. У него были такие же зеленые глаза, как у Аляски, только сидели очень глубоко, он походил на зеленоглазое привидение, которое почему-то не перестало дышать, на привидение, молившее: *нет-нет-нет, не умирай, Аляска. Не умирай*. Я отошел от него, обошел Такуми и Лару и опустился на колени перед гробом, положил руки на его гладкую поверхность — это было красное дерево темного оттенка, как ее волосы. Я почувствовал, как мне на плечи опустились маленькие ладони Полковника, на голову упала слезинка, и на какое-то время мы остались втроем — школьные автобусы еще не приехали, а Лара с Такуми где-то растворились, так что нас было трое — точнее, три тела и два человека, — и только мы трое знали, что именно произошло в ту ночь, и между нами всеми было слишком много разных слоев, очень много всего не давало нам соприкоснуться. Полковник заговорил:

— Я так хочу ее спасти.

Я:

— Чип, все, ее больше нет.

Он:

— Я надеялся, что почувствую, как она на нас смотрит сверху. Но ты прав, ее больше нет.

Я:

— Господи, Аляска, я тебя люблю. Я тебя люблю.

И Полковник прошептал:

— Толстячок, я тебе очень сочувствую. Я знаю, что ты ее любил.

Я:

— Нет, не говори в прошедшем времени.

Она уже не человек, просто гниющая плоть, но я любил ее в настоящем времени. Полковник опустился на колени рядом со мной, поднес лицо к гробу и прошептал:

— Аляска, прости меня. Ты заслуживала друга понадежней.

Мистер Льюис, умирать действительно так тяжело? Тот лабиринт действительно хуже этого?

через семь дней

ВЕСЬ СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ я просидел в нашей комнате, без звука играя в футбол, потому что я и ничего не делать не мог, и ничего серьезного делать тоже не мог. Это был День Мартина Лютера Кинга, последний выходной перед началом занятий, а я ни о чем думать не мог, кроме как о том, что я ее убил. Утром Полковник сидел со мной, но потом решил сходить в столовку — давали мясной хлеб.

— Идем, — позвал он.

— Я не хочу есть.

— Но надо.

— Да? — Я даже от игры не оторвался.

— Бог мой. Ну хорошо. — Вздыхнув, он ушел, с силой захлопнув за собой дверь.

Он все еще очень зол, вдруг подумал я с некоторой жалостью. А злиться не на что. Злоба отвлекает от всеохватывающей тоски, от честного принятия того факта, что мы ее убили, лишили будущего и жизни. И злобой этого не исправишь. Дерьмо.

— Ну и как хлеб? — спросил я, когда Полковник вернулся.

— С последнего раза ничего не изменилось. Не мясной и не хлебный. — Полковник сел рядом со мной. — Ко мне подкатил Орел. Спрашивал, мы ли петарды взрывали.

Я поставил игру на паузу и повернулся к нему. Полковник отколупывал один из последних кусков винила с дивана.

— А ты ответил? — спросил я.

— Я не проболтался. Вот, а еще он сказал, что завтра приедет ее то ли тетка, то ли еще кто — собрать вещи. Так что если там есть что наше или то, чего тетке лучше не видеть...

Я снова повернулся к игре:

— Сегодня я к этому не готов.

— Тогда я один схожу, — ответил он. И ушел, не закрыв за собой дверь, и злой холодный воздух быстро прикончил тепло от нашей хлипкой батареи, так что я снова нажал на паузу и пошел закрывать дверь.

Я выглянул, чтобы посмотреть, вошел ли Полковник в ее комнату, а оказалось, что он стоит там, прямо за нашей дверью. Он схватил меня за толстовку, улыбнулся и заявил:

— Я знал, что ты не заставишь меня идти одного. Я знал.

Я покачал головой и закатил глаза, но все же пошел с ним по коридору, мимо телефона, в ее комнату.

После того как Аляски не стало, я не думал о том, как она пахнет. Но когда Полковник открыл дверь, в нос ударил этот аромат: мокрой земли, травы, табачного дыма, а над всем этим — нотки ванильного молочка для тела. Она снова заполонила мое настоящее, и только из чувства такта я не сунул голову в ее переполненный бак с грязным бельем, стоявший у комода. Все было точно так, как я помнил: сотни книг стопками стоят вдоль стен, смятое светло-лиловое одеяло валяется в ногах кровати, шаткая башня книг и на маленьком столике, свеча-вулкан торчит из-под кровати. Все выглядело так, как я и ожидал, но запах, который, несомненно, принадлежал самой Аляске, поверг меня в шок. Я остановился посреди комнаты, закрыл глаза и медленно вдыхал через нос: ваниль, нескошенная осенняя трава, — но с каждым медленным вдохом аромат становился слабее, поскольку я к нему привыкал, и вскоре Аляска снова исчезла.

— Это невыносимо, — сухо сказал я, потому что так оно и было. — Боже! Она это все уже не прочитает. «Библиотека ее жизни».

— Она купила эти книги на гаражных распродажах, и так же, видимо, их распродадут снова.

— Прах к праху, вещи с распродажи на другую распродажу, — согласился я.

— Ага. Ну ладно, за дело. Ищем то, что тетке на глаза попадаться не должно, — напомнил Полковник, опускаясь на колени возле письменного стола, на котором стоял компьютер. Ящик стола был открыт, и он извлек оттуда несколько стопок скрепленных степлером бумажек. — Господи боже, она, похоже, хранила все, что когда-либо написала. «Моби Дик». «Этан Фроум».

Я полез под матрас — я знал, что там она прячет презервативы к визиту Джейка. Я перепрятал их в собственный карман, а потом пошел к комоду и принялся копаться в белье в поисках алкоголя, эротических игрушек и бог знает, что у нее там еще могло быть. Но ничего не обнаружил. Тогда я перешел к книгам. Я посмотрел на стопки, стоявшие корешками наружу, — совершенно беспорядочное собрание сочинений разных авторов, в этом была вся Аляска. Я хотел взять себе одну книгу, но не мог ее отыскать.

Полковник сидел на полу, прижав голову к полу, — он искал под кроватью.

— У нее точно бухла тут не было? — спросил он.

Я чуть было не сказал: *Она его в лесу закапывала, на границе с футбольным полем*, — но потом вдруг понял, что Полковник об этом не знал, что она никогда не брала его с собой на поиски зарытых сокровищ, что эту тайну она доверила только мне, и я решил оставить ее при себе, как подарок на память, словно боялся, что мои воспоминания исчезнут, если я поделюсь ими.

— Ты где-нибудь видел «Генерала в своем лабиринте»? — спросил я, изучая корешки книг. — По-моему, обложка была зеленая. Мягкая, и она пострадала при потопе, так что, наверное, книга распухла, но не думаю, что...

И тут он меня перебил:

— Да вот она.

Обернувшись, я увидел в его руках книгу, которая после выходки Лонгвелла, Джеффа и Кевина стала похожа на аккордеон. Я подошел, взял ее и сел на кровать. Все подчеркивания и записи на полях расплылись от воды, но читать саму книгу еще было можно, так что я решил взять ее с собой и попытаться прочесть роман, хотя это и не биография. И тут вдруг я открыл ту самую страницу ближе к концу:

Генерал вздрогнул от озарения, открывшегося ему: весь его безумный путь через лишения и мечты пришел в настоящий момент к своему концу. Дальше — тьма.

— Черт возьми, — вздохнул он. — Как же я выйду из этого лабиринта?!

Весь кусок был подчеркнут черной ручкой, которая дала кровотокающие разводы, когда бумага намокла. Но там оказалась и еще одна запись — синими чернилами. Четкая, она явно была сделана уже после потопа. От фразы *Как же я выйду из этого лабиринта?! шла стрелка к комментарию на полях, почерк у Аляски был с петельками. Быстро & По прямой.*

— Слушай, она тут кое-что написала уже после потопа, — сказал я. — Странное. Смотри. Сто девяносто вторая страница.

Я швырнул книгу обратно Полковнику, он быстро нашел нужную страницу, потом посмотрел на меня.

— Быстро и по прямой, — прочитал он.

— Ага. Странно, да? Наверное, это она про выход из лабиринта.

— Погоди, как именно это произошло? Как все было?

«Это» у нас было только одно, и я понял, о чем он спрашивает.

— Я тебе уже рассказал, что узнал от Орла. На дороге раскорячился грузовик. На место приехали копы, чтобы взять движение под контроль. А Аляска в них врубилась. Она такая пьяная была, что даже не попыталась руль повернуть.

— Такая *пьяная*? *Пьяная*? У полицейской тачки наверняка фары горели. Толстячок, она въехала в тачку с горящими фарами, — поспешно сказал он. — Быстро и по прямой. Быстро и по прямой. Прочь из лабиринта.

— Нет, — ответил я, хотя я и легко мог это себе представить.

Я понимал, что она была пьяна и жутко распсиховалась. (Из-за чего? Из-за того, что Джейку изменила? Сделала мне больно? Что ее потянуло ко мне, вместо него? Или все еще из-за Марьи?) Я мог себе представить, что она смотрела на полицейскую тачку и целилась прямо в нее, и ей было плевать на других, она забыла о том, что мне пообещала, она не думала ни об отце, ни о ком другом... эта стерва, да, стерва, она покончила с собой. Но нет. Нет. Она так не могла. Нет. Она же сказала: «*Продолжим*». Ну, конечно же.

— Нет.

— Да, ты, наверное, прав, — согласился Полковник. Он выронил книгу, сел рядом со мной и уперся лбом в руки. — Кто поедет за десять километров от кампуса, задумав такое? Смысла нет. Но все же это было *быстро и по прямой*. Или это у нее какое-то непонятное предчувствие было? Если задуматься, мы же толком ничего не знаем. Куда она поехала? зачем? кто звонил? Кто-то же *позвонил*, или я...

Полковник все говорил, пытаюсь разобраться в случившемся, а я снова взял книгу и отыскал страницу, на которой опрометчивая гонка генерала подошла к концу, мы оба затерялись каждый в своих мыслях, пропасть между нами была непреодолима, я просто не мог слушать Полковника, потому что был крайне занят: я пытался вобрать последние намеки на ее запах, пытался убедить себя в том, что конечно же она этого не сделала. Это я... я во всем виноват, и Полковник тоже. Пусть он пытается во всем разобраться, но я-то уже все понял, я понял, что, как ни старайся, во всем виноваты мы и прощения нам нет.

через восемь дней

ВО ВТОРНИК БЫЛИ УРОКИ. Впервые после перерыва. Мадам О'Мэлли выдержала паузу перед началом занятия, вообще все уроки французского периодически прерывались такими паузами, а потом она спросила нас, как мы себя чувствуем.

— Ужасно, — ответила одна девочка.

— *En français*, — ответила мадам О'Мэлли, — *en français*.^[11]

Выглядело все как обычно, хотя движения было меньше: выходники все так же сидели на лавочках у библиотеки, но сплетничали в целом меньше и тише. В столовке пластиковые подносы стучали о деревянные столы, вилки царапали по тарелкам, но разговоры велись еле слышно. Помимо того что все вели себя сдержаннее, больше всего пугала тишина, образовавшаяся на ее месте, там, где должны были звучать эмоциональные Аляскины рассказы, но все равно казалось, что это просто один из тех дней, когда она уходила в себя, словно она опять отказалась отвечать на вопросы, которые начинаются со слов «как» и «почему», только в этот раз — навсегда.

На религиозоведении Полковник сел рядом со мной, вздохнул и констатировал:

— Толстячок, от тебя куревом несет.

— А ты спроси, колышет ли меня это.

В класс, как всегда шаркая ногами, вошел доктор Хайд, держа под мышкой стопку наших курсовых. Он сел, несколько раз тяжело вдохнул и заговорил:

— Есть такой закон, согласно которому родители не должны хоронить своих детей. Кто-то должен бы следить за его исполнением... В этом семестре мы продолжим изучение религиозных традиций, с которыми познакомились осенью. И теперь, несомненно, темы, которые мы затрагиваем, приобретают большую важность, чем несколько дней назад. Например, вопрос, что происходит с человеком после смерти, уже не будет казаться вам отвлеченной философией. Теперь вам придется задавать этот вопрос, думая о своей однокласснице. И как жить с этой болью потери — задача, которую пытались решить для себя все буддисты, христиане, мусульмане. Думаю, теперь вопросы, ответы на которые ищет религия, для вас стали личными.

Он принялся рыться в своей стопке, что-то выискивая.

— Вот передо мной работа Аляски. Вы помните, что я просил вас подумать о том, какой вопрос для человека наиболее важен и как к нему подходят религии, которые мы изучали в этом году. Вот что было важным для Аляски.

Старик вздохнул, схватился за ручки кресла и с трудом поднялся, а потом написал на доске: «*Как нам выбраться из этого лабиринта страданий? — А. Я.*».

— Я оставлю эту цитату на доске до конца семестра, — сообщил он. — Каждого человека, которому хоть раз случалось заблудиться, гложет именно этот вопрос. В какой-то момент мы все поднимаем глаза и осознаем, что зашли в тупик, и я хочу, чтобы никто не забывал Аляску, а также чтобы вы не забывали, что, даже если материал наших уроков кажется вам скучным, мы пытаемся понять, как разные люди отвечали и на этот, и на другие вопросы, которые вы подняли в своих работах, как в разных религиозных течениях люди находят примирение с «тем говном, которое выпадает на долю порядочным людям», как выразился в своей курсовой Чип. — Хайд снова сел. — Ну как вы, ребята?

Мы с Полковником молчали, пока некоторые одноклассники, которые Аляску совсем не знали, превозносили ее добродетели, признавались, насколько они подавлены, и поначалу меня это возмущало. Мне было неприятно, что люди, которых она не знала, — и люди, которые ей не нравились, — грустят. Им до нее никогда и дела не было, а теперь они ведут себя так, словно она сестрой им приходилась. Но, наверное, я тоже знал ее не так-то уж и хорошо. Если бы знал, я бы понял, что значит это «Продолжим потом?». Если бы я любил ее как следует, любил бы ее так, как думал, что люблю, разве я бы отпустил ее в ту ночь?

Так что я не очень на них злился. А вот сидевший рядом Полковник дышал медленно и глубоко, как бык на корриде.

Он даже закатил глаза, когда один из выходников, Брук Блейкли, чьи родители стараниями Аляски получили отчет о его неуспеваемости, заявил:

— Мне так жаль, что я не успел ей сказать, что люблю ее. Я не понимаю *почему*.

— Какой бред, — возмущался Полковник, когда мы шли обедать. — Как будто Бруку вообще какое-то дело до Аляски есть.

— Если бы Брук умер, ты бы разве не переживал? — спросил я.

— Наверное, да, но я бы не скорбел по поводу того, что не сказал ей, что *любил* ее. Я *не* люблю ее вообще-то. Она дура.

А я думал, что горе всех остальных более правомерно, чем наше —

ведь они не были повинны в ее смерти, — но я знал, что спорить с Полковником, когда он выйдет из себя, совершенно бесполезно.

через девять дней

— У МЕНЯ ЕСТЬ ТЕОРИЯ, — сообщил Полковник, когда я вошел в комнату после очередного кошмарного учебного дня.

На улице потеплело, но до тех, кто отвечает за отопление, сведения об этом не дошли, так что в кабинетах было ужасно жарко и душно, и мне хотелось одного — забраться в постель и проспять ровно до того момента, как снова придется идти на уроки.

— Тебя сегодня не хватало на занятиях, — заметил я, садясь на кровать.

Полковник сидел за столом, склонившись над тетрадью. Я лег на спину и укрылся с головой одеялом, но его это не остановило.

— Ну да, я теорию свою разрабатывал, совсем не факт, что именно так все и было, но, по крайней мере, она правдоподобна. Слушай. Она тебя целует. Ночью кто-то звонит. Я полагаю, Джейк. Они ссорятся, из-за измены или из-за чего еще — кто знает. Она расстроена и хочет поехать увидеться с ним. Она возвращается в комнату в слезах и просит нас помочь ей смотаться из кампуса. Она психует, потому что... не знаю, допустим, потому что, если она к нему сейчас же не приедет, Джейк с ней порвет. Это просто вероятная причина. И вот она уезжает, пьяная и накрученная, она крайне зла на себя из-за... в общем, из-за чего там было, она мчится по трассе и видит полицейскую тачку, вмиг у нее все сходится в голове, прямо перед ней появляется выход из ее лабиринта, и она несется к нему, быстро и по прямой, целясь в машину, даже не дергая руль, не потому, что она пьяная и ничего не соображает, а потому, что она покончила с собой.

— Это смешно. Она не думала о Джейке, не ругалась с Джейком. *Она со мной целовалась.* Я пытался ей о нем напомнить, но она заткнула мне рот.

— Так кто ей звонил?

Я скинул одеяло и принялся долбить кулаком по стене, подчеркивая каждый слог:

— Я! НЕ! ЗНА-Ю! И видишь ли, это даже и не важно. Она мертва. Или наш гений Полковник может что-нибудь выдумать такого, от чего она живее станет, мать твою?

Но это конечно же было важно, потому я и продолжал стучать кулаком по стене, и потому этот вопрос витал в воздухе последнюю неделю. Кто звонил? Что случилось? Почему ей понадобилось уехать? Джейк на

похороны не приехал. И нам не позвонил, ни горем поделиться, ни спросить, что случилось. Он исчез, и мне, конечно, это не давало покоя. Я гадал, намеревалась ли она сдержать свое обещание и продолжить. Гадал, кто звонил, зачем, из-за чего она так расстроилась. Но я лучше гадать буду, чем узнаю ответ, который не смогу пережить.

— Может быть, тогда она поехала к нему, чтобы самой сказать, что все кончено, — предположил Полковник с внезапным спокойствием в голосе. Он сел на край моей кровати.

— Не знаю. И не хочу знать.

— Ну, — ответил он, — а я хочу. Потому что, если она сделала это осознанно, Толстячок, она сделала нас сообщниками. И за это я ее ненавижу. Блин, ну ты посмотри на нас. Мы даже общаться ни с кем больше не можем. В общем, я разработал план. *Первое* — поговорить со свидетелями. *Второе* — выяснить, насколько она была пьяна. *Третье* — выяснить, куда она направлялась и зачем.

— Я с Джейком не хочу разговаривать, — вяло ответил я, невольно соглашаясь с планом неутомимого Полковника. — Если он знает, мне с ним однозначно лучше не общаться. А если не знает, не хочу делать вид, что ничего не было.

Полковник со вздохом поднялся:

— Знаешь что, Толстячок? Я тебе сочувствую. Правда. Я понимаю, что вы целовались, понимаю, что ты из-за этого переживаешь. Но честно, заткнись уже. Если Джейк знает, хуже ты уже ничего не сделаешь. А если не знает, то и не узнает. Хоть на минуту отвлекись от себя самого и подумай об умершей подруге. Извини. День тяжелый был.

— Все нормально, — ответил я, снова накрываясь с головой. — Все нормально, — повторил я. Да ладно. Все *и было* нормально. Должно было быть. Потерять Полковника я не мог себе позволить.

через тринадцать дней

ПОСКОЛЬКУ НАШ ГЛАВНЫЙ извозчик был предан земле в Вайн-Стейшн, Алабама, нам с Полковником пришлось идти в полицейский участок Пелхэма, чтобы поговорить с теми, кто видел Аляску, пешком. Мы вышли после ужина, темнеть начало рано и стремительно. Прошагав километра два по трассе 119, мы добрались до одноэтажного оштукатуренного строения, стоявшего между Вафля-хаусом и заправкой.

Внутри была стойка, доходившая Полковнику до солнечного сплетения и отделявшая нас от закутка полицейских; он состоял всего лишь из трех столов, за которыми сидели служители закона в форме, и все они разговаривали по телефону.

— Я брат Аляски Янг, — без тени смущения заявил Полковник. — Я хочу поговорить с тем, кто видел, как она умерла.

Бледный тощий мужчина с реденькой рыжей бородкой быстро закончил разговор и повесил трубку.

— Я ее видел, — ответил он. — Она в мое авто влетела.

— Можно поговорить с вами на улице?

— Почему бы и нет.

Он взял свою куртку и вышел; когда он приблизился к нам, я увидел под прозрачной кожей его лица синие вены. По-моему, он на воздух почти не выходит, хоть и коп. На улице Полковник сразу закурил.

— Тебе девятнадцать-то есть? — поинтересовался полицейский. В Алабаме в восемнадцать можно жениться (если мама с папой согласятся, то и в четырнадцать), а курить — только с девятнадцати.

— Ну, оштрафуйте меня. Мне надо знать, что вы видели.

— Обычно я дежурю с шести до ночи, но в тот день в ночную смену попросили выйти. Пришло сообщение про грузовик, вставший поперек дороги, это всего в километре отсюда, ну и я двинул туда. Только подъехал, еще из авто не вышел, краем глаза вижу фары, у меня тоже и огни горят, и сирену я включил, а она все равно прет на меня, сынок, так что я выскочил пулей из авто, а она прямо ракетой в него влетела. Я много повидал, но такого ни в жизнь. Не свернула. Не притормозила. Просто влетела с размаху. Я метра на три всего отскочить успел. Я думал сам помру, но нет, живой вот.

Я впервые подумал, что теория Полковника может оказаться верной. Неужели Аляска не слышала *сирену*? Неужели не видела включенные

фары? Она была не жутко пьяная — целоваться-то она нормально могла, думал я. И руль повернуть наверняка тоже была в состоянии.

— Вы видели ее лицо перед тем, как она врезалась в вашу машину? Она заснула? — спросил Полковник.

— Этого не скажу. Лица я не видал. Все было слишком быстро.

— Ясно. Когда вы к ней подошли, она была уже мертва?

— Я... я сделал все, что смог. Я к ней сразу побежал, но руль... я полез к ней, думал, что если сдвину руль... но ее живой было не вынуть никак. Грудь мощно пробило, понимаешь.

Я содрогнулся, представив себе эту картину.

— Она ничего не сказала? — спросил я.

— Она отошла уже, сынок, — сказал полицейский, качая головой, так что я распрощался с надеждой узнать ее последние слова.

— Как думаете, это несчастный случай был? — Я стоял рядом с Полковником, ссутулившись от тяжести горя, мне хотелось курить, но я не дерзнул последовать его примеру.

— Я тут служу уже двадцать шесть лет, алкашни видел — не сосчитать, но никто еще не напился настолько, чтобы руль даже не дернуть. Но не знаю. Следователь сказал — несчастный случай, может, так и есть. Я в таком не разбираюсь, ребята. Я думаю, это теперь дело ее да Господа Бога.

— Насколько она была пьяная? — не унимался я. — Ну, анализы делали?

— Да. Ноль двадцать четыре промилле. Это, по определению, очень пьяная. Серьезно пьяная.

— В машине что-нибудь было? — спросил Полковник. — Может, вы заметили что-нибудь необычное?

— Я помню эти... как их... рекламные листовки разных колледжей — из Мэна, Огайо, Техаса, — я подумал еще: девчонка, наверное, из Калвер-Крика, — и мне стало совсем нехорошо, она ж в колледж мечтала попасть. А... да, и цветы. На заднем сиденье лежал букет. Как магазинный. Тюльпаны это были.

Тюльпаны? Я тут же вспомнил, что ей Джейк прислал тюльпаны.

— Белые? — спросил я.

— Точно, — подтвердил он.

Зачем она взяла с собой цветы, которые он ей подарил? Но этого коп знать не мог.

— Я надеюсь, вы поймете, что хотели. Я тоже все думаю об этом, потому что никогда ничего такого не видел. Думал, к примеру, что, если бы

я сам на своем авто с места бы съехал, спасло бы это ее? Может, она бы успела очухаться. Теперь этого не узнаешь. Но, по мне, не важно, несчастный это случай был или нет. Все равно хреново.

— Вы ничего не могли сделать, — мягко утешил его Полковник. — Вы поступили, как должны были, и мы за это благодарны.

— Ну, спасибо. Идите домой, берегите себя... если будут еще вопросы, звоните. Вот вам моя визитка на случай чего.

Полковник положил карточку в карман своей куртки из кожзама, и мы пошли обратно.

— Белые тюльпаны, — сказал я. — Джейковы. Зачем она их взяла?

— В прошлом году мы как-то с ней и с Такуми пошли в Нору-курильню, на берегу росла маленькая белая маргаритка, и Аляска вдруг запрыгнула в воду по пояс, пошла через речушку и сорвала ее. Потом сунула ее за ухо; когда я спросил, что это было, она объяснила, что ее родители всегда в детстве вплетали ей в волосы белые цветы. Может, она и умереть хотела с белыми цветами.

— Или Джейку вернуть, — предположил я.

— Возможно. Но я этого копа послушал и совсем уверился, что это все же могло быть самоубийство.

— Может, все же следует уже оставить ее душу в покое, — сказал я, вконец расстроенный. На мой взгляд, что бы мы ни узнали, лучше все равно не станет, и я никак не мог отделаться от образа, как руль ломает ей кости, «грудь мощно пробило», а она пытается вдохнуть, но никогда уже не сможет, и нет, лучше уже не станет. — Если она и *сделала* это? — обратился я к Полковнику. — Наша вина же не уменьшится. Просто ты станешь считать ее ужасной стервой и эгоисткой.

— Боже мой, Толстячок. Ты хоть помнишь, какой она была на самом-то деле? Она же действительно вела себя порой как настоящая стерва и эгоистка. Это в ней было, и раньше ты это понимал. А теперь ты, по-моему, помнишь исключительно свое идеальное о ней представление.

Я прибавил шагу, обогнав Полковника. Я молчал. Он же не мог ничего понять. Ведь не он — последний человек, которого она поцеловала, не его бросили, не сдержав обещания, и вообще, он не я. *Говно*, подумал я, и впервые мне пришла в голову мысль, что мне, похоже, лучше вообще вернуться домой, к чертям это Великое «Возможно», буду жить привычной, размеренной жизнью со старыми приятелями во Флориде. Каковы бы ни были их недостатки, они хотя бы не умирали, бросив меня на произвол судьбы.

Мы уже довольно долго шли порознь, но потом Полковник нагнал

меня.

— Я просто нормально жить хочу, — сказал он. — Просто ты и я. Нормально. Веселиться. Как нормальные люди. И мне кажется, что если бы мы знали...

— Ладно, о'кей, — перебил я. — Хорошо. Будем дальше искать.

Полковник покачал головой, а потом улыбнулся:

— Толстячок, я всегда высоко ценил твой энтузиазм. Я буду делать вид, что он все еще при тебе, пока он действительно не вернется. А теперь идем домой, попытаемся понять, почему людям иногда хочется от самих себя избавиться.

через четырнадцать дней

МЫ С ПОЛКОВНИКОМ провели поиск в Интернете. Человек может покончить с собой, если он:

- уже пытался убить себя;
- угрожал покончить с жизнью;
- раздал свои ценные вещи;
- интересуется, как можно покончить с собой, обсуждает эти способы с окружающими;
- демонстрирует потерю надежды, озлобленность на самого себя и/или на весь мир;
- в том, что человек пишет, говорит, читает, рисует, отражена тема смерти и/или депрессии;
- высказывает предположение, что, если он умрет, никто и не заметит;
- наносит себе телесные повреждения;
- недавно потерял друга или родственника, в том числе по причине самоубийства;
- внезапно стал хуже учиться;
- имеет проблемы с едой, сном, мучается головными болями;
- употребляет (или стал употреблять больше, чем обычно) вещества, изменяющие сознание;
- теряет интерес к сексу, своим увлечениям и прочей деятельности, которая ранее доставляла ему удовольствие.

У Аляски было два признака из списка. Она потеряла мать, хотя и довольно давно. Пила она всегда много, а в последний месяц жизни стала пить еще больше. Она говорила о смерти, но всегда как будто в шутку.

— Я тоже постоянно шучу на тему смерти, — отметил Полковник. — На прошлой неделе, например, говорил о возможности повеситься на галстук. Но я на тот свет не собираюсь. Так что это не считается. К тому же она ничего не раздала и уж к сексу интерес однозначно не утратила. Это же какое либидо нужно, чтобы на твой тощий зад позариться.

— Как смешно, — сказал я.

— Знаю. Боже, я гений. И училась она хорошо. И не припоминаю, чтобы она говорила о самоубийстве.

— Один раз было на тему сигарет, не помнишь? «Ты куришь, потому

что тебе это доставляет удовольствие. А я — потому что хочу умереть».

— Это *шутка* была.

Но после того, как Полковник меня поддел, я, быть может стараясь доказать ему, что он не прав и что я помню Аляску такой, какой она была на самом деле, вспомнил все те случаи, когда у нее резко портилось настроение, когда она отказывалась отвечать на вопросы со словами «как», «когда», «почему», «кто» и «что».

— Она иногда бывала очень *озлобленной*, — размышлял я вслух.

— И что, я тоже бываю! — возразил Полковник. — Я очень злой, Толстяк. Да и ты в последнее время не образец безмятежности, но ты же не собираешься руки на себя наложить. Погоди, или подумываешь?

— Нет, — ответил я. — Но, возможно, дело было исключительно в том, что Аляска не умела притормозить, когда надо, а я не могу надавить на газ. Может, в ней просто была какая-то отвага, которой недостает мне... но в целом — нет.

— Рад слышать. Так вот, да, у нее случались резкие перепады настроения, она кидалась из огня да в полымя. Но отчасти это все было из-за истории с Марьей. Понимаешь, Толстячок, когда Аляска с тобой обжималась, она явно о смерти не думала. А потом она уснула, а разбудил ее телефон. Значит, либо она приняла решение о самоубийстве в период между этим звонком и непосредственно аварией, либо это все же был несчастный случай.

— Но зачем ехать умирать за десять километров от кампуса? — спросил я.

Он вздохнул и покачал головой:

— Она любила казаться таинственной. Может, ей так захотелось.

Я рассмеялся, Полковник спросил:

— Что такое?

— Да я подумал: *с какой радости она могла на полной скорости влететь в полицейскую тачку со включенными фарами? Да просто из ненависти к представителям власти.*

Полковник тоже засмеялся:

— Ой, смотрите-ка, Толстячок прикололся.

Все казалось таким обычным и повседневным, а потом вдруг время от этого самого события до сегодняшнего дня куда-то исчезло, и я снова почувствовал себя так, будто я сижу в спортзале и впервые слышу о том, что произошло, и у Орла слезы каплют на штаны... Я перевел взгляд на Полковника и подумал о том, что мы последние две недели только и делаем, что сидим на нашем истертом диванчике, подумал о той жизни,

которую она разрушила. Я был так зол, что даже плакать не мог, и высказался:

— Блин, я из-за этого лишь ненавижу ее начинаю. А я не хочу ненавидеть. В чем смысл, если это только к ненависти ведет?

Аляска все еще отказывалась дать нам ответы на вопросы «как» и «почему». Ей все еще важно было сохранять ауру таинственности. Я наклонился, свесив голову между колен. Полковник положил мне руку на спину:

— Смысл в том, Толстячок, что ответы на все вопросы — есть. — Потом он громко выпустил воздух между сжатыми губами, и, когда он это повторил, его голос дрогнул от недовольства. — На все вопросы есть ответы. Просто надо быть поумнее. В Сети говорится, что самоубийцы, как правило, руководствуются тщательно продуманным планом. Так что это, очевидно, не было самоубийством.

Мне было неловко из-за того, что прошло уже целых две недели, а я чувствовал себя все таким же разбитым, в то время как Полковник, похоже, более стойко переносил этот удар судьбы. Я распрямил спину.

— О'кей, — согласился я. — Значит, не самоубийство.

— Но думать, что это был несчастный случай, тоже как-то не получается.

Я заржал:

— Да, далеко мы ушли.

Наши размышления прервала Холли Моузер, старшеклассница, которую я знал в основном по обнаженным автопортретам, которые мы с Аляской нашли, когда все разъехались праздновать День благодарения. Она тусовалась с выходниками, поэтому прежде я с ней не более чем парой слов обмолвился, но теперь она вдруг вломила без стука и заявила, что у нее был мистический ин-сайт — она почувствовала, что Аляска здесь, рядом.

— Я сидела в Вафля-хаусе, и вдруг погас свет, всюду, только надо мной осталась мигать одна лампочка. Она, типа, горела секунду, потом на время гасла, потом еще пару секунд горела, а потом снова погасла. Понимаете, я поняла, что это Аляска. По-моему, она азбукой Морзе пыталась мне что-то сказать. Но я вообще-то не знаю азбуки Морзе. Она, наверное, не в курсе была. Ну вот, в общем, я вам решила рассказать.

— Спасибо, — резко сказал я, она какое-то время постояла, глядя на нас, периодически открывая рот, наверное чтобы еще что-то добавить, но Полковник смотрел на нее пристально, хоть и прикрыв глаза, челюсть у него выпятилась вперед, и вообще он практически не скрывал своего недовольства. Я его понимал: я не верил в духов, которые приходят сказать

что-нибудь морзянкой человеку, который им и при жизни-то не был симпатичен. К тому же мне не нравилась мысль, что Аляска пришла утешить кого-то другого, а не меня.

— Господи боже, таким людям вообще надо запретить жить, — высказался Полковник, когда она ушла.

— Да, крайне глупо.

— Да не просто глупо, Толстячок. Как будто Аляска могла явиться к Холли Моузер. Боже мой! Не терплю людей, которые притворяются, будто горюют. Сука тупая.

Я чуть было не сказал, что Аляске бы не понравилось, что он *кого бы то ни было* из женщин сукой обзывает, но ругаться с ним смысла не было.

через двадцать дней

В ВОСКРЕСЕНЬЕ МЫ с Полковником решили, что ужинать в столовке не хотим, и ушли из кампуса на другую сторону трассы 119, к «Солнечной палатке», где насладились прекрасно сбалансированным блюдом, проще говоря, взяли по два овсяных печенья с кремовой прослойкой. Семьсот калорий. Этого человеку на полдня хватает. Потом мы сели на бордюр перед магазинчиком, и я в четыре укуса прикончил свой ужин.

— Завтра я позвоню Джейку, чтоб ты знал. Взял у Такуми его номер.

— Отлично, — ответил я.

За спиной зазвенел колокольчик, я повернулся к открывшейся двери.

— Чего вы тут сидите? — Это была та самая тетка, у которой мы только что купили печенье.

— Мы едим, — объяснил Полковник.

Тетка покачала головой и приказала нам, словно шавкам каким-то:

— Валите.

Мы зашли за палатку и сели у вонючей мусорной кучи.

— Толстячок, хватит мне уже этого твоего «отлично». Это смешно. Я позвоню Джейку, запишу все его показания, а потом мы сядем вместе и обмозгуем.

— Нет. Действуй сам. Я не хочу знать, что между ними произошло.

Полковник вздохнул и достал из кармана пачку сигарет, купленную на средства из фонда Толстячка:

— Почему?

— Потому что не хочу! Тебе что, нужен глубинный анализ всех принятых мной решений?

Полковник прикурил сигарету от зажигалки, за которую заплатил я, и затянулся:

— Ладно. Это нужно понять, и мне потребуется твоя помощь, потому что мы с тобой довольно хорошо ее знали. И точка.

Я встал и посмотрел на него сверху вниз. Полковник, самодовольно развалившись, выпустил дым мне в лицо, и я решил, что с меня хватит:

— Мне уже надоело тебе подчиняться, придурок! Я не хочу обсуждать с тобой деликатные моменты ее отношений с Джейком, черт возьми. Понятнее уже не скажешь: *не желаю этого знать*. Я хочу знать только то, что она мне сказала, и я это уже знаю, а больше меня ничего не интересует;

ты можешь сколько угодно козлиться и воображать, будто ты чем-то лучше меня, но я не буду рассуждать на тему, как до хрена она любила Джейка! И отдай мне мои сигареты.

Полковник бросил пачку на землю, мигом взлетел, схватил меня за свитер, пытаюсь опустить меня до собственного роста, но не мог.

— Да ты о ней даже и не думаешь! — прокричал он. — Ты окончательно сдвинулся на этой своей дебильной фантазии о том, будто у вас с ней был тайный говнороман и будто она собиралась уйти от Джейка к тебе, после чего вы зажили бы счастливо. Толстячок, Аляска многих целовала. Мы оба знаем, что, если бы она была еще здесь, она бы осталась с Джейком, а с тобой бы просто тянула эту мелодраму, без любви, без секса, ты бы просто бегал за ней, а Аляска бы просто время от времени кидала: «Толстячок, какой ты милый, но я люблю Джейка». Если бы она к тебе что-то испытывала, разве бы она уехала? И если бы ты так уж ее любил, разве ты помог бы ей это сделать? Я-то пьяный был. А ты что можешь сказать в свое оправдание?

Полковник выпустил мой свитер, я наклонился и взял сигареты. Я не кричал, зубы у меня не скрежетали, вены на лбу не пульсировали, я спокойно — спокойно — посмотрел на Полковника сверху вниз и сказал:

— Иди на хер.

Только позже я закричал, и вены запульсировали. Я бегом пересек трассу, зону общаг, футбольное поле, по грунтовке добежал до моста и спустился в курильню. Я схватил пластиковый стул и швырнул его о бетонную стену, удар эхом разлетелся под мостом, стул упал набок, я лег на спину, свесив ноги над обрывом, и заорал. Я орал, потому что Полковник был самодовольным, напыщенным ублюдком, а также потому, что он был прав — я действительно хотел верить в то, что у нас с Аляской тайный роман. Она меня любила? Она ушла бы от Джейка, чтобы быть со мной? Или это был просто очередной ее импульс? Нет, мне было мало того, что я оказался последним человеком, с которым она целовалась. Я хотел быть последним, кого она любила. А я понимал, что это было не так. Понимал и ненавидел ее за это. Ненавидел за то, что ей было на меня плевать. Ненавидел за то, что она в ту ночь уехала, и себя ненавидел, и не только за то, что отпустил ее, но и за то, что, если бы ей было со мной достаточно хорошо, она бы и не захотела куда-либо ехать. Она могла бы просто лечь рядом, рассказать мне все и поплакать, а я бы слушал и целовал слезы в ее глазах.

Я повернул голову и посмотрел на лежавший на боку маленький синий

стульчик. Я гадал, наступит ли день, когда все мои мысли перестанут вертеться вокруг Аляски, следует ли мне надеяться, что она как можно скорее станет лишь воспоминанием. Что я буду думать о ней лишь в годовщину ее смерти, а может, даже и гораздо реже.

Я осознавал, что в жизни меня ждут и другие смерти что-то значащих для меня людей. Куча трупов будет расти. У меня в памяти хватит места на всех или отныне с каждым днем я буду по чуть-чуть забывать Аляску?

Однажды, когда мы с ней спустились к Норе-курильне, еще в начале учебного года, Аляска запрыгнула в речушку прямо в шлепках. Она дошла до другого берега, шагая медленно, осторожно пробуя, на какой из поросших мхом камней наступить не опасно, и выдернула палку, воткнутую в затопленный водой берег. Я сидел на бетонной плите, ноги свисали над водой, а она переворачивала этой палкой камни и показывала на спасающихся бегством раков.

— Их варят, а потом высасывают мозг, — возбужденно говорила она. — Самое крутое — в голове.

Всем, что я знаю о раках, поцелуях, розовом вине и поэзии, я обязан ей. Она сделала меня другим человеком.

Я закурил и плюнул в речушку.

— Нельзя так — изменить человека и смотаться, — сказал я ей вслух. — Аляска, у меня же и до этого все шло отлично. Я был собой, я интересовался предсмертными высказываниями великих людей, у меня какие-то друзья в школе имелись, все было отлично. А ты сделала меня другим человеком, а потом взяла да и умерла. Нельзя так... — Она олицетворяла это мое Великое «Возможно», благодаря ей я поверил, что правильно поступил, оставив старую, не очень значительную жизнь в поисках чего-то непонятного, но более великого. А теперь ее самой не стало, а вместе с ней — и моей веры в это «Возможно». Я мог говорить «отлично» на все, что предлагал и творил Полковник. Я мог пытаться делать вид, что мне теперь все равно, но это уже никогда не будет искренне. — Аляска, нельзя занять такое важное место в чьей-то жизни, а потом умереть, потому что во мне начались необратимые изменения, да, мне очень жаль, что я тебя отпустил, но решение же было твое. Ты оставила меня жить с «Невозможно», бросила в этом твоём чертовом лабиринте. Я ведь теперь даже не знаю, захотела ли ты выйти из него сама — быстро и по прямой, оставив меня тут одного нарочно. Получается, я тебя никогда и не знал на самом деле, да? Я не смогу тебя запомнить, потому что и не знал.

Я встал, собираясь пойти домой и помириться с Полковником, и

попытался представить себе ее на этом стуле, но не мог вспомнить, скрещивала ли Аляска ноги, когда сидела. Я все еще видел, как она улыбается мне своей полуухмылкой *Моны Лизы*, а вот руку с сигаретой четко увидеть не мог. Я вдруг решил, что мне надо узнать ее лучше, потому что я хотел помнить ее долго. Прежде чем начнется этот омерзительный процесс забвения всех «как» и «почему» ее жизни и смерти, я должен все узнать. «Как». «Почему». «Когда». «Куда». «Что».

Когда я вернулся в сорок третью, после быстренько принесенных и принятых извинений Полковник сообщил:

— Мы приняли тактическое решение отложить звонок Джейку. Для начала мы отдадим приоритет другим задачам.

через двадцать один день

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО, когда в класс мелкими шажками заходил доктор Хайд, Такуми подсел ко мне и написал на полях своей тетради: *Обедаем в «Макнесъедобнальдсе»*.

Я накорябал «ОК» в своей тетради, а потом открыл чистый лист — потому что доктор Хайд начал рассказ о суфизме, мистическом течении в исламе. Учебник накануне я просмотрел лишь бегло — теперь я занимался ровно столько, чтобы получить хотя бы минимально необходимые оценки, но во время этого беглого просмотра наткнулся на отличное предсмертное высказывание. Нищий суфий в тряпье зашел в ювелирную палатку богатого торговца и спросил его: «Знаешь ли ты, как умрешь?» Богач ответил: «Нет. Никто не знает, как умрет». А суфий возразил: «Я знаю». — «Как же?» — поинтересовался хозяин лавки.

Суфий лег на землю, скрестил на груди руки и сказал: «Вот так». И умер. И торговец раздал свое богатство и сам стал бедняком, стремясь к такому же духовному богатству, каким обладал умерший суфий.

Но доктор Хайд выбрал другую притчу, которую я пропустил.

— Карл Маркс назвал религию опиумом для народа, это очень знаменитое высказывание. Буддизм, особенно как он понимается большинством практикующих, обещает лучшую жизнь за счет очищения кармы. Ислам с христианством обещают истинным верующим вечную жизнь в раю. И такая надежда на лучшую жизнь определенно является сильным опиатом. Но у суфиев есть притча, опровергающая марксистскую точку зрения о том, что верующим нужен лишь опиум. Рабия аль-Адавия, суфий и великая святая, бежала по улицам своего города, Басры, с факелом в одной руке и ведром воды — в другой. Когда кто-то поинтересовался у нее, что она делает, женщина ответила: «Водой я залью адское пламя, а с помощью факела подожгу врата рая, чтобы люди чтити Господа не из-за стремления попасть в рай или страха оказаться в аду, а потому что Он — Бог».

Она сильна, если хочет сжечь ад и затопить рай. *Аляске бы эта Рабия понравилась*, записал я в тетради. Но даже несмотря на это, загробная жизнь меня интересовать не перестала. И рай, и ад, и реинкарнация. Я не только хотел знать, как погибла Аляска, но и где она теперь, если она вообще где-нибудь есть. Мне нравилось воображать, что она на нас смотрит, не забывает, но это было скорее фантазией, потому что

чувствовать этого я не чувствовал — ну, как сказал Полковник на похоронах, ее нет с нами, и нигде больше нет. Я, по сути, мог теперь представить ее себе только мертвой, как она гниет в земле Вайн-Стейшн, а все остальное — это лишь призрак, живущий исключительно в наших воспоминаниях. Я, как и Рабия, уверен, что люди должны верить в Бога не из-за рая или ада. Но я не считал нужным рассекать с факелом. Выдуманное место не сожжешь.

После уроков, пока Такуми ковырялся в картошке в «Макнесъедобнальдсе», выбирая самые зажаристые кусочки, я вдруг ощутил полноту потери, у меня до сих пор голова кружилась от мысли о том, что ее не только в этом мире больше нет, но и ни в каком другом тоже.

— Ты как вообще? — спросил я у Такуми.

— М-м... — промычал он, поскольку его рот был набит картошкой. — Так себе. А ты?

— И я так себе. — Я откусил кусочек чизбургера. Я взял «Хеппи-мил», и мне попаласть пластмассовая машинка. Она лежала на столе, и я покрутил колесики.

— Я по ней скучаю, — признался он, отталкивая поднос, отказавшись от недожаренной картошки.

— Ага. Я тоже. Мне так жаль, Такуми.

Я очень много вложил в эти слова. Мне было жаль, что мы дошли до всего этого: сидим и крутим колесики игрушечной машинки в «Макдоналдсе». Жаль, что девчонка, которая свела нас вместе, теперь легла между нами мертвая. Мне было очень жаль, что я отпустил ее навстречу смерти. *Мне очень жаль, что я не могу с тобой поговорить, потому что тебе нельзя знать эту правду про меня и Полковника, и мне тяжело с тобой, потому что приходится притворяться, что мое горе такое же чистое, как и твое, — притворяться, что мне просто ее не хватает, в то время как я чувствую себя виноватым в ее смерти.*

— И мне тоже. Ты с Ларой больше не встречаешься, да?

— Наверное.

— Ага. Она все разобраться не может.

Да, я ее игнорировал, но к тому времени и она начала игнорировать меня, так что я решил, что все кончено, хотя кто знает...

— Понимаешь, — сказал я Такуми, — я просто не могу... не знаю, чувак. Все так сложно.

— Конечно. Она поймет. Конечно. Все нормально.

— Хорошо.

— Слушай, Толстячок. Я... я не знаю. Паршиво это все как-то, да?

— Ага.

через двадцать семь дней

ЕЩЕ ЧЕРЕЗ ШЕСТЬ ДНЕЙ, то есть четыре недели после последнего воскресенья, во время прыжков на 900 градусов в халфпайпе, в ходе которых мы с Полковником стреляли друг в друга из пейнтбольных пистолетов, он заявил:

— Нам нужна выпивка. И алкотестер у Орла взять.

— *Взять?* Ты знаешь, где он лежит?

— Ага. Тебя он что, не заставлял дышать в трубочку?

— Гм... Нет. Он думает, что я дятел.

— Да ты и *есть* дятел, Толстячок. Но кому эта мелочь бухать мешала.

Вообще-то, я с той ночи не пил и не намеревался возвращаться к этому занятию.

Потом я чуть не заехал Полковнику локтем по роже, размахивая руками так, будто бы мне действительно надо было извиваться всем телом, а не просто нажимать кнопки в нужный момент. Аляска тоже была подвержена таким иллюзиям, играя в приставку. Но Полковник был настолько сосредоточен, что даже не обратил внимания.

— У тебя конкретный план есть, как выкрасть алкотестер из дома Орла?

Полковник посмотрел на меня и спросил:

— Ты что, в это совсем играть не умеешь? — И, не поворачиваясь к экрану, залепил моему скейтбордисту синей краской прямо по яйцам. — Сначала надо бухла достать, потому что моя «амброзия» скисла, а нашего бывшего добытчика...

— Больше нет, — закончил за него я.

Когда я открыл дверь его комнаты, Такуми сидел на столе в огромных, больше похожих на шлем, наушниках и качал головой в такт музыке. Нашего появления он, похоже, не заметил.

— Эй, — позвал я. Ноль эмоций. — Такуми! — Нет ответа. — ТАКУМИ! — Он наконец повернулся и снял наушники. Я закрыл за собой дверь и спросил: — У тебя выпить есть?

— А что? — поинтересовался он.

— Гм... может, мы надраться решили? — предположил Полковник.

— Отлично. Я с вами.

— Такуми, — сказал Полковник, — это... мы хотим одни.

— Нет. Этого говна с меня уже хватит. — Такуми поднялся, сходил в

ванную и вышел с небольшой бутылкой из-под газировки, наполненной прозрачной жидкостью. — Я храню ее в шкафчике с лекарствами, — сообщил он, — все же согласны, что это лекарство.

Он спрятал бутылку в карман и вышел из комнаты, оставив дверь открытой. Через несколько секунд он снова заглянул и очень правдоподобно передразнил командный тон Полковника:

— Боже, ну вы идете или как?

— Такуми, — снова начал Полковник. — Ладно. Но то, что мы планируем сделать, очень опасно, и я бы просто не хотел, чтобы тебя поймали. Честно. Слушай, мы тебе расскажем все, но завтра.

— Я так уже устал от этой вашей сраной таинственности. Она ведь и моей подругой была тоже.

— Завтра. Обещаем.

Такуми вынул бутылку из кармана и швырнул ее мне.

— Завтра, — сказал он.

— Я бы вообще-то не хотел, чтобы он все знал, — признался я, когда мы шли в свою комнату с бутылкой. — Он нас возненавидит.

— Блин, он нас еще больше возненавидит, если мы будем игнорировать его существование, — ответил Полковник.

Через пятнадцать минут я стоял на пороге дома Орла.

Он открыл дверь и улыбнулся. В руке он держал лопаточку.

— Майлз, заходи. Я тут бутерброд с яйцом делаю. Хочешь?

— Нет, спасибо, — ответил я и пошел за ним на кухню.

Моя задача была не пускать его в гостиную в течение тридцати секунд, чтобы Полковник мог незаметно выкрасть алкотестер. Я громко закашлял, подавая сообщнику сигнал, что все чисто. Орел взял бутерброд и откусил.

— Чем обязан радости тебя видеть? — спросил он.

— Я хотел сказать, что Полковник, то есть Чип Мартин, мой сосед по комнате... у него, ну, очень плохо с латынью.

— Ну, я так понимаю, что он не ходит на нее, а в таких условиях учить язык очень трудно. — Орел двинулся в мою сторону.

Я снова покашлял и попятился, мы с Орлом приближались к гостиной, словно танцуя танго.

— Да, и он не спит по ночам, все думает об Аляске, — добавил я и вытянулся в полный рост, пытаюсь загородить своими не слишком широкими плечами то, что происходило в гостиной. — Понимаете, они очень дружили.

— Это я знаю, — сказал преподаватель, а в гостиной скрипнули по

паркету кроссовки Полковника.

Орел вопросительно посмотрел на меня и попытался обойти. Я поспешно сориентировался:

— По-моему, у вас там горелка не выключена. — И показал на сковороду.

Орел резко развернулся, посмотрел на горелку, которая, очевидно, была выключена, и бросился в гостиную.

Пусто. Он снова повернулся ко мне:

— Майлз, ты что-то затеял?

— Нет, сэр, честное слово. Я хотел о Чипе поговорить.

Он скептически выгнул брови:

— Ну, я понимаю, что близкие друзья Аляски сейчас очень подавлены. То, что произошло, ужасно. И ничем это горе не унять, да?

— Да, сэр.

— Я очень сочувствую Чипу. Но школа — это крайне важно. Я уверен, что Аляска хотела бы, чтобы он продолжал учиться, как и раньше.

Не сомневаюсь, подумал я. Я поблагодарил Орла, и он пообещал как-нибудь все же угостить меня тостом с яйцом, что меня, откровенно говоря, напугало: я боялся, что теперь он объявится в нашей комнате со своим угощением и застанет нас, когда мы курим и когда Полковник будет потягивать водку с молоком из огромной канистры.

Когда я был на полпути к общагам, ко мне подбежал Полковник:

— Все прошло безупречно, особенно это твое «у вас там горелка не выключена». Если бы ты это не придумал, мне была бы крышка. Хотя, наверное, придется ходить на латынь. Тупой язык.

— Взял? — поинтересовался я.

— Ага, — ответил он. — Взял. Надеюсь, сегодня он ему не понадобится. Хотя он наверняка ничего и не заподозрит. Кому может прийти в голову *алкотестер* своровать?

В два ночи Полковник выпил шестую рюмку водки, скорчил рожу и принялся неистово тыкать пальцем в бутылку «Маунтин дью», который пил я. Я передал, и он сделал огромный глоток.

— Не, завтра, наверное, я снова не смогу пойти на латынь, — сообщил он. Слова его звучали нечетко, словно у него язык распух.

— Еще одну, — попросил я.

— Ладно. Но не более того. — Полковник налил немного водки в бумажный стаканчик, проглотил, стиснул зубы и сжал руку в маленький кулачок. — *Господи*, какая мерзость. С молоком куда лучше. Я надеюсь,

ноль двадцать четыре уже есть.

— Надо выждать пятнадцать минут перед тестом, — напомнил я: мы скачали инструкцию к прибору с Интернета. — Ты чувствуешь, что пьян?

— Если мерить опьянение печеньем, то я — «Феймос Эймос». [\[12\]](#)

Мы посмеялись.

— Прикольной было бы «Чипс Аой», — сказал я.

— Прости, я уже не в форме.

Я держал в руке алкотестер, изящный серебристый приборчик размером с небольшой пульт управления. Под жидкокристаллическим экраном располагалась маленькая дырочка. Я подул. «0,00», — сообщила машинка. Значит, работает.

Через пятнадцать минут я отдал его Полковнику.

— Дуй изо всех сил как минимум две секунды, — велел я.

Он посмотрел на меня:

— Как хорошо, что ты хоть этого Ларе не сказал, когда вы телек смотрели. Понимаешь ли, Толстячок, «подуть в свистульку» — это просто эвфемизм такой для минета, на самом деле никто не дует.

— Заткнись и дуй давай, — огрызнулся я.

Полковник надул щеки и начал дуть в отверстие — с силой, долго, даже покраснел.

0,16.

— О, нет, — ужаснулся Полковник. — О господи!

— Ты две трети пути преодолел, — попытался подбодрить его я.

— Да, но если отсчитывать до блевоты, то уже три четверти.

— Но столько выпить точно можно. Она же выпила. Давай, неужто ты девчонку не перепьешь?

— Давай «Маунтин дью», — стоически сказал Полковник.

И тут вдруг я услышал шаги в коридоре. Шаги! Мы ждали до часу ночи и только потом включили свет, рассчитывая, что все к этому времени будут уже десятый сон видеть — ведь был даже не выходной, — и тут шаги, черт возьми. Полковник сконфуженно посмотрел на меня, а я быстро выхватил у него алкотестер и спрятал его между диванными подушками, потом убрал бутылку с водкой и стаканчик за «ЖУРНАЛЬНЫЙ СТОЛИК», мои руки ни на секунду не останавливались, я достал из пачки сигарету и закурил, в надежде, что дым перекроет запах спиртного. Я выдыхал дым сразу, стараясь поскорее наполнить им комнату, и я уже готов был снова сесть на диван, когда в дверь трижды постучали. Полковник смотрел на меня во все глаза — он начал воображать себе малообещающее будущее, которое его ждет, я прошептал: «Плачь», а Орел уже повернул дверную

ручку.

Полковник сгорбился, свесив голову между колен, у него затряслись плечи, а я обнял его — в таком виде нас и застал Орел.

— Простите, — начал я, прежде чем он успел что-либо сказать, — ему сегодня особенно плохо.

— Ты что, куришь тут? — спросил Орел. — *В комнате? Через четыре часа после наступления комендантского часа?*

Я бросил сигарету в полупустую баночку колы:

— Прошу прощения, сэр. Я это чтобы не заснуть и не оставить его одного.

Орел пошел к нам, а Полковник попытался разогнуться, я надавил ему на плечи, чтобы он этого не делал — если бы Орел учуял запах, нам бы точно пришел конец.

— Майлз, — сказал он. — Я понимаю, вам сейчас тяжело. Но вы должны уважать правила, принятые в нашей школе, в противном случае вас придется перевести в другое учебное заведение. Завтра жду тебя в суде. Чип, тебе какая-нибудь помощь нужна?

Полковник, не поднимая головы, ответил дрожащим, заплаканным голосом:

— Нет, сэр. Майлз мне помогает.

— Я этому рад, — ответил Орел. — Постарайся убедить его держаться в рамках правил, потому что иначе он рискует потерять свое место в нашем пансионе.

— Да, сэр, — согласился Полковник.

— Можете сидеть со светом, пока не соберетесь в постель. Майлз, до завтра.

— Спокойной ночи, сэр.

Пока меня будут отчитывать, Полковник как раз сможет отнести на место алкотестер. Как только Орел вышел, он распрямился и с улыбкой прошептал, опасаясь, что тот может быть еще под дверью:

— Это было прекрасно.

— У меня были самые достойные учителя, — ответил я. — Пей.

Через час, когда бутылка уже почти опустела, прибор наконец показал 0,24.

— Слава тебе, Господи! — воскликнул Полковник и добавил: — Это ужасно. Никакого удовольствия в такой пьянке нет.

Я встал, убрал с пути «ЖУРНАЛЬНЫЙ СТОЛИК», чтобы Полковник мог пойти до конца комнаты, ни обо что не споткнувшись, и спросил:

— Ну что, встать можешь?

Он уперся руками в диван и попытался подняться, но упал, завалившись на спину.

— Комната кружится, — сообщил он. — Я блевану.

— Не блюй, это все испортит.

Я решил провести полевой тест на трезвость, как делают копы:

— Так. Встань сюда и попробуй пройти по прямой.

Полковник скатился с дивана, упав на пол, а я подхватил его под мышки и помог подняться. Я поставил его между двумя полосами на линолеуме:

— Иди по линиям. Ровно, приставляя пятку к носку.

Полковник поднял ногу, и его тут же накренило влево, он замахал руками, как ветряная мельница. Потом Полковник сделал единственный неуверенный и кривой шаг, он походил на утку — казалось, что он не может ставить ноги перед собой ровно. На короткий миг он обрел контроль над собой, сделал шаг назад и плюхнулся на диван.

— Не могу, — коротко заявил он.

— Ладно, а внутреннее самоощущение опиши.

— Соамо... ущу... что-что?

— Посмотри на меня. Я один? Или нас двое? Если бы я был полицейской тачкой, ты бы мог в меня случайно въехать?

— Все сильно кружится, но, наверное, нет. Фигово. Она тоже в таком состоянии была?

— Видимо, да. Ты мог бы машину повести?

— Нет, ни в коем разе. Нет... Нет. Да-а, она была реально пьяная.

— Ага.

— Какие мы тупые.

— Ага.

— Все кружится. Но нет. Полицейской тачки нет. Я *вижу*.

— Таковы, значит, твои показания.

— Может, она отрубилась. Мне спать жутко хочется.

— Выясним, — сказал я, пытаясь взять на себя роль, которую раньше всегда в наших отношениях играл Полковник.

— Не сегодня, — ответил он. — Сегодня мы немного поблужаем, а потом проспим столько, чтобы даже похмелья не заметить.

— Про латынь не забывай.

— Ах да! Гребаная латынь.

через двадцать восемь дней

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО ПОЛКОВНИК даже пришел на латынь: «В данный момент я чувствую себя офигенно, потому что не протрезвел еще. Но через пару часов — храни меня Господь». А я пошел на тест по французскому, к которому готовился *un petit peu*.^[13] Я нормально справился с частью, где надо было выбирать правильные варианты ответа (типа, какое время глагола годится по смыслу), но тема для сочинения «Каково значение белой розы?» по «Маленькому принцу» поставила меня в тупик.

Думаю, вопрос не показался бы мне таким сложным, если бы я этого «Маленького принца» читал — хоть по-английски, хоть по-французски. Но я, к сожалению, всю ночь накануне вливал в товарища водку. Так что я написал просто: «*Elle symbolise l'amour*» («это символ любви»). Мадам О'Мэлли отвела на сочинение целую страницу, но я решил, что выразил свою точку зрения этими тремя словами.

Я учился на четверки с минусом, чтобы родители не волновались, остальное мне теперь было по фигу. *Значение белой розы?* — подумал я. *Кому какая разница. Скажите лучше, что означают белые тюльпаны?* Вот на этот вопрос стоило найти ответ.

В суде я выслушал нотацию и получил десять часов общественных работ, после чего наконец вернулся в сорок третью, где Полковник рассказывал всю историю Такуми — то есть за исключением нашего поцелуя. Когда я вошел, он говорил:

— И мы ей помогли уехать.

— Вы петарды жгли, — сказал Такуми.

— Как ты узнал о петардах?

— Расследование небольшое провел, — ответил Такуми. — В общем, это было глупо. Не следовало вам этого делать. Но, по сути, все мы повинны в том, что она поехала, — добавил он, а я не понял, что именно он имел в виду, но спросить не успел, потому что Такуми сам обратился ко мне: — Так что, ты думаешь, она покончила с собой?

— Возможно, — ответил я. — Я не знаю, как можно было случайно влететь в полицейскую тачку, разве что она уснула.

— Может, она к отцу поехала, — предположил Такуми, — Вайн-Стейшн как раз в том направлении.

— Возможно, — согласился я. — Возможно все что угодно, не так ли?

Полковник полез в карман за сигаретами.

— Вот еще вариант: *может*, ответ есть у Джейка, — припомнил он. — Все другие варианты мы уже разработали, так что я позвоню ему завтра, согласен?

Я теперь тоже был заинтересован в том, чтобы получить ответы, но не на все вопросы.

— Ага, о'кей, — ответил я. — Но послушай, мне не рассказывай ничего такого, что не имеет прямого отношения к делу. Не хочу знать того, что не касается ответа на вопрос, куда она поехала и зачем.

— Я, в общем, тоже, — добавил Такуми. — Считаю, что какие-то вещи должны оставаться личными.

Полковник заткнул полотенце под дверь, закурил и сказал:

— Согласен с вами, мальчики. Будем исходить из принципа строгой необходимости.

через двадцать девять дней

ВОЗВРАЩАЯСЬ НА СЛЕДУЮЩИЙ день с уроков, я увидел, что Полковник сидит на скамеечке у телефона и записывает что-то в лежащий на коленях блокнот, зажав трубку между плечом и ухом.

Я поспешил зайти в нашу комнату — там я обнаружил Такуми, он играл в гонки без звука.

— Давно он разговаривает? — спросил я.

— Понятия не имею. Я пришел двадцать минут назад, он уже говорил. Наверное, свою математику для заумных пропустил. А ты что, боишься, что Джейк приедет сюда и хари вам начистит за то, что вы ее отпустили?

— Забей, — сказал я, подумав: *Вот именно поэтому и не стоило ему ничего рассказывать.*

Я пошел в ванную, включил душ и закурил. Вскоре за мной последовал Такуми.

— Что такое? — спросил он.

— Ничего. Просто хочу понять, что произошло.

— Типа, очень хочешь узнать правду? Или услышать, что она с ним поссорилась и поехала сообщить ему, что все между ними кончено, чтобы потом вернуться и броситься в твои объятия, страстно отдаться тебе и нарожать от тебя детишек-вундеркиндов, которые смогли бы заучивать и предсмертные высказывания, и стихи?

— Если ты злишься на меня, так и скажи.

— Я злюсь не из-за того, что вы позволили ей сесть за руль. Я просто устал от того, что ты считаешь себя единственным, кому она приглянулась. Как будто у тебя монополия на чувства к ней, — ответил Такуми.

Я встал, поднял крышку унитаза и смыл недокуренную сигарету.

Я взглянул на него, а потом сказал:

— Мы с ней в ту ночь целовались, и на это у меня точно монополия.

— Что? — еле выдавил он.

— Мы целовались.

Он разинул рот, словно собираясь что-то ответить, но промолчал. Какое-то время мы смотрели друг на друга без слов, я был зол на себя — я же буквально хвастался этим — и наконец прервал молчание:

— Слушай, я... ты же знаешь, какой она была. Делала все, что взбрет в голову. Я, наверное, просто под руку подвернулся.

— Да уж. А я никогда никому не подворачиваюсь, — сказал Такуми. —

Я... Толстячок, видит бог, я не вправе тебя винить.

— Ларе только не говори.

Он кивнул, и вдруг в дверь трижды постучали. Орел. Я подумал: *Черт, второй раз за неделю поймали.* Такуми показал на душевую кабину, и мы оба запрыгнули в нее и задернули занавеску, и низенький краник залил нас с груди до ног. Нам пришлось жаться друг к другу, это была нежеланная близость, но мы все же несколько долгих минут стояли, молчали и мокли, ожидая, когда пар унесет весь дым. Но в дверь душа Орел так и не постучал, так что через какое-то время Такуми выключил воду. Я приоткрыл дверь и выглянул — на диване сидел Полковник, положив ноги на «ЖУРНАЛЬНЫЙ СТОЛИК», и доигрывал заезд за Такуми. Я открыл дверь, и мы вышли — мокрые насквозь.

— М-да... не каждый день такое увидишь, — бесстрастно констатировал Полковник.

— Какого хрена? — спросил я.

— Я постучал, как Орел, чтобы вас попугать. — Он улыбнулся. — Но, блин, если вы хотели уединиться, вешайте в следующий раз записку на дверь.

Мы с Такуми расхохотались, а потом он сказал:

— Да, у нас в последнее время напряг какой-то в отношениях, но после того, как мы приняли душ вместе, я теперь ощущаю с тобой особую близость, Толстячок.

— Ну, так как все прошло? — спросил я.

Я сел прямо на «ЖУРНАЛЬНЫЙ СТОЛИК», а Такуми плюхнулся на диван рядом с Полковником. Мы оба были мокрые и слегка мерзли, но нам важнее было услышать, что рассказал Полковнику Джейк, чем переодеться.

— Это было интересно. Вот что вам надо знать: он подарил ей те цветы, как мы и думали. Они не ругались. Он позвонил, потому что обещал — ровно через восемь месяцев после того, как начались их отношения, то есть в три часа две минуты утра, что, согласимся, несколько смешно. Аляска, я так понимаю, каким-то образом услышала телефонный звонок. Они минут пять говорили ни о чем, а потом она вдруг психанула ни с того ни с сего.

— То есть совсем ни с того ни с сего? — удивился Такуми.

— Дай я проконсультируюсь со своими записями. — Полковник принялся листать страницы блокнота. — Так. Джейк говорит: «Ты хорошо отпраздновала нашу круглую дату?», а Аляска отвечает: «Просто изумительно!». — И в голосе Полковника я услышал ее бурные эмоции, она точно так же выделяла интонацией некоторые слова, вроде

«изумительно», «прекрасно», «совершенно». — Потом тишина, потом Джейк спрашивает: «Что ты там делаешь?», а Аляска отвечает: «Да ничего, просто рисую», а потом вдруг: «О боже!» И еще через некоторое время: «Черт, черт, черт!» — и начинает рыдать, говорит, что ей надо идти, что они поговорят потом, но она не сказала, что направляется к нему, и Джейк думает, что она к нему не собиралась. Он сказал, что не знает, куда она могла поехать, но что она всегда предупреждала о своем желании навестить его, а в этот раз не предупредила, значит, она вряд ли сорвалась к нему. Погодите, дайте я точную цитату найду. — Полковник перевернул страницу. — Ага, вот: «Она сказала: „поговорим потом“, а не „увидимся“».

— Мне она обещала, что мы «продолжим потом», а ему — что они «поговорят потом», — отметил я.

— Да. Есть. Планирование будущего. С версией о самоубийстве не сходится. Потом Аляска возвращается в комнату, крича, что она что-то забыла. А потом ее безудержная гонка подходит к концу. То есть, по сути, ответов никаких мы так и не нашли.

— Ну, мы узнали, куда она не собиралась.

— Разве что это был какой-то совсем странный импульс, — вставил Такуми. Он посмотрел на меня. — Судя по всему, в ту ночь она была склонна к особо импульсивным поступкам.

Полковник с любопытством посмотрел на меня, и я кивнул.

— Да, — подтвердил Такуми, — я в курсе.

— Ладно. Ты разозлился, но потом вы вместе приняли душ, и теперь все хорошо. Отлично. Так вот, той ночью... — продолжал Полковник.

Мы попытались восстановить для Такуми наш последний разговор, но оба помнили его не особо хорошо, отчасти потому, что Полковник был страшно пьян, а отчасти потому, что я его почти и не слушал, пока мы не начали играть в «Правду или действие». И мы ведь не знали, насколько это потом окажется важно. Последние слова всегда труднее запомнить, если не знаешь, что человек умрет.

— Ну, — говорил Полковник, — вроде бы мы с ней говорили о том, как я люблю играть на компе в скейтбордистов, но мне и в голову не придет встать на скейт в реале, а потом она вдруг предложила поиграть в «Правду или действие», и вы начали трахаться.

— Погоди, ты что, *трахнул* ее? *Прямо на глазах у Полковника?* — воскликнул Такуми.

— Нет.

— Ребята, угомонитесь, — призвал Полковник, вскидывая руки. — Это всего лишь эвфемизм.

— Эвфемизм чего же это был? — удивился Такуми.

— Поцелуев.

— Прекрасный эвфемизм. — Такуми закатил глаза. — Я один считаю, что это может быть важно?

— Да, мне это в голову не приходило, — сказал я с каменным лицом. — Но теперь не знаю, что и думать. Джейку она не сказала. Наверное, не так-то уж и важно.

— Может, ее терзало чувство вины, — предположил он.

— Джейк сказал, что сначала все было нормально, психанула она только под конец, — напомнил Полковник. — Но наверное, дело все же в этом разговоре. Случилось что-то, чего мы не понимаем. — Полковник в отчаянии провел рукой по волосам. — Господи, было же что-то. Что-то у нее там внутри. Нам надо лишь понять что.

— Да, осталось лишь прочесть мысли мертвого человека, — согласился Такуми. — Ничего сложного.

— Точно. Как насчет надраться?

— Я пить не хочу, — отказался я.

Полковник сунул руку в углубление дивана и извлек бутылку Такуми. Но тот тоже не захотел составить ему компанию, так что Полковник ухмыльнулся:

— Мне больше достанется. — И залпом выпил.

через тридцать семь дней

В СЛЕДУЮЩУЮ СРЕДУ ПОСЛЕ религиоведения я наткнулся на Лару. В буквальном смысле. Я ее и раньше видел конечно же. Почти каждый день — на английском, в библиотеке, когда она перешептывалась со своей соседкой Кэти. В обед и ужин в столовке, за завтраком, наверное, тоже видел бы, если бы вставал к завтраку. Она меня, естественно, тоже замечала, но только сегодня так получилось, что мы посмотрели друг на друга одновременно.

Я предполагал, что она к этому времени меня уже забыла. В конце концов, мы и встречались-то всего один день, хотя он и был очень насыщен событиями. Но когда я, спеша на математику, врезался в ее левое плечо, она повернулась и посмотрела на меня. Она была зла, и не потому, что я на нее налетел.

— Извини, — выпалил я, а Лара посмотрела на меня искоса, как будто сейчас либо расплачется, либо начнет на меня ругаться, но потом молча ушла в класс. Это было первое, что я сказал ей за месяц.

Мне хотелось бы, чтобы мне хотелось с ней поговорить. Я понимаю, что вел себя отвратительно. *Представь себя на месте Лары*, говорил себе я, *подруга умерла, а бывший парень словно дар речи утратил*. Но в моей душе хватало места только на одно искреннее желание, и объект этого желания умер, и мне теперь были нужны хотя бы ответы на вопросы «как» и «почему», а Лара не могла мне их дать, а больше для меня ничего значения не имело.

через сорок пять дней

НЕДЕЛЯМИ МЫ с Полковником жили на благотворительность в плане курева: сигареты нам либо отдавали за так, либо продавали задешево буквально все — от Молли Тэн до недавно остриженного Лонгвелла Чейза. Казалось, что все эти люди хотят нас поддержать, но другого способа выразить свое сочувствие не придумали. Но к концу февраля благотворительность закончилась. Да и к лучшему. Мне было довольно-таки неловко принимать подарки у людей — они же не знали, что это мы вложили Аляске в руку заряженный пистолет.

Так что после уроков Такуми повез нас в «Куса ликорс». В тот день мы с Такуми получили безрадостные результаты первого серьезного теста по математике за этот семестр. Может, это случилось из-за того, что кончились наши собрания с горами картошки из «Макнесъедобнальдса», на которых Аляска объясняла нам то, чего мы не поняли сами, может, из-за того, что мы вообще учебу запустили, но мы оба шли к тому, что и нашим родителям скоро отправят отчеты о неуспеваемости.

— Дело в том, что мне математика просто неинтересна, — прозаично констатировал Такуми.

— Приемной комиссии в Гарварде это будет довольно трудно объяснить, — ответил Полковник.

— Не знаю, — сказал я, — мне кажется, в ней что-то есть.

Мы посмеялись, но смех быстро утонул во всеобъемлющей тишине; я не сомневался, что все думают о ней, о том, что она мертва, холодна и уже вообще не Аляска, и мы больше никогда не услышим ее смеха. До сих пор мысли о том, что ее уже нет, повергали меня в шок. *Она лежит под землей в Вайн-Стейшн и гниет*, думал я, но даже и это было не совсем то. Тело еще есть, но ее самой нет, раз — и нет.

Теперь, даже если на время становилось весело, вскоре все равно накатывала грусть, потому что, именно когда начинает казаться, что жизнь снова стала как раньше, особенно остро понимаешь, что ее не увидишь уже никогда.

Я купил сигарет. Раньше я в «Кусу ликорс» и не заходил ни разу, но это была именно такая дыра, какую я представлял по описаниям Аляски. Пока я шел к кассе, грязный деревянный пол поскрипывал под ногами, вдруг я заметил большой круглый аквариум с грязной и мерзкой на вид водой, в которой якобы находилась «ЖИВАЯ НАЖИВКА», но на самом деле

брюхом кверху плавала целая стая мелкой рыбешки. Когда я попросил блок «Мальборо лайтс», кассирша вежливо улыбнулась мне всеми четырьмя зубами.

— Ты в Калвер-Крике учишься? — поинтересовалась она, и я не знал, говорить ли правду, поскольку, ясное дело, школьникам девятнадцати еще нет, но она взяла блок сигарет и положила его передо мной, не спрашивая моего удостоверения личности. Так что я ответил:

— Да, мэм.

— Ну и как там?

— Да неплохо, — сказал я.

— Я слыхала, что у вас там кто-то умер.

— Да, мэм.

— Мне очень жаль.

— Да, мэм.

Имени этой женщины я не узнал, потому что заведение было не из тех, где тратят деньги на бейджи, но у нее на левой щеке из родинки росли длинные белые волоски. Особо противно не было, но я все равно то и дело смотрел на родинку, а потом отводил взгляд.

Сев в машину, я дал пачку Полковнику.

Мы открыли окно, несмотря на то что февральский мороз кусал за щеки, а разговаривать на таком ветру стало совсем невозможно. Я сидел в своем уголке и курил, думая о том, почему продавщица из «Кусы ликорс» не удаляет эти волоски. Я сидел за Такуми, и ветер из его окна дул мне в лицо. Я переместился поближе к центру и посмотрел на сидящего на переднем сиденье Полковника — он улыбался, подставив лицо ветру.

через сорок шесть дней

Я НЕ ХОТЕЛ РАЗГОВАРИВАТЬ с Ларой, но на следующий день за обедом Такуми надавил на мое чувство вины.

— Как ты думаешь, что бы об этой хрени сказала Аляска? — спросил он, глядя на столик, за которым сидела Лара.

Нас разделяло три стола. С ней была ее соседка по комнате, Кэти, которая что-то рассказывала, и Лара улыбалась каждый раз, когда Кэти начинала смеяться над своей собственной шуткой. Лара набирала на вилку зерна консервированной кукурузы, поднимала ее, не вынося за пределы тарелки, а потом склоняла голову и подносила к ней рот — ела она молча.

— Она могла бы сама заговорить со мной, — сказал я Такуми.

Он покачал головой. Даже несмотря на то, что его рот был набит картофельным пюре, Такуми сказал:

— Эт'ты должен подойти первым. — Проглотив картошку, он добавил: — Толстячок, позволь задать тебе вопрос. Вот состаришься ты, поседеешь, внуки усядутся к тебе на колени и спросят: «Дедуля, кто тебе первый минет сделал?» Тебе разве приятно будет отвечать что-нибудь вроде «А... какая-то девчонка, с которой я потом и не разговаривал до конца школы»? Нет! — Он улыбнулся. — Ты захочешь ответить: «Это была моя дорогая подруга Лара Бутерская. Эх, до чего она была мила. Намного краше вашей бабушки».

Я рассмеялся. Да, пожалуй. Надо было поговорить с Ларой.

После уроков я пошел в ее комнату и постучал в дверь, она открыла с видом: *Что такое? Теперь-то тебе чего надо? Толстячок, от тебя бед уже хватило*, я посмотрел через ее плечо в комнату, куда я до этого входил всего лишь однажды и где я понял, что, независимо от того, будем мы целоваться или нет, разговаривать мы не сможем. Пока молчание не стало слишком неловким, я сказал:

— Прости.

— За что? — спросила Лара, глядя в мою сторону, но все же не прямо на меня.

— За то, что игнорировал тебя. За все, — ответил я.

— Не надо было предлагать стать мои-им парнем. — Лара была очень хорошенькая, она хлопала ресницами, обрамлявшими большие глаза, круглые щеки казались очень мягкими, но все же их округлость напоминала мне лишь о худеньком скуластом лице Аляски. Но это я мог

пережить — в любом случае, должен был пережить. — Мы могли-и бы просто быть друзьями-и.

— Я знаю. Я вел себя как идиот. Прости меня.

— Не прощай этого придурка, — прокричала из комнаты Кэти.

— Я тебя прощаю. — Лара улыбнулась и обняла меня, крепко сжав в области талии.

Я тоже обнял ее за плечи, ее волосы пахли фиалками.

— А я тебя не прощаю, — сказала появившаяся в дверях Кэти. И несмотря на то, что мы с ней были лишь едва знакомы, она не постеснялась дать мне коленкой по яйцам. Она довольно улыбнулась и, когда я согнулся от боли, добавила: — Вот *теперь* прощаю.

Мы с Ларой — без Кэти — пошли к озеру. И поговорили. Поговорили — об Аляске, о нашей жизни в прошедший месяц, о том, что ей приходилось скучать и по мне, и по Аляске, а мне — только по Аляске (в общем, верно). Я рассказал ей правду, насколько мог себе позволить, и про петарды, и про то, как мы ходили в отделение Пелхэма, и о белых тюльпанах.

— Я любил ее, — сказал я. Лара сказала, что и она любила Аляску, я ответил: — Я знаю, но в этом как раз и кроется причина. Я ее любил — и после того, как ее не стало, лишился способности думать о чем-либо еще. Мне это казалось нечестным. Как будто бы я изменял.

— Не очень хорошая при-ичи-ина, — заметила Лара.

— Знаю, — ответил я.

Она тихонько рассмеялась:

— Ну хорошо. Если уж знаешь.

Я понимал, что злости этим не унять, но мы хотя бы разговаривали.

Когда кампус накрыла вечерняя темнота, под кваканье лягушек и жужжание недавно воскресших насекомых мы вчетвером — Такуми, Лара, Полковник и я — пошли, освещаемые холодным серым светом полной луны, в Нору-курильню.

— Слушай, Полковник, почему вы зовете ее Норой-кури-ильней? — поинтересовалась Лара. — Это же больше на туннель похоже.

— Рыбаки называют такие места норами, — ответил тот. — Типа, если бы мы были рыбаками, мы бы тут рыбу ловили. А мы курим. Не знаю. По-моему, это Аляска придумала. — Полковник достал сигарету из пачки и бросил ее в воду.

— Ты офигел? — не понял я.

— Это ей, — объяснил он.

Я сдержанно улыбнулся и тоже бросил в воду сигарету. Потом я дал сигареты Такуми и Ларе, и они сделали то же самое. Они какое-то время кружили и прыгали в воде, увлекаемые течением, а потом скрылись из виду.

Я, хоть и не был религиозен, всякие ритуалы любил. Мне нравилось создавать взаимосвязь между действием и памятью. Старик рассказал нам, что в Китае есть специальные дни, которые посвящаются уборке на могилах, когда умершим можно сделать подношения. Я думал, что Аляска хотела бы покурить, так что, на мой взгляд, Полковник дал начало отличному ритуалу.

Он сам плюнул в речушку и прервал наше молчание.

— Забавно это — с духами разговаривать, — сказал он. — Не поймешь, сам ли ты выдумываешь их ответы или они действительно с тобой общаются.

— Я предлагаю составить список. — Такуми явно не хотелось лезть в такие дебри. — Что подтверждает версию о самоубийстве?

Полковник тут же извлек свой вездесущий блокнот.

— Она не нажала на тормоза, — сказал я, и Полковник принялся писать.

Плюс Аляска из-за чего-то ужасно переживала, хотя она и до этого уже не раз из-за чего-то ужасно переживала, и это не приводило к самоубийству. Мы рассмотрели версию, не являются ли цветы каким-то приношением самой себе — может, они были предназначены как раз для собственных похорон или типа того. Но решили, что это на нее не похоже. Да, она любила создавать атмосферу таинственности, но если уж ты распланировал самоубийство вплоть до похоронных цветов, то надо иметь и какой-то план, как именно ты собираешься покончить с жизнью, а зная, что поперек трассы I-65 как раз для этого будет стоять полицейская тачка, она не могла.

А что говорило в пользу несчастного случая?

— Аляска была чудовищно пьяна, может быть, она думала, что сможет проехать мимо полицейских, хотя я не знаю как, — предположил Такуми.

— Может быть, она уснула, — добавила Лара.

— Да, об этом мы думали, — ответил я. — Но если заснешь, вряд ли будешь ехать по прямой.

— Я пока не могу придумать способ это выяснить, не подвергая наши жизни опасности, — с серьезным видом заявил Полковник. — В общем, по ее поведению предположить, что она соберется покончить с собой, было нельзя. Ну, то есть она никогда не говорила о том, что хочет умереть, вещи

свои не раздавала и все такое.

— Два пункта: напилась и не планировала наложить на себя руки, — констатировал Такуми.

Опять тупик. Тот же хрен, только сбоку. Придумать мы ничего нового уже не могли, нам нужны были новые факты.

— Надо все же узнать, куда она поехала, — сказал Полковник.

— Перед смертью она разговаривала только с нами и Джейком, — напомнил я. — Мы не знаем куда. Как понять-то, блин?

Такуми посмотрел на Полковника и вздохнул:

— Я думаю, что и в этом смысла нет. По-моему, только хуже будет, если мы узнаем. Я нутром чую.

— Ну а моему нутру надо это узнать, — возразила Лара, и только тогда я понял, что имел в виду Такуми в тот день, когда мы вместе душ принимали, — может быть, мне и посчастливилось с ней поцеловаться, но монополии на чувства к Аляске у меня *не было*; все это имело значение не только для нас с Полковником, не мы одни хотели понять, как она погибла и почему.

— Тем не менее, — признал Полковник, — мы застряли. Кто-то из вас должен придумать, что делать. У меня больше никаких идей по поводу путей расследования нет.

Он швырнул бычок в речку, встал и пошел прочь. Мы двинулись за ним. Даже признав поражение, он оставался нашим Полковником.

через пятьдесят один день

ПОСКОЛЬКУ РАССЛЕДОВАНИЕ ЗАШЛО в тупик, я снова принялся читать литературу по религиоведению, что, похоже, радовало Старика, особенно на фоне того, что в последние полтора месяца я проваливал все его внезапные тесты. В ту среду нас ожидало следующее задание: *«Приведите пример буддистского коана»*. Коан — это такое подобие загадки, которое, по мнению дзен-буддистов, может подтолкнуть человека к просветлению. Я написал про Банзана. Однажды он шел по рынку и услышал, как кто-то попросил у мясника лучший кусок мяса. Тот ответил: *«У меня в магазине только лучшее. Ни одного не лучшего куска нет»*. Услышав это, Банзан понял, что лучшего и худшего не существует, что такие оценки не имеют реального смысла, потому что есть только то, что есть, — и *бдыц*, он достиг просветления. Когда я читал об этом накануне, я думал, не может ли и со мной случиться то же самое — вдруг я в один прекрасный момент пойму Аляску, познаю ее, выясню, какую роль я сыграл в ее смерти? Но я не был уверен в том, что просветление может быть подобно удару молнии.

Когда мы сдали работы, Старик взял свою палку и, не вставая, указал на цитату из Аляскиной курсовой, которая за это время уже значительно поблекла.

— Давайте-ка прочтем одно предложение на девяносто четвертой странице этого увлекательного введения в дзен-буддизм, которое я задал вам изучить на этой неделе. *«Всему, что возникает, суждено исчезнуть»*, — процитировал Старик. — Всему. Вот кресло, на котором я сижу. Его кто-то сделал, а когда-нибудь его не станет. Меня самого не станет, может быть, даже раньше, чем кресла. И вас тоже не станет. Клетки и органы, составляющие ваш организм, некогда появились, и когда-нибудь им будет суждено исчезнуть. Будде было известно то, что ученые доказали только через тысячи лет после его смерти: уровень энтропии растет. Все рассыпается.

Все мы уходим, вспомнил я, и это касается и быков и бычков, Аляски-девчонки и Аляски-штата, поскольку ничто не вечно, даже сама Земля. Будда говорил, что страдают люди из-за своих желаний, и когда мы избавимся от желаний — мы избавимся и от страданий. То есть когда перестанешь хотеть, чтобы все навсегда оставалось как есть, перестанешь страдать из-за того, что все меняется.

«Когда-нибудь никто и не вспомнит, что она вообще когда-то жила на этом свете», — записал я в тетради. И добавил: «И про меня не вспомнят». Память же тоже не вечна. И тогда, получается, от тебя не остается ничего, ни призрака, ни даже его тени. Поначалу Аляска не оставляла меня ни на минуту, даже во сне, а теперь, по прошествии всего нескольких недель, ее образ уже начал ускользать, распадаться в сознании, и не только в моем, — она как будто бы умирала повторно.

Полковник, который с самого начала руководил расследованием и которому было крайне важно понять, что же случилось в ту ночь, в то время как я сам думал лишь о том, любила ли она меня, сдался, так и не найдя ответов. А мне имевшиеся у меня ответы не нравились: Аляска, похоже, мало значения придавала тому, что случилось между нами, раз уж даже Джейку об этом не рассказало; наоборот, она с ним любезничала, не дав ему никакого повода заподозрить, что всего за несколько минут до этого я целовал ее пьяные губы. А потом в ней что-то щелкнуло, и то, что некогда возникло, начало распадаться.

Может быть, другого ответа мы уже не получим. Ее не стало, потому что так бывает со всем. Полковник, похоже, смирился с этой мыслью, но расследование, которое он начал, стало теперь тем единственным, что не давало пропасть мне, и я еще надеялся на озарение.

через шестьдесят два дня

В СЛЕДУЮЩЕЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ я проснулся, только когда солнце поднялось уже довольно высоко, пробилось сквозь жалюзи и уронило луч мне на лицо. Сначала я укрылся с головой одеялом, но мне стало нечем дышать, так что я встал и решил позвонить родителям.

— Майлз! — воскликнула мама даже прежде, чем я поприветствовал ее. — Мы установили определитель номера.

— И он каким-то чудесным образом угадывает меня, даже когда я звоню с автомата?

Она рассмеялась:

— Нет, просто пишет «автомат» и код региона. Остальное я сама вычислила. Как ты там? — заботливо спросила она.

— Нормально. Я, правда, отстал по некоторым предметам, но теперь я снова взялся за учебу, так что надеюсь наверстать, — сказал я, и это практически целиком было правдой.

— Я понимаю, что тебе сейчас тяжело приходится, дружок, — ответила мама. — Кстати! Знаешь, с кем мы столкнулись вчера на вечеринке? С миссис Форестер. Она у тебя вела в четвертом классе! Помнишь? Она тебя не забыла и очень хорошо о тебе отзывалась, мы поговорили... — Я, конечно, был рад слышать, что миссис Форестер высоко ценила меня в четвертом классе, но слушал я лишь вполуха, разглядывая каракули на покрашенной белой краской сосновой стене по обеим сторонам от телефона в поисках чего-нибудь новенького, что удастся разгадать («У Лэйси — пятница, 10» — о вечеринке выходников, это я понял) — ...вчера мы ужинали с Джонстонами, и, к сожалению, по-моему, твой папа перебрал вина. Мы играли в шарады, и он был просто ужасен. — Мама рассмеялась.

Я чувствовал себя очень уставшим, но кто-то утащил стоявшую ранее у автоматов лавочку, поэтому я опустил свою костлявую задницу на твердый бетонный пол, натянув металлический телефонный провод и подготовившись выслушивать длинный мамин монолог, и вдруг подо всеми каракулями я увидел нарисованный цветочек. Двенадцать продолговатых лепестков вокруг закрашенной сердцевинки на белой, как маргаритка, стене. Маргаритки, белые маргаритки, я вдруг услышал ее голос: *Толстячок, что ты видишь? Смотри,* — и я увидел, как она сидит тут пьяная, треплется ни о чем с Джейком. *Что ты делаешь? — Ничего,*

просто рисую, просто рисую. О, господи!

— Майлз?

— Да, мам, извини. Чип пришел. Мы заниматься собирались. Мне пора идти.

— Ты потом еще перезвонишь? Папа наверняка тоже хочет с тобой поговорить.

— Ага, мам, да, конечно. Я люблю тебя, не забывай. Я пойду, пока.

— Я, кажется, кое-что нашел! — закричал я Полковнику, спрятавшемуся под одеялом, но мой возбужденный призыв и вероятность того, что я что-то — хоть что-то — нашел, немедленно подняли его на ноги.

Он спрыгнул со своей полки. Прежде чем я успел что-то сказать, он наклонился, поднял рубашку и майку, в которых ходил накануне, напялил их и вышел вслед за мной.

— Смотри, — показал я, и он опустил на корточки.

— Да. Это ее. Она всегда такие цветочки рисовала.

— Помнишь, она и Джейку сказала: «Просто рисую». Он спросил ее, что она делает, а Аляска ответила: «Просто рисую», а после этого воскликнула «О, господи» и распахнулась. Она нарисовала цветок и что-то вспомнила.

— У тебя отличная память, Толстячок, — признал Полковник, а я не понял, почему он к этому так равнодушен.

— А потом психанула, — повторил я, — и взяла тюльпаны, пока мы убежали за петардами. Глядя на свой рисунок, она вспомнила что-то там, что она забыла, и из-за этого распахнулась.

— Вероятно, — ответил Полковник, все еще глядя на цветок — пытаюсь, наверное, увидеть его глазами Аляски. Потом он наконец поднялся и сказал: — Впечатляет, Толстячок. — И похлопал меня по плечу, словно тренер, довольный своим учеником. — Но все равно непонятно, что именно она забыла.

через шестьдесят девять дней

ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ ПОСЛЕ обнаружения цветка я смирился с тем, что эта находка нам ничего не скажет — все-таки я не Банзан в мясной палатке, — к тому же воскресли растущие вокруг кампуса клены, а уборщики снова принялись стричь траву на газонах, и мне стало казаться, что мы потеряли ее окончательно.

После обеда мы с Полковником зашли в лес недалеко от озера и выкурили сигарету на том самом месте, где так много месяцев назад нас поймал Орел. Незадолго до этого закончилось собрание, на котором Орел объявил, что около озера будет построена игровая площадка имени Аляски. Да, она любила качаться, но *игровая площадка*? Лара на собрании высказалась — не сомневаюсь, что впервые в жизни, — что надо придумать что-нибудь поприкольнее, что-то такое, что Аляска сама хотела бы сделать.

И теперь, сидя на замшелом полусгнившем бревне, Полковник сказал: — Лара права. Надо что-то сделать в ее память. Прикол какой-нибудь. Что-нибудь, что ей бы понравилось.

— Мемориальный прикол, что ли?

— Именно. Прикол памяти Аляски Янг. Можем сделать это ежегодной традицией. В общем, вот что она в том году придумала. Но хотела отложить на потом, на последний год учебы. Но идея хороша. Очень хороша. Это войдет в историю.

— Так ты суть мне расскажешь? — спросил я, вспоминая те времена, когда они с Аляской отказывались посвящать меня в свои планы по поводу «Ночи в сарае».

— Конечно, — ответил он. — Называться это будет «Низвержением парадигмы патриархата».

А потом Полковник все рассказал, и я должен признать, что Аляска оставила нам королевский план, «Мону Лизу» школьных отрывов, которая станет апофеозом всех самых прикольных выходов учеников Калвер-Крика. Если Полковник сможет его воплотить, этот день навеки останется в памяти всех, его переживших, а Аляска заслуживала именно этого. И, что лучше всего, в этой задумке не было таких пунктов, за которые могли исключить из школы.

Полковник встал и стряхнул мох и грязь со штанов:

— Думаю, мы обязаны сделать это во имя Аляски.

Я согласился, хотя она задолжала нам ответы на наши вопросы. Если она где-то там, наверху, или тут, рядом, или где-то еще неподалеку, может, она хоть посмеется. И тогда, возможно — всего лишь возможно, — даст нам подсказку, которую мы так жаждем получить.

через восемьдесят три дня

ДВЕ НЕДЕЛИ СПУСТЯ Полковник вернулся с весенних каникул с двумя тетрадями, содержащими план предстоящей операции в мельчайших подробностях, там были и схемы местности, и целых сорок страниц, исписанных в два столбика теми проблемами, с которыми мы можем столкнуться, и способами их решения. Все время было просчитано до десятой доли секунды, расстояния — до сантиметров. Полковник проверил все расчеты еще раз — его пугала мысль о том, что мы можем ее подвести.

В то воскресенье он проснулся поздно. Я читал «Шум и ярость», что, по-хорошему, надо было сделать еще в середине февраля. Услышав, что он заворочался, я посмотрел наверх. Полковник сказал:

— Надо собрать нашу группу.

Мне пришлось выйти из дома, на улице стоял пасмурный весенний день. Я разбудил Лару с Такуми и отвел их в сорок третью. Команда, принимавшая участие в операции «Ночь в сарае», была собрана в полном составе — ну, по возможности полным — для обсуждения нового плана, «Прикола памяти Аляски Янг».

Мы втроем уселись на диван, а Полковник встал перед нами и изложил свой план, распределив наши роли. В таком возбуждении я видел его только до. Закончив, он спросил:

— Есть вопросы?

— Да, — сказал Такуми. — Это что, серьезно, может получиться?

— Ну, во-первых, надо найти стриптизера. А во-вторых, Толстячок должен как-то раскрутить отца.

— Ладно, — согласился Такуми, — тогда за дело.

через восемьдесят четыре дня

КАЖДУЮ ВЕСНУ в какую-нибудь из пятниц ученики Калвер-Крика после обеда освобождались от уроков, и все, включая преподавательский состав и обслуживающий персонал, собирались в спортзале. Это называлось «День выступлений». Выступлений было два — обычно приглашались знаменитости или политики незначительного масштаба, такие, кто соглашался прочитать лекцию в школе за жалкие триста баксов, выделенные бюджетом. Младшие классы выбирали одного гостя, старшие — второго, и любой, кто хоть раз бывал на этом «Дне выступлений», признавал, что это невыносимая скучища. Мы планировали слегка встряхнуть это мероприятие.

Нам надо было лишь уговорить Орла пригласить в школу «Доктора Уильяма Морса», «друга моего отца», «выдающегося исследователя подростковых отклонений в плане сексуальности».

Я позвонил папе на работу, его секретарь, Пол, поинтересовался, все ли в порядке, и я подумал, почему все — все — спрашивают, все ли в порядке, если я позвоню в какое-либо другое время, кроме воскресного утра.

— Да, все прекрасно.

Папа подошел к телефону:

— Привет, Майлз. Все нормально?

Я рассмеялся и тихонько заговорил — вокруг сновали люди.

— Да, пап. Ты помнишь, как вы сперли школьный звонок и закопали его на кладбище?

— Да, это была величайшая выходка за всю историю Калвер-Крика, — с гордостью подтвердил он.

— Была, пап. *Была*. В общем, мне нужна твоя помощь, чтобы организовать новый величайший прикол Калвер-Крика.

— Ох, не знаю, Майлз. Не хотелось бы, чтобы у тебя начались неприятности.

— Не начнутся. Участвует весь класс. И вообще, никто не пострадает. «День выступлений» — помнишь такую традицию?

— *Боже*, это такая скукота. Хуже даже, чем уроки.

— Да, поэтому надо, чтобы ты притворился, как будто хочешь у нас выступить. От имени доктора Уильяма Морса, преподавателя психологии из университета Флориды, специалиста по подростковой сексуальности.

Он долго молчал, а я в это время смотрел на последнюю Аляскину маргаритку, ожидая, что он поинтересуется, в чем же суть прикола, и я расскажу, но я слышал лишь его размеренное дыхание, а потом он наконец ответил:

— Я даже спрашивать не буду. Гм... — Папа вздохнул. — Только матери не рассказывай, ради бога.

— Богом клянусь! — Я смолк не сразу смог вспомнить настоящее имя Орла. — Минут через десять тебе позвонит мистер Старнс.

— Ага, значит, я доктор Уильям Морс, преподаватель психологии в университете и... специалист по подростковой сексуальности?

— Ага. Пап, ты лучше всех.

— Мне просто интересно посмотреть, удастся ли вам меня превзойти, — со смехом сказал он.

К жутким страданиям Полковника, осуществить задуманное можно было только с помощью выходников — в частности, старосты начальных классов Лонгвелла Чейза, который к тому моменту уже снова отрастил приличную шевелюру. Но выходникам наша идея понравилась, так что я зашел за Лонгвеллом в его комнату. Говорить нам с ним было не о чем, и мы даже не видели смысла делать вид, будто это не так, поэтому до дома Орла дошли молча. Он открыл даже прежде, чем мы успели постучать. Увидев нас, он слегка склонил голову набок, очевидно смутившись, — и верно, вместе мы выглядели слишком контрастно: Лонгвелл в брюках со стрелками и я в джинсах, стирку которых все откладывал и откладывал.

— Мы выбрали в качестве гостя друга отца Майлза, — сообщил Орлу Лонгвелл. — Это доктор Уильям Морс. Он преподает в университете Флориды, занимается подростковой сексуальностью.

— Хотите, значит, скандальную тему поднять?

— Нет, — возразил я. — Я с доктором Морсом как-то встречался. Он человек интересный, но позиция у него не скандальная. Он изучает... гм... ну, взгляды подростков на половую жизнь, которые постоянно меняются и расширяются. И он против того, чтобы мы начинали половую жизнь до свадьбы.

— Ну, ладно. Давайте мне его телефон. — Я протянул Орлу бумажку, он подошел к висящему на стене телефону и набрал номер. — Алло. Могу я поговорить с доктором Морсом?.. Хорошо, спасибо... Доктор Морс, здравствуйте. Я звоню по просьбе Майлза Холтера, он сказал... да, отлично... Так вот, я хотел поинтересоваться... — Орел на время замолчал и принялся наматывать провод на палец, — поинтересоваться насчет, ну, вы... надеюсь, вы понимаете, что молодые ребята очень впечатлительны.

Совсем уж *откровенной* дискуссии нам не надо... Отлично. Превосходно. Я рад, что вы понимаете... И вам, сэр. До скорой встречи! — Орел повесил трубку и с улыбкой констатировал: — Вы сделали хороший выбор! Он кажется человеком интересным.

— Да, — серьезно заверил Лонгвелл. — Я думаю, лекция получится на редкость увлекательная.

через сто два дня

ПАПА ИЗОБРАЗИЛ ДОКТОРА Морса по телефону, но человек, который будет играть его в реальной жизни, известен под именем Макс Два Икса, хотя на самом деле его зовут Стэн, а в «День выступлений» он, ясное дело, представится доктором Уильмом Морсом. Короче, у него настоящий экзистенциальный кризис самоидентификации: стриптизер, у которого кличек больше, чем у секретного агента ЦРУ.

Первые четыре агентства, в которые позвонил Полковник, отказали. Нам повезло, только когда мы добрались до буквы «Б» в желтостраничном разделе «Интим». Автору объявления «Будете устраивать девичник — звоните нам» наша идея очень понравилась, но он предупредил: «Макс будет в восторге. Только без обнаженки. Перед детьми-то». Мы — несколько неохотно — согласились.

Чтобы никого не исключили из школы, мы с Такуми собрали по пять баксов со всех одноклассников, чтобы заплатить «лектору», поскольку совсем не были уверены в том, что это захочет сделать Орел после такого... гм... выступления. Я внес плату и за Полковника.

— Мне кажется, я заслужил этот щедрый жест, — сказал он, показывая на исписанные схемами тетради.

В то утро даже во время уроков я не мог думать ни о чем другом. Все младшие ученики уже две недели как знают, а утечки информации пока еще не произошло. Вообще же в Калвер-Крике все любили посплетничать, особенно выходники, и если хоть один из нас рассказал бы другу, который рассказал бы другу, который рассказал бы другу, который рассказал бы Орлу, все бы рухнуло.

Заведенное в Крике правило «не стучи» с честью выдержало эту проверку, но когда в назначенный день в 11:50 Макс Два Икса/Стэн/доктор Морс не объявился, я думал, что Полковник осатанеет. Он сидел на бампере машины на студенческой стоянке, повесив голову, и постоянно запускал руки в свою густую шевелюру, словно пытаясь там что-то отыскать. Макс обещал подъехать к 11:40, за двадцать минут до официального начала мероприятия, чтобы мы успели рассказать ему, о чем надо говорить и все прочее. Я стоял рядом с Полковником, я тоже волновался, но молча продолжал ждать. Мы послали Такуми позвонить в агентство, чтобы выяснить, где же наш «выступающий».

— Я до фига всяких потенциальных проблем предусмотрел, но такого в списке не было. Решения на этот случай у нас нет.

Подбежал Такуми, державший рот на замке до тех пор, пока не приблизился к нам, — чтобы никто не услышал. Ребята уже заходили в зал. Опаздываем, опаздываем, опаздываем, опаздываем... Мы вообще от лектора мало требовали. Речь составили сами. Всю его роль прописали. Максу Два Икса надо было лишь прийти в своей рабочей форме. И несмотря на это...

— В агентстве сказали, — выдохнул Такуми, — что лектор едет.

— Едет? — спросил Полковник, с пущей яростью вцепляясь в волосы. — Едет? Он уже опоздал!

— Сказали, что он должен быть... — И тут нашему волнению пришел конец, поскольку на стоянку въехал синий мини-вэн, и в нем я увидел мужчину в костюме.

— Надеюсь, это он, ради его же блага, — заявил Полковник, когда машина заняла место на стоянке. Он подбежал к пассажирской двери.

Из нее вылез парень:

— Я Макс.

— А я — безымянный и безликий представитель младших классов, — ответил Полковник, пожимая Максу Два Икса руку.

Тому оказалось лет тридцать, широкоплечий, загорелый, с мощной челюстью и черной козлиной бородкой.

Мы вручили ему текст речи, он быстро прочел.

— Вопросы есть? — спросил я.

— М-м... ну да. С учетом специфики мероприятия, думаю, вам лучше заплатить мне вперед.

Говорил он хорошо, буквально как преподаватель, и меня наполнила уверенность — казалось, что это сама Аляска нашла лучшего стриптизера во всей Центральной Алабаме и привела его к нам.

Такуми залез в тачку и достал оттуда бумажный пакет из продуктового магазина, в котором лежали 320 баксов.

— Держите, Макс, — сказал он. — Толстячок посидит с вами, потому что вы — друг его отца. Это и в докладе есть. Но надеемся, что, если вас по окончании спектакля начнут допрашивать, вы не забудете сказать, что разговаривали по громкой связи со всем классом, когда вас нанимали, поскольку мы не хотим, чтобы у Толстячка были неприятности.

Он рассмеялся:

— Согласен. Я вообще подписался на это потому, что затея жутко смешная. Жаль, мне такого в голову не пришло, когда я в школе учился.

Мы с Максом/доктором Морсом вошли в зал вместе, Такуми с Полковником предпочли держаться подальше. Я понимал, что куда больше рискую быть наказанным, чем все остальные, но я за последние две недели довольно внимательно изучил «Памятку ученику пансиона Калвер-Крик» и напомнил себе о двузубой вилке, которой можно будет воспользоваться, если неприятности у меня все же возникнут. Во-первых, по сути, запрета приглашать в школу стриптизеров не существует. Во-вторых, моя вина недоказуема. Можно лишь говорить о том, что я привел в школу человека, которого считал экспертом по сексуальным отклонениям у подростков, но который вдруг сам оказался с отклонениями.

Мы с доктором Морсом сели в центре первого ряда трибун. За мной расположились какие-то девятиклассники, но вскоре появился Полковник с Ларой, он вежливо сказал: «Спасибо, что заняли нам место» — и прогнал их. Такуми же в это время, согласно плану, находился в кладовой на втором этаже — он должен был подключить свою стереосистему к динамикам спортзала. Я повернулся к доктору Морсу:

— Нам надо заинтересованно смотреть друг на друга и вести беседу, словно вы действительно друг моих родителей.

Он улыбнулся и кивнул:

— Твой отец — отличный человек. А мама... настоящая красавица.

Это прозвучало как-то ужасно, и я закатил глаза. Хотя мне все равно нравился этот стриптизер. Орел вошел в зал ровно в полдень, поприветствовал выступающего, приглашенного старшеклассниками — бывшего министра юстиции штата Алабама, — а потом подошел к доктору Морсу. Тот с огромным апломбом поднялся и, пожимая руку Орлу, даже слегка поклонился — может быть, это был чересчур формальный жест, — и Орел сказал:

— Очень раз приветствовать вас в нашем пансионе.

Макс Два Икса ответил:

— Спасибо. Надеюсь, я вас не разочарую.

Я не боялся, что меня исключат. Я даже не боялся, что исключат Полковника. Хотя, быть может, зря. Я боялся, что все может сорваться, потому что Аляска нам не помогала. Может быть, достойный ее розыгрыш не может быть осуществлен без ее участия.

Орел занял место на кафедре:

— Сегодня — важный день в истории Калвер-Крика. Основатель нашего пансиона, Филлип Гарден, считал, что и вам, ученикам, и нам, вашим учителям, необходимо время от времени внимать мудрости людей,

живущих за пределами кампуса, и по этой традиции мы ежегодно приглашаем сюда гостей, чтобы получить возможность поучиться у них и взглянуть на мир их глазами. В этом году выбор младших классов пал на доктора Уильяма Морса, преподавателя психологии университета Флориды, уважаемого ученого. Сегодня он расскажет нам о подростковой жизни и сексуальности, я уверен, что вам эта тема очень интересна. Приглашаем доктора Морса на сцену!

Мы захлопали. Сердце в моей груди стучало, чуть ли не заглушая аплодисменты. Пока Макс Два Икса шел к кафедре, ко мне наклонилась Лара и прошептала:

— А он и-и правда очень секси-и.

— Благодарю вас, мистер Старнс.

Макс Два Икса улыбнулся и кивнул Орлу, потом расправил бумаги с заготовленной речью и положил их на кафедру. Даже я сам готов был поверить, что он преподает психологию в университете. Может, он на самом деле был актером и просто подрабатывал стриптизом.

Он начал читать нашу речь, не отрывая взгляда от листа, но говорил он уверенно, немного свысока, как настоящий доктор наук:

— Сегодня мы поговорим на интереснейшую тему, иными словами, о подростковой сексуальности. Я веду исследования в сфере лингвистики сексуальности, в частности изучаю, в каких терминах молодежь обсуждает вопросы пола и смежные темы. Например, я ставлю своей задачей понять, почему, если я вдруг скажу «рука», никто не отреагирует, а если произнесу слово «вагина», вы, вероятно, рассмеетесь. — В аудитории действительно слышались нервные смешки. — То, как молодые люди говорят о телах друг друга, во многом характеризует наше общество. В наше время мальчики намного чаще видят в девочках исключительно их тело, чем наоборот. Например, юноши в разговорах друг с другом говорят, что у такой-то классные буфера, в то время как девочки про мальчиков говорят «прикольный», и этот термин подразумевает как оценку внешности, так и эмоциональную характеристику. Таким образом, получается, что девочки воспринимаются исключительно как объекты, в то время как они в юношах видят людей...

И тут встает Лара и перебивает доктора Уильяма Морса, выкрикивая невинным голоском:

— Ты свел меня с ума! Закрой рот и-и раздевайся!

Ученики рассмеялись, а учителя, все как один, повернулись к ней, посмотрели строго, и воцарилась убийственная тишина. Она села.

— Как тебя зовут, милая девушка?

— Лара, — ответила она.

— Лара, — сказал Макс Два Икса, подглядывая в бумажку, — твое поведение является интересным прецедентом — ты, девушка, объективизируешь меня, мужчину. Это настолько необычно, что мне остается лишь предположить, что ты попыталась пошутить.

Лара снова поднялась и закричала:

— Я не шучу! Раздевайся.

Он нервно сверился с бумажкой и продолжил:

— Низвергнуть парадигму патриархата конечно же необходимо. Наверное, ты выбрала подходящий способ. Хорошо, — сказал он и вышел из-за кафедры. И закричал, да так громко, что и Такуми наверняка услышал: — Посвящается Аляске Янг!

Из колонок хлынула насыщенная басами песня Принса, доктор Уильям Морс одной рукой дернул за штанину, а другой — за лацкан пиджака, липучка расстегнулась, и мы увидели его в профессиональной униформе — это был мускулистый мужчина с огромным «иксом», восемью кубиками пресса на животе и накачанной грудью. Макс Два Икса улыбался, его наготу прикрывали лишь плавки; белого он решил действительно не надевать, но правилом «обтягивающего не носить» пренебрег: черная кожа плотно обтягивала его бедра.

Он не сходил с места, лишь размахивал руками под музыку, но толпа просто взорвалась хохотом и оглушительными несмолкаемыми аплодисментами — это явно были самые мощные овации за всю историю «Дня выступлений». Орел подскочил, и, как только он встал, Макс прекратил свой танец, но продолжил поигрывать мышцами на груди под веселую музыку. Орел не улыбался, но по тому, как он поджал губы, было видно, что это ему дорогого стоит. Он большим пальцем показал Макссу на выход, и тот повиновался.

Я проводил нашего гостя взглядом до двери и увидел в проеме Такуми, победоносно вскинувшего кулаки, а потом он улетел наверх выключать музыку. Я обрадовался, что он хоть что-то увидел.

У Такуми было довольно времени на то, чтобы вынести оборудование, потому что мы еще несколько минут гоготали и обсуждали случившееся, не обращая внимания на Орла, все повторявшего:

— Ну все, все. Успокаивайтесь. Успокойтесь уже, утихните.

Затем выступил приглашенный гость старшекласников. Ему конечно же никто не обрадовался. На выходе из зала нас обступили старшие:

— Это вы все устроили?

Я лишь улыбнулся и ответил отрицательно. Это ведь был не я, не

Полковник, не Такуми, не Лара, не Лонгвелл Чейз, не кто-либо еще из присутствовавших в зале. Права на эту идею всецело принадлежали Аляске. Она говорила, что самое сложное в хорошем приколе — это невозможность признаться, что это сделал ты. Но теперь я мог похвастаться от ее имени. Медленно направляясь к выходу, я говорил всем, кто меня слушал:

— Нет, не мы. Это Аляска.

Мы все вчетвером собрались в сорок третьей, буквально сияя радостно от успешно проведенной операции — мы были уверены, что такой успех в Калвер-Крике никто не сможет повторить. Я и не задумывался о том, что нам может влететь, до тех пор, пока дверь в нашу комнату не отворилась и над нами не возвысился Орел, в негодовании качающий головой.

— Я знаю, что это были вы, — сказал он.

Мы молча посмотрели на него. Орел часто блефовал. Может, и сейчас блефует.

— Чтобы больше ничего подобного не было, — добавил он. — Боже ж ты мой, «низвергнуть парадигму патриархата» — как будто она эту речь сама написала. — Он улыбнулся и закрыл за собой дверь.

через сто четырнадцать дней

ПОЛТОРЫ НЕДЕЛИ СПУСТЯ я шел с последнего урока, и палящее солнце напомнило мне, что весна в Алабаме длится всего несколько часов: в мае уже началось шестимесячное лето, по спине текла струйка пота, и я принялся тосковать по суровому январскому ветру. В своей комнате я застал Такуми: он сидел на диване и читал принадлежавшую мне биографию Толстого.

— Э-э... привет, — поздоровался я.

Он закрыл книгу, положил ее рядом и объявил:

— Десятое января.

— Что? — не понял я.

— Десятое января. Знакомая дата?

— Ну да, в тот день умерла Аляска. — Формально, она скончалась в первые три часа 11-го числа, но для нас роковой все же стала ночь с понедельника, 10-го января, на вторник.

— Да, но это не все, Толстячок. Девятого января. Мама повела Аляску в зоопарк.

— Погоди. Нет. Откуда ты это знаешь?

— Она рассказала нам эту историю, когда была «Ночь в сарае». Помнишь?

Конечно же я не помнил. Если бы я был способен запоминать цифры, мне бы тройка с плюсом по математике так дорого не стоила.

— Черт возьми, — воскликнул я, и в этот же момент вошел Полковник.

— Что такое? — спросил он.

— Девятое января тысяча девятьсот девяносто седьмого года, — сказал я. — Аляске понравились медведи. Ее маме — обезьяны.

Пару секунд Полковник тупо смотрел на меня, а потом снял рюкзак и швырнул его в противоположный угол:

— Дерьмо. ПОЧЕМУ, БЛИН, Я ОБ ЭТОМ НЕ ПОДУМАЛ?

И за минуту Полковник придумал ответ на наши вопросы — точнее никто бы не сформулировал.

— Так. Она спит. Звонит Джейк, они разговаривают, она рисует, смотрит на беленький цветочек, и у нее мелькает мысль: «В детстве мне мама такие в волосы вплетала», и все. Она бежит в комнату и кричит, что она забыла — забыла про маму, ясное дело, — хватает цветы и уезжает...

куда? — Полковник посмотрел на меня: — Куда? На могилу матери?

Я согласился:

— Ага, наверное. Да. Аляска садится в машину, думая только о маме, а на дороге грузовик и полицейская тачка, а она пьяная, злая, и она спешит, она уверена, что сможет протиснуться как-нибудь, она ведь даже соображать ясно не в состоянии, все мысли заняты только мамой, она думает, что проскочит, и тут... все.

Такуми медленно кивает, обдумывая нашу версию, а потом говорит:

— Либо же она берет цветы, садится в машину. Но она уже опоздала. Может быть, она винит себя за то, что снова подвела мать — сначала не позвала на помощь, а теперь даже забыла чертову дату. Аляска в ярости и полна ненависти к самой себе, и она думает: «Все, хватит, я это сделаю», и тут как раз подворачивается полицейская тачка, она думает, что это ее шанс, и жмет на газ.

Полковник достал пачку из кармана и принялся постукивать ею по «ЖУРНАЛЬНОМУ СТОЛИКУ»:

— Да уж, все прояснилось лучше некуда.

через сто восемнадцать дней

И МЫ СДАЛИСЬ. Даже мне уже надоело бегать за призраком, который явно не хотел, чтобы мы его поймали. Да, мы, возможно, оказались слабы, но некоторые загадки явно не желают разрешаться. Я так и не смог понять ее настолько, насколько мне хотелось, но, возможно, эта цель была вообще недостижима. Она не дала мне такой возможности. И этот случай — или это самоубийство — никогда не будет раскрыт, я навсегда останусь жить с вопросом: *Отпустил ли я тебя, Аляска, к судьбе, которой ты не желала, или же помог тебе в твоём стремлении уничтожить себя?* Это разные преступления, и я не знал, сердиться ли на нее за то, что она сделала меня соучастником самоубийства, или на себя — за то, что позволил случиться тому, что случилось.

Но мы узнали все, что узнать было можно, и, заставив нас искать ответы на наши вопросы, Аляска помогла нам сблизиться — Полковнику, Такуми и мне. Да. Аляска не раскрыла мне собственные секреты, но все же она оставила мне так много, что я снова смог поверить в Великое «Возможно».

— Мы можем еще кое-что сделать, — сказал Полковник, когда мы играли в приставку со звуком — вдвоем, как и в первые дни расследования.

— Ничего мы больше не можем.

— Я хочу проехаться туда, — сказал он. — По ее следам.

В отличие от Аляски, мы не могли позволить себе уехать из кампуса ночью, поэтому мы сдвинули все примерно на 12 часов, то есть на 15:00. Полковник сел за руль джипа Такуми. Его с Ларой мы тоже позвали, но они к тому моменту уже окончательно устали гоняться за призраками, к тому же надвигались экзамены.

День был жаркий, солнце настолько раскалило асфальт, что простирающаяся впереди лента трассы вибрировала от перегрева. Проехав полтора километра по шоссе 119, мы свернули на I-95 и двинули на север, в сторону места происшествия, а заодно и Вайн-Стейшн.

Ехали мы быстро и молча, глядя строго вперед. Я пытался понять, о чем Аляска могла думать в ту ночь: меня снова обуяло желание разорвать время и пространство и внедриться в ее голову — хотя бы на миг. Мимо нас в сторону школы пролетела машина «скорой помощи»: сирена выла, мигалка горела, — и я на миг занервничал: *это же мог быть кто-то из*

моих знакомых. Я даже надеялся именно на это, чтобы печаль, которая все еще не оставила меня, могла обрести новую форму и глубину.

— Иногда мне это даже нравилось, — сказал я, нарушив наше молчание. — Мысль о том, что она умерла.

— В смысле, ты этому радовался?

— Нет. Не знаю, как сказать. Просто... очень чистое чувство.

— Да, — согласился Полковник, лишившись своего привычного красноречия. — Да. Понимаю. Мне тоже. Это естественно. В смысле, все как-то иначе.

Меня всегда крайне удивляло, когда я понимал, что не один я на этом свете испытываю такие странные и ужасные чувства, думаю в таком ключе.

Когда мы проехали восемь километров, Полковник перестроился в левую полосу и начал ускоряться. Я заскрежетал зубами, и вдруг перед нами на солнце заблестело битое стекло, как будто дорога была усыпана драгоценными камнями, и я подумал, что это то самое место. Полковник еще сильнее надавил на газ.

И я подумал: *Наверное, выйти здесь было бы неплохо.*

И я подумал: *Быстро и по прямой. Может, она в самую последнюю секунду и приняла это решение.*

ВЖЖЖ — мы пролетели сквозь момент ее смерти. Мы проехали там, где не смогла проехать Аляска, перед нами лежало продолжение дороги, которого она уже не увидела, — и мы остались живы. Мы живы! Мы дышим, мы плачем, мы замедляем ход и возвращаемся на нужную полосу.

На следующей же развязке мы развернулись, не спеша вышли из машины и поменялись местами. Мы обошли ее спереди и, встретившись, обнялись, я держал Полковника за плечи, сжав руки в кулаки, а он обхватил меня своими короткими ручками и крепко сжал. Я чувствовал, как он дышит, мы оба радовались и радовались тому, что живем. Понимание накатывало волнами, мы обнимались и плакали, и я думал: *Господи, мы наверняка со стороны выглядим такими жалкими уродцами*, но это ерунда, когда ты — столько времени спустя — вдруг понимаешь, что твоя жизнь продолжается.

через сто девятнадцать дней

СДАВШИСЬ, МЫ С ПОЛКОВНИКОМ с головой бросились в омут учебы, поскольку понимали, что нам обоим надо как можно лучше сдать экзамены, чтобы получить намеченный средний балл (мне достаточно было 3,0, а Полковник не хотел опускаться ниже 3,98). И наша комната превратилась в обучающий центр, где мы занимались вчетвером, с Такуми и Ларой, засиживаясь до самой ночи, обсуждая «Шум и ярость», мейоз и Арденнскую операцию. Полковник преподавал нам всю программу по математике за этот семестр, хотя для него она была настолько простой, что он объяснить толком не мог: *Ну конечно, все тут сходится. Поверьте мне. Господи, да ничего тут нет сложного.* И я скучал по урокам Аляски.

Если мы чего-то наверстать не могли, мы жульничали. Например, мы с Такуми прочитали «Прощай, оружие!» всего лишь в кратком содержании (*Эта хрень слишком длинная!* — воскликнул он).

Мы практически не разговаривали. Просто уже необходимости не было.

через сто двадцать два дня

ПРОХЛАДНЫЙ ВЕТЕРОК УМЕРИЛ пыл лета, и, собираясь раздать нам задание для экзамена, Старик предложил провести урок на свежем воздухе. Я не понял, как можно проводить на улице *целый урок* после того, как в прошлом семестре меня выперли только за то, что я туда *посмотрел*. Но Старику так захотелось, и посему мы вышли. Кевин Ричман вынес учительское кресло, а мы сели прямо на газон. Я поначалу держал тетрадь на коленях, но потом мне стало неудобно, и я положил ее в густую траву, но на такой неровной поверхности писать было тяжело, да и мошкара кружила. Мы сели слишком близко к озеру, там просто невозможно было устроиться нормально, но Старик, похоже, был всем доволен.

— Поговорим об экзамене. В прошлом семестре я дал вам на курсовую почти два месяца. В этот раз — всего две недели. — Он сделал паузу. — Ну, с этим, наверное, ничего уже не поделаешь. — Старик рассмеялся. — Честно говоря, я выбрал эту тему только вчера вечером. В целом это не в моем стиле. Но тем не менее. Прошу раздать распечатки.

Когда стопка дошла до меня, я прочел:

Как вы — лично вы — планируете выйти из лабиринта страданий? Посвятив целый год изучению трех основных религиозных течений, попробуйте в свете полученных знаний найти ответ на вопрос, заданный Аляской.

Когда материалы были розданы, Старик продолжил:

— Нет необходимости описывать подходы всех трех течений к решению данной задачи, теоретическая часть не нужна. Ваши знания — или же их отсутствие — я уже оценил по тестам, которые давал вам в течение семестра. Мне любопытнее, как вы впишете неоспоримое знание о том, что всем людям приходится страдать, в ваше видение мира и какой курс вы будете держать по жизни с учетом сего факта.

В следующем году, если мои легкие не откажут, мы займемся даосизмом, индуизмом и иудаизмом... — Старик закашлялся, потом засмеялся и из-за смеха снова стал кашлять. — Господи, может, я и не дотяну. Но я скажу еще кое-что насчет религий, которые мы изучали в этом году. И в исламе, и в христианстве, и в буддизме выделяют фигуру основателя религии — это Мухаммед, Иисус и Будда соответственно. Если

мы вспомним этих людей, мы согласимся, что каждый из них давал людям, которые шли за ним, надежду. В Аравии в седьмом веке Мухаммед обещал, что всякий сможет получить жизнь вечную, преданно служа одному истинному Богу. Будда говорил, что из круга страданий можно вырваться. Иисус уверял, что последние станут первыми, что и мытари и прокаженные — отбросы общества — имеют основания на надежду. И я жду, что именно этот вопрос вы осветите в своем сочинении: в чем черпаете надежду вы?

Когда мы вернулись к себе, Полковник закурил прямо в комнате. Мне еще оставалось один день мыть посуду в столовке в наказание за прошлый раз, но мы Орла уже особо не боялись. До каникул оставалось всего пятнадцать дней; если застучают, придется начинать учебу в старших классах с карательной трудотерапии.

— Ну и как мы выйдем из этого лабиринта, Полковник? — спросил я.

— Ох, если бы я знал.

— За такой ответ пятерку вряд ли поставят.

— Да и духа моего это не успокаивает.

— И ее тоже, — сказал я.

— Да. О ней я не подумал. — Он покачал головой. — Все время так.

— Но *что-нибудь* тебе написать придется.

— Знаешь, мне до сих пор кажется, что единственная возможность вырваться — это *быстро и по прямой*, но я пока все же предпочту походить по лабиринту. Тут отстойно, но это мой выбор.

через сто тридцать шесть дней

ПРОШЛО ДВЕ НЕДЕЛИ, но я курсовую по заданию Старика так и не дописал, а до конца семестра официально оставалось всего двадцать четыре часа. Я возвращался с последнего теста тяжело давшейся мне, но наконец успешной (как я надеялся) битвы с математикой, в которой я вырвал себе четверку с минусом, о чем так страстно мечтал. На улице стояла настоящая жара, и это тепло напоминало мне *о ней*. И я чувствовал себя нормально. Завтра за мной приедут родители, мы погрузим в машину вещи, потом выпускной, а потом обратно во Флориду. Полковник тоже планировал поехать на лето домой, к маме, смотреть, как растет соя, но я смогу ему звонить, так что мы все равно будем много общаться. Такуми собирался в Японию, а Лару снова увезет зеленый лимузин. Думая о том, что не так-то уж и страшно, что я не знаю, где теперь Аляска и куда она собиралась в ту ночь, я открыл дверь в свою комнату и заметил на полу свернутый листок. Ярко-зеленый. На верхней стороне было красиво выведено:

От... Такуми Хикохито
Толстячку/Полковнику

Простите, что не сказал, раньше. Я на выпускной не иду. Завтра утром вылетаю в Японию. Я долго на вас злился: вы сначала держали меня в игноре, и я обижался, поэтому и не говорил вам, что мне было известно. Но и когда я перестал злиться, я ничего не сказал, даже не знаю почему. Наверное, потому что у Толстячка был этот поцелуй. А я хотел, чтобы у меня осталась хотя бы эта тайна.

Вы сами почти все поняли, но дело в том, что я ее в ту ночь видел. Я засиделся допоздна с Ларой и другими ребятами и, уже засыпая, услышал ее плач — она как раз прошла у меня под окном. Было где-то 03:15, я вышел на улицу и увидел Аляску на футбольном поле. Я заговорил с ней, но она сказала, что спешит. И рассказала, что восемь лет назад умерла ее мама и что она всегда в этот день клала цветы на ее могилу, а в этом году забыла. Поэтому она пошла собирать цветы, но ничего не нашла — зима же. Вот так я узнал про то, что мама умерла 10-го. Но я до сих

пор не знаю, было ли это самоубийством.

Она очень переживала, а я не знал ни что сказать, ни как помочь. Мне кажется, она всегда на меня рассчитывала, что я скажу или сделаю что нужно — и это ей поможет. А я не смог. Я подумал, что она просто цветы ищет. Я не знал, что она поехать куда-то хочет. Она была пьяна, просто в доску, мне и в голову не пришло, что она может сесть за руль. Я думал, что она выплечется, а потом уснет, а к маме съездит на следующий день или типа того. Она ушла, а потом я услышал, как завелся двигатель. Я не знаю, о чем я думал.

Так что да, я тоже виноват, что дал Аляске уйти. Мне с ума сойти, как жаль. Я знаю, что вы ее любили. Ее невозможно было не любить.

Такуми

Я вылетел из комнаты — я бежал как человек, который никогда в жизни не курил, как в ту ночь, когда мы с Такуми носились по лесу, поджигая петарды, — я ворвался в его комнату, но Такуми там уже не было. Его место на кровати — пусто, на столе — пусто, только там, где стояла стереосистема, осталось пыльное пятно. Его уже не было, и я не мог сказать ему то, что сейчас только понял: что я его прощаю, и что она нас простила, и что прощать друг друга необходимо, чтобы выжить в этом лабиринте. Оказалось, что нам всем приходится страдать, потому что мы в ту ночь сделали то, чего не нужно было делать, и не сделали того, что должны были сделать. Страдать из-за того, что все пошло наперекосяк, из-за того, что не предвидели такого развития событий. Если бы мы умели наперед угадывать всю длинную череду событий, которая последует за каждым незначительным поступком! Но нет, мы сильны только задним умом.

Я пошел обратно к себе, чтобы показать письмо Полковнику, и по пути осознал, что никогда так и не узнаю. Я никогда не узнаю ее настолько хорошо, чтобы понять, о чем она думала в последние минуты своей жизни, не узнаю, намеренно ли она ушла от нас. Но даже если я не буду этого знать, мои чувства к ней от этого не станут меньше, я всегда буду любить Аляску Янг. Своего ущербного ближнего ущербным сердцем своим.

Я вернулся в сорок третью, но Полковника еще не было, так что я положил письмо на его полку, сел за комп и написал, как выйду из

лабиринта:

«До того как я приехал сюда, я долго думал, что лучший способ выбраться из лабиринта — это делать вид, будто его и нет. Построить в дальнем уголке самодостаточный мирок и жить с мыслью, что я не заблудился, что это мой дом. Но в этом уголке у меня была очень одинокая жизнь, полная предсмертных высказываний людей, которые уже покинули лабиринт. И я отправился сюда — искать Великое „Возможно“, настоящих друзей и более полную жизнь. А потом я облажался, и Полковник облажался, и Такуми облажался, и мы ее не удержали, она ускользнула, как песок между пальцев. И приходится признать: она заслуживала друзей понадежней.

Когда она сама облажалась, много-много лет назад, перепугавшаяся насмерть девчонка, она сломалась, превратившись в непостижимо загадочное существо. Я тоже мог бы пойти по этому же пути, но я видел, куда он привел Аляску. Поэтому я все еще верю в свое Великое „Возможно“, я могу сохранить веру, несмотря на потерю.

Потому что да, я ее забуду. То, что появилось между нами, будет незаметно исчезать, и я все забуду, но она меня простит, как и я прощаю ее за то, что она в последние минуты своей земной жизни забыла обо мне, о Полковнике, да и обо всем мире — за исключением самой себя и мамы. И я теперь знаю, что она простила мою тупость и трусость, мой тупой и трусливый поступок. Я знаю, что Аляска прощает меня, точно так же, как ее мама простила ее. И вот почему.

Сначала я думал, что она просто умерла. Ушла во тьму. Что теперь от нее осталось лишь тело, поедаемое червями. Я очень часто воображал именно это — как она стала чьей-то пищей. От нее — от ее зеленых глаз, полуухмылки, соблазнительных ног — скоро ничего не останется, только кости, которых я никогда не увижу. Я думал о том, как она потихоньку превратится в скелет, он окаменеет, станет углем, который через миллионы лет выкопают люди будущего и останками Аляски обогреют чей-то дом, а она дымом вырвется из трубы и накроет атмосферу пленкой углекислого газа. Я до сих пор считаю, что... иногда думаю о том, что загробную жизнь люди придумали лишь для

того, чтобы облегчить себе боль потери и чтобы время, проведенное в лабиринте, казалось хоть сколько-то сносным. Может быть, она — просто материя, участвующая в вечном круговороте.

Но все же я не хочу верить, что Аляска была исключительно материальна. Душа тоже должна куда-то попасть. Сейчас я считаю, что человек больше суммы своих составных частей. Если вы возьмете генетический код Аляски, добавите к нему ее жизненный опыт, отношения с людьми, очертания и массу ее тела, она у вас все равно не получится. Есть что-то еще, что-то совершенно другое. Есть еще какая-то часть, более значимая, чем сумма измеримых составляющих. И эта часть тоже во что-то преобразуется, потому что она не может просто так исчезнуть.

Хотя меня не заподозришь в превосходном знании законов физики, один я запомнил: энергия не может взяться ниоткуда и не может исчезнуть в никуда. Если Аляска действительно наложила на себя руки, я сожалею о том, что вовремя не дал ей надежду. То, что она забыла о маме, подвела и ее, и друзей и изменила себе — это все, конечно, страшно, но не нужно было замыкаться в себе, убивать себя. Эти страшные вещи можно пережить, потому что мы неразрушимы, пока верим в это. Когда взрослые с характерной глупой и хитрой улыбкой говорят: „А, молодые думают, что будут жить вечно“, они даже не представляют, насколько они правы. Терять надежду нельзя, потому что человека невозможно сломать так, чтобы его нельзя было восстановить. Мы считаем, что мы будем жить вечно, потому что мы будем жить вечно. Мы не рождаемся и не умираем. Как и любая другая энергия, мы лишь меняем форму, размер, начинаем иначе проявлять себя. Когда человек становится старше, он об этом забывает. Взрослые боятся потерять и боятся оставить кого-то. Но та часть человека, которая значит больше суммы составных его частей, не имеет ни начала, ни конца, и она не может уйти.

Поэтому я знаю, что Аляска меня прощает, как и я прощаю ее. Вот последние слова Томаса Эдисона: „Там восхитительно“. Я не знаю, где это место, но я полагаю, что оно есть, и надеюсь, что там действительно восхитительно».

последние слова о последних словах

КАК И ТОЛСТЯЧОК ХОЛТЕР, я интересуюсь предсмертными высказываниями. Я увлекся этой темой в двенадцать лет. В учебнике по истории я прочел, что перед смертью сказал президент Джон Адамс: «Главное, Томас Джефферсон жив». (А оказалось, что он ошибся: Джефферсон умер в тот же день, 4 июля 1826 года, но чуть раньше; его последние слова были: «Сегодня четвертое?»)

Я не могу толком объяснить, почему меня это интересует до сих пор, почему я стараюсь выяснить, что сказали перед смертью все интересные люди. В двенадцать мне сказанное Джоном Адамсом очень нравилось. А еще мне тогда очень нравилась девочка по имени Уитни. Чувства со временем часто проходят (чувства к Уитни точно прошли — я даже ее фамилии не помню). Но некоторые — остаются.

Я также не могу сказать наверняка, насколько точны все приведенные в моей книге высказывания. Подлинность предсмертных заявлений, по определению, сложно проверить. Те, кому их довелось услышать, как правило, сильно переживают, в голове все путается, а автор высказывания уже не может подтвердить, были ли именно эти его слова последними. Я старался быть точным, но все же не удивлен, что по поводу двух основных цитат, которые я использовал в книге, ведутся споры.

СИМОН БОЛИВАР

«Как же я выйду из этого лабиринта?!»

По сути, наверное, не это сказал Симон Боливар перед самой смертью (хотя он все же произносил эту фразу, только в другой момент жизни). А на самом деле это могло быть что-нибудь вроде: *«Хосе, неси чемоданы. Нам тут не рады»*. Но мы с Аляской опираемся на роман Габриэля Гарсии Маркеса *«Генерал в своем лабиринте»*.

ФРАНСУА РАБЛЕ

«Иду искать Великое „Возможно“».

Различные источники приписывают Франсуа Рабле разные высказывания, всего четыре варианта. Они перечислены в «Оксфордской книге смерти»: а) *«Иду искать Великое „Возможно“»*; б) (после того, как его растерли мазями) *«Как ботинки начищают перед последним путешествием»*; в) *«Опустите занавес, фарс окончен»*; г) (закутываясь в

домино, то есть плащ с капюшоном) «*Beati qui in Domino moriuntur*». Последнее высказывание — это интересная игра слов,^[14] но поскольку оно на латыни, сейчас его цитируют редко. Вариант г) я отвергаю потому, что мне сложно представить, будто Рабле, умирая, будет наряжаться для того, чтобы пошутить, да еще и *на латыни*. Вариант в) очень популярен, поскольку он прикольный, а все любят предсмертные высказывания поприкольнее.

Я продолжаю верить в то, что поэт перед смертью сказал: «Иду искать Великое „Возможно“», отчасти потому, что этой же точки зрения придерживается Лора Уорд, автор книги «Предсмертные высказывания известных людей», а отчасти потому, что я сам в это верю. Я родился в лабиринте Боливара, поэтому я просто обязан верить и надеяться на это Великое «Возможно» Рабле.

благодарности

ТО, ЧТО Я НАПИСАЛ ЭТО СЛОВО С МАЛЕНЬКОЙ БУКВЫ, вовсе не означает, что и признательность моя невелика.

Во-первых, эта книга ни за что бы не появилась на свет, если бы не моя невероятно добрая подруга, редактор, псевдоагент и наставник Илене Купер. Она — просто настоящая сказочная крестная, только всамделишная и одевается получше.

Во-вторых, мне невероятно повезло, что в «Даттоне» моим редактором назначили Джули Стросс-Гейбел; более того, мне еще и посчастливилось стать ее другом. О таком редакторе мечтает каждый писатель: она равнодушна, влюблена в свою работу и неоспоримо умна. Единственное во всей книге, что она не смогла отредактировать, — это благодарность к ней, и думаю, вы согласитесь, что книга из-за этого получилось не вполне удачной.

В-третьих, я хочу сказать спасибо Донне Брукс: она с самого начала поняла, что сюжет стоящий, и значительно помогла мне в его развитии. Помимо этого я обязан Маргарет Вуллатт из издательства «Даттон». У нее в фамилии много сдвоенных согласных, но человек она классный. Также я хочу отметить талантливую Сару Шамвей — ее внимательность и меткие комментарии явно пошли книге на пользу.

В-четвертых, я очень благодарен своему агенту, Розмари Сэндберг, которая всегда без устали отстаивает интересы своих авторов. К тому же она из Британии. Она говорит «Cheers» вместо «Later».^[15] Разве не круто?

В-пятых, я должен сказать, что значительное влияние на мою работу оказали комментарии Дина Шимакиса и Уилла Хикмана — это мои самые лучшие в мире друзья, и я их это, типа, люблю.

В-шестых, я, среди прочих, обязан Шэннону Джеймсу (мой сосед по комнате), Кэти Элс (я обещал упомянуть ее здесь), Хассану Аравасу (это тоже мой друг), Брэкстону Гудричу (мой кузен), Майку Гудричу (он адвокат и тоже мой кузен), Дэниелю Биссу (он — настоящий математик), Джордане Сегнери (подруга), Дженни Лотон (это долгая история), Дэйвиду Рохасу и Молли Хэммонд (друзья), Биллу Отту (мой образец для подражания), Эми Краус Розенталь (которая устроила меня на радио), Стефании Звирин (мой первый реальный работодатель), П. Ф. Клуге (мой учитель), Диане Мартин (тоже учитель), Пери Ленц (тоже учитель), Дону Роугану (тоже учитель), Полу МакАдаму (тоже учитель — я очень люблю своих учителей), Бену

Сегедину (мой босс и друг) и милейшей Саре Юрист.

В-седьмых, в последних классах школы я учился с просто отличными ребятами. Особенно хотелось бы поблагодарить неукротимого Тодда Карти, а также Ольгу Чарни, Шона Титона, Эмметт Клод, Дэниеля Аларкона, Дженнифер Дженкинс, Чипа Данкина и МЛС.

об авторе

ДЖОН ГРИН работал редактором в журнале «Ментал-флосс», а также на радио в программе «С учетом всего этого». Сам он больше всего любит последние слова Оскара Уайльда. Писатель умирал в вычурно декорированном номере гостиницы и заявил: «Нет, либо вы снимете эти обои, либо я умру». «В поисках Аляски» — дебютный роман Джона Грина. Его же перу принадлежит роман «Многочисленные Катерины», за которую он получил почетную премию Printz, а также «Бумажные города».

notes

Примечания

1

Шутка основана на том, что имя героя Miles созвучно слову «мили» на английском языке.

Окра (иначе — бамия) — овощная культура, стручки, по вкусу среднее между баклажаном и спаржей.

3

Как вы говорите по-французски? (*фр.*)

4

Прошедшее сложное (*фр.*).

Человек, читающий рэп.

Устройство для курения, сделанное по типу кальяна, но приспособленное специально для каннабиса.

«Лимонами» в Америке называют автомобили, у которых после покупки обнаруживается серьезный дефект.

Уистен Хью Оден (1907–1973) — знаменитый английский и американский поэт, драматург, литературный критик.

Перевод Библии на английский язык; выпущен под покровительством короля Якова I в 1611 году.

В данном случае юмор в том, что Аляска пообещала интересный вариант, а придумывать его выпало на долю Толстячку.

По-французски (фр.).

Это печенье известно своей глупой рекламой.

Немножко (*фр.*).

Это означает: «Благословенны умирающие во имя Господа» — и в то же время: «Благословенны умирающие в плаще».

«Later» (*англ.*) — «пока!» и «позже». «Cheers» (*брит. англ.*) — «пока!», но также «спасибо!» и «молодец!».